

ISSN 0130-8009

ПИОНЕР

7'90

ПИОНЕР

Выходит с 15 марта 1924 г.

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

Москва, 1990
Издательство «Правда»

7

ЧИТАЙ В ИЮЛЕ

■ Алексей Глебов. **Дружок**. Рассказ. 5.
 Стихи Раима Фархади. 8.
 Николай Федоров. **Тучков мост**. Повесть. 10.
 Стихи Марка Вейцмана. 23.
 Александр Барков. **Витька с Лешачьего острова**. Рассказ. 35.
 Сергей Баруздин. **Кузнечик Чуи**. Повесть-сказка. 46.

■ Параграф номер два под микроскопом...
 М. Матвеева. 2.
 «Пионер»ское агентство «Факт». 19, 64.
 Планета детей. 20.

Московских стен старинный щит. Н. Зенькович. 6.
 «...Княжна Ниночка Джаваха...». В. Приходько. 26.

■ Как представляли себе мир наши предки.
 С. Никитина. 40.
 Какого ты был цвета, старина жираф?
 В. Корабельников. 44.
 Не сотвори себе кумира. С. Романовский. 62.

■ Переходный возраст. 24.
 Чиж. 29.
 Узел связи. 57.
 Формула бега. 58.
 «Кораблик». 60.

На обложке: рисунок Кунио Сато (Япония).

Какой неудобный дом!
С. 29.

С. 44.

Нет, главное
все же голова.
С. 46.

Сегодня разминку ведет воспитательница одного из московских детских садов **Наталья ПЕШАКОВА**.

«НУ, ДЕТСКИЙ САД!»

Посмотрите на фотографии этих мальчиков и девочек. Их имена вам наверняка хорошо известны. Правда, услышали вы их тогда, когда к ним уже прочно приросли эпитеты «гениальный», «великий», «замечательная», «талантливый».

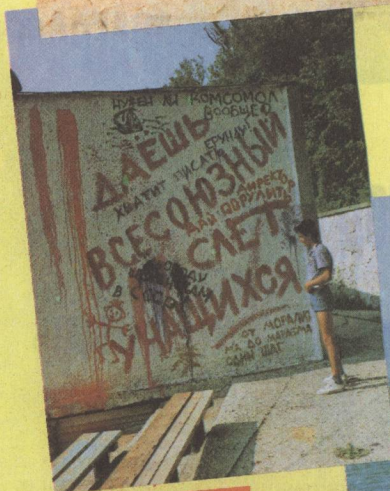
Но пока они обычные дети, и кто возьмется разглядеть в них будущую славу Родины — может быть, вы?

Тогда напишите, **КТО** есть **КТО**. Очевидно, вы уже догадались, что преимущество будет отдано тем, кто не просто перечислит фамилии, но и напишет о своем собственном отношении к героям нашего «Детского сада», к их произведениям.

Условия разминки — прежние.

Ответы рассматриваются до 15 августа.

Фотографии Т. ГОЛТВИНОЙ.

В СЕРОСИЙСКОМУ ПИОНЕРСКОМУ ЛАГЕРЮ «ОРЛЕНОК» — ТРИДЦАТЬ ЛЕТ!

А он все такой же, как в первый день своего рождения, — солнечный, звонкий, поющий, морской.

Здесь самое игривое море, потому что в нем живут дельфины.

Здесь самая лучшая школа, потому что пятидневка и без домашних заданий. А вместо звонка — музыка. И можно на переменах или после уроков поиграть на компьютерах.

Здания, где живут ребята, похожи на пришвартованные к пирсу корабли.

Клуб — дворец, в нем только балы устраивать: хрустальные гроздья люстр, мраморные полы, фонтаны, растения по стеклам ползут, будто в оранжерее.

И вожатые раз в смену устраивают такой концерт, о котором их пионеры помнят долгие годы.

Здесь, в «Орленке», все уютное, домашнее, небольшое — стадионы, парк, аллеи, пляж, отрядные места, — поэтому и помнятся долгое время. И хочется возвращаться и возвращаться сюда, к Черному морю, где никто ни на кого не кричит, каждый каждому доверяет и относится к другому по-человечески.

*Поздравляем, «Орленок»!
С днем рождения!*

Если вы помните, в прошлом номере журнала мы начали разговор о проекте Устава пионерской организации, о том, изменится ли жизнь пионеров, если этот Устав будет принят.

В разговоре участвовали рядовые пионеры — кружковцы Московского городского Дворца пионеров и школьников и активисты — члены пионерского штаба Ленинского района г. Москвы.

И подошли мы тогда к самому главному вопросу: какова же ЦЕЛЬ нашей организации?

Вот с этого места мы и продолжим.

Во имя чего?

Вопрос этот, на мой взгляд, еще не решен, а без решения его двигаться дальше нельзя, просто нельзя существовать.

То, что отряды могут быть и при школе, и вне школы, — это хорошо. Что пионер может выбрать себе отряд — замечательно. И что добровольно можно вступить в организацию и можно из нее выйти — очень важно. И что пионеру не заказано быть членом и другой какой организации — просто здорово уже хотя бы потому, что этим признается: могут быть и другие детские организации в стране, не только пионерская.

Но ведь символы, атрибуты, законы, права и обязанности — это все потом, когда уже договорились о самом главном — о цели, то есть ВО ИМЯ ЧЕГО мы объединились и чем наша организация, наше содружество, наш союз будет отличаться от всех других, какие уже есть или еще будут.

А вот цели-то, на мой взгляд, у пионерской организации все еще нет.

«Как это нет? — может спросить читатель. — В проекте Устава она обозначена».

Да, есть такой параграф под номером два. Но только перечитайте его внимательно: «...помогать каждому пионеру расти гражданином своего Отечества...». И подумайте. Каждый из нас гражданином своего Отечества становится с рождения. Значит, здесь речь о другом и слово «гражданин» употреблено в высоком стиле и означает прежде всего — сознательный член общества. Ну тогда пионерская организация, по-моему, берет на себя много, тогда нужно ясно показать, КАК, НА ЧЕМ, БЛАГОДАРЯ ЧЕМУ можно вырастить

ПАРАГРАФ НОМЕР ДВА ПОД МИКРОСКОПОМ, ИЛИ ПРОДОЛЖАЕМ ОБСУЖДАТЬ ПРОЕКТ УСТАВА

из пионеров Граждан. И еще: «помогать каждому пионеру... расти нужным семье». Тоже не очень ясно.

История вопроса

Ох, непростой это вопрос оказался — выбор цели. И глава эта, наверное, будет самая сложная во всей цепи наших рассуждений. Но ты, если почувствуешь, что данных исторических экскурсов тебе не выдержать, пропусти эту главу и читай дальше. Мы не обидимся. Мы понимаем. И обещаем, что дальше читать будет легче.

На Всесоюзной конференции пионерских работников, которая в середине марта проходила в Москве, председатель ЦС ВПО Игорь Николаевич Никитин познакомил всех с историей вопроса о выборе цели.

В далекие 20-е годы, когда пионерская организация только создавалась, цель ее звучала так: «Борьба за дело рабочего класса». Потом цель изменилась: «Борьба за дело Ленина». Потом: «Борьба за дело Ленина — Сталина». Но все это какие-то общие, абстрактные слова, не очень и понятные, потому что каждый это «дело рабочего класса» или «дело Ленина» мог трактовать в силу своего разума.

А потом многие годы организация жила вообще без цели. Маршировали, шли колоннами,

сами не зная, куда. Считалось, есть девиз: «К борьбе за дело Коммунистической партии...», из него вроде бы и так ясно, во имя чего мы объединились.

Сейчас у нас цель — воспитывать юных борцов за дело Коммунистической партии. Все так же общо и так же непонятно.

О цели взрослые много говорили и на конференции. Умно говорили, серьезно. Предлагали цель определить так: «Сдружить детей и взрослых в поддержку перестройки социалистического общества, в улучшении окружающей среды». Или так: «Цель — совместная деятельность детей, подростков и взрослых по улучшению окружающей жизни и самих себя». Или: «Помочь каждому члену жить по законам демократического гуманного общества».

Ну и еще с десятков таких же серьезных формулировок. Как говорят мои дети в кружке журналистики, когда я в своих заумных рассуждениях вознесусь в заоблачные дали: «Это вы с высоты птичьего полета так видите?»

А мне почему-то во время конференции представилась такая картинка: руководитель пионерской организации обнимает одной рукой Катю десяти лет, а другой рукой — Петю того же возраста и говорит им: «Идите к нам в организацию. Мы объединились для того, чтобы...» А дальше подставляйте любую цель, названную взрослыми. Например: «Мы объединились, чтобы развить личность ребенка и приобщить его к социальному творчеству».

Как вы думаете, пойдут Катя и Петя к пионерам? Я бы на их месте прежде хорошенько подумала, тем более что не одни только пионеры теперь вокруг, и с каждым месяцем выбор будет все шире. Может, у других-то цель попонятнее?

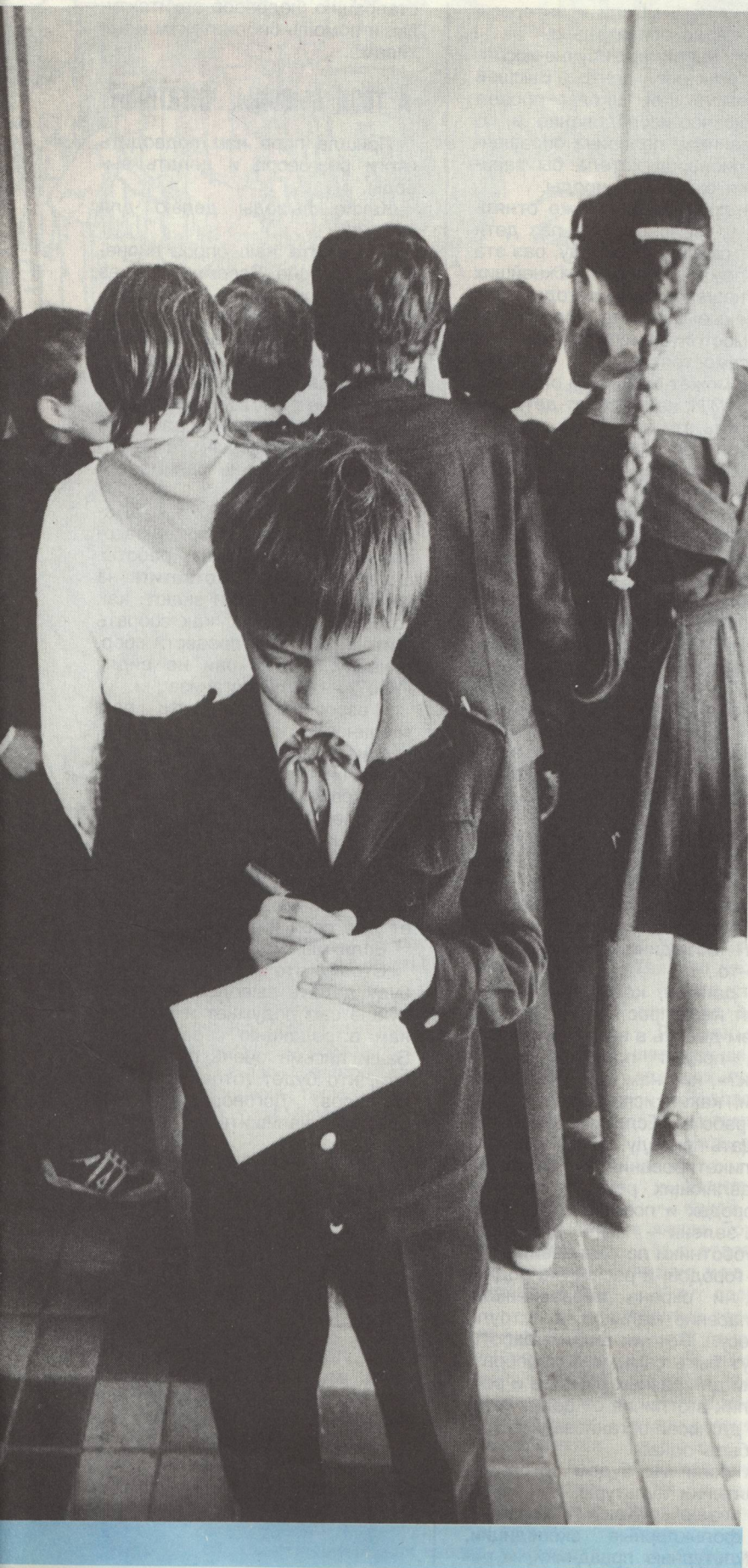
Мозговой штурм штабистов

Всех мы раскритиковали, все чужие идеи отвергли. И возникает резонный вопрос: «А сами-то мы можем что-то предложить?»

Давайте попробуем. А так как в теоретических изысканиях мы не искусны, как многие взрослые, десятилетия работавшие над теорией пионерской организации, мы будем опираться только на здравый смысл и плясать от печки.

Представим, что завтра мы

создаем новую детскую организацию. И прежде всего решим, ВО ИМЯ ЧЕГО мы объединимся. Это и будет наша цель.

Штабисты, с которыми я обсуждала эту идею, мне стали подсказывать:

— Материальные ценности будем создавать. Что-то конкретное, чтобы можно было пощупать.

— Нет, наша цель будет — развлечения. Сделаем все, чтобы пионер с пользой проводил свободное время.

— Лучше пусть каждый выберет дело сам.

— Давайте, цель будет — помочь пионеру развиваться.

Насчет материальных ценностей не знаю. Мне кажется, все, что можно пощупать, должны создавать фабрики, заводы, колхозы, фермы, мастерские... А в партии, союзы, организации люди объединяются не за этим.

Если «от печки» рассуждать и объяснять как можно проще, то в партии и союзы люди объединяются для того, чтобы сообща защищать свои интересы или интересы тех групп населения, которые они представляют. Я так понимаю.

Цель — развлечения? Создать организацию на всю страну, с уставом, законами, сложным регламентом и ритуалами, чтобы лишь повеселиться?

Каждый сам себе придумает дело? Ну хорошо, придумает. Только зачем ему тогда наша организация?

Помочь пионеру развить себя? Может быть. Помочь воспитать характер, закалить тело и дух... Да, такую цель ставят перед собой, например, скауты. Скауты живут и процветают во многих странах мира, были они когда-то в России — до революции и в первые годы после нее, теперь вот снова появились у нас: в Эстонии, Литве, Латвии... Говорят, уже и в Башкирии есть. Не сегодня завтра могут объявиться и в других регионах России, и в других республиках. Конечно, их программы очень привлекательны для многих ребят. Я была в харцерских летних лагерях, а польские харцеры очень близки к скаутам. Видела, как мальчишкам предлагались различные испытания: надо было вытерпеть боль, голод, пройти искус молчанием, суметь одному провести ночь в лесу... Я видела, как они купались в холодный ветреный день в озере, как возвращались в ла-

гер после суточного похода, в который нельзя было взять еду, а пропитание надо было найти в лесу или заработать у крестьян на ближайших хуторах... Да, так в играх, походах и испытаниях закалять характер не отказались бы, как мне кажется, многие подростки, но только это — главная цель уже другой организации, а нам надо выбрать свою. А если самовоспитание сделать второй, не главной целью, тогда, позвоьте, где же разработки, КАК заниматься этим самовоспитанием? Какие искусы надо пройти, чтобы считать, что эту задачу ты выполнил? Такого перечня в пионерских документах нет.

Так что же может стать нашей целью? Во имя чего нам заключить свой союз? Вот уже много дней я перебираю различные идеи, а потом обсуждаю их с ребятами.

Давайте объединимся, чтобы:

- защищать природу от неразумного человека?

- сохранять памятники как духовной, так и материальной культуры, а разрушенные — восстанавливать?

- помогать всем, кто слабее и беспомощнее нас: одиноким старикам, больным детям?

- подружить детей различных национальностей, избавить людей от национальной неприязни?

А может, цель — защитить права детей? Ведь у них так много прав и в школе, и в семье, и в государстве! («Нет, это должны делать взрослые», — не соглашаются со мной штабисты. Ну что ж, я не настаиваю.)

Защита животных, как диких, так и домашних, — ведь может и такая быть цель?

И этот ряд можно и дальше продолжать...

Мне кажется, каждая из этих проблем так серьезна и так громадна, что вполне достойна стать главной целью большой детской организации.

Наивно было бы предполагать, что один человек, кто бы он ни был, вот так, сидя за письменным столом, определит цель огромной всесоюзной детской организации. Нет, конечно, не определит. Но и думать, что дети сами, на сборе или на слете, придумают для своей организации цель, тоже наивно. Не надо лукавить, без «лысых дядей и строгих тетей в очках» (помните, как писала девочка Рита из моего кружка?) дети не обойдутся.

Но учесть мысли и интересы детей надо обязательно.

Вот, например, научно-исследовательский центр Высшей комсомольской школы провел всесоюзное исследование, и, по его данным, половина опрошенных пионеров хотела бы заниматься охраной природы.

Не предлагаю тут же отнять хлеб у «зеленых», но раз дети хотят охранять природу, раз эта проблема — одна из важнейших для нашей страны сегодня, раз «зеленые» пока не оформились в самостоятельную партию или в самостоятельный детский союз, может быть, нам стоит подумать? И, как говорят дети, за столбить эту цель?

Меня могут спросить: а почему бы пионерам, как и прежде, не заниматься всем понемногу — и природу охранять, и родной край изучать, и тимуровцами быть, и за дружбу детей всего мира ратовать?.. Помните, во «всеохватном» Марше были маршруты «Моя Родина — СССР», «Тимуровец», «В мир прекрасного», «В страну знаний»?..

Знаете, что мне кажется? Всем понемножку в пионерской организации можно было заниматься, когда она была одна, детская организация-монополия. А когда появляется в стране много детских организаций и разных, у каждой из них, и у пионерской в том числе, должна быть четкая, ясная, понятная ребятам цель: «Мы объединились во имя того-то...»

А дальше, когда мы найдем ответ на вопрос «Что?», что мы будем делать в нашей организации, придет пора продумать «Как?», как нам добиться своей цели, какие использовать формы работы. Если мы будем защищать природу, то тут уместны и пикетирования у заводов, отравляющих реки, и митинги в городах и поселках, где вместо зелени — пыль да грязь, и субботники по озеленению таких городов, и расчистка родников, и охрана муравейников, и спасение мальков, и патрули в лесу... Вот уж формы работы могут быть самыми разнообразными для разных районов и республик в отличие от цели, которая для всей организации должна быть одна.

А если мы будем сохранять памятники культуры, например, то наше «Как?» означает и фольклорные экспедиции, и культурные праздники, и ре-

ставрацию шедевров архитектуры, и помощь библиотекам и архивам...

А твои выводы, читатель?

Пришла пора нам подводить итоги разговора и делать выводы.

Какие выводы делаю для себя я?

Вспомните наш опрос пионеров во дворце. Вспомните отказ моих кружковцев обсуждать проект Устава. А не потому ли пионерская масса так пассивна, что не знает, для чего существует ее организация, чем она занимается, не чувствует реальной цели. Вроде бы говорят, что надо заниматься всем, а на самом деле никто не занимается ничем.

Пионерские активисты, штабисты — знатоки и организаторы всяческих форм работы, с легкостью могут ответить на вопрос «Как?». Они знают, как устроить праздник, как собрать агитбригаду, как провести сбор, линейку... Но и они не видят «Что?» — цели организации.

И взрослые дяди и тети в растерянности, как мы убедились, прочитав проект Устава.

Значит, продолжаю перечислять свои выводы, все мы — и пионеры, и взрослые, причастные к детской организации, должны продолжить работу над выбором цели.

Какие выводы, я жду, сделает для себя читатель?

Если мы, дети...

Стоп. А что это я за читателя буду делать выводы? Пусть он лучше сам подумает и пришлет нам в редакцию свое мнение. Ваши письма очень пригодятся тем, кто будет готовить X слет пионеров. Договорились? На конверте напишите: «X слет».

М. МАТВЕЕВА

Алексей ГЛЕБОВ

ДРУЖОК

Рисунок В. КУЗНЕЦОВА.

Учился я тогда в пятом классе. Мать работала вахтером на каком-то складе. Отец уже после войны в госпитале умер, но не об этом сейчас речь...

Принес я однажды домой небольшую прилудную собачонку. Продержал неделю и стал просить мать оставить ее насовсем. Мать ни в какую:

— Уноси, уноси ее. Куда хочешь девай, не нужна она нам. Скоро в пионерлагерь поедешь, путевку обещали. А мне с ней недосуг заниматься. Я в две смены работаю.

А я уже стал привыкать к Дружку (так я назвал собаку), и уносить его не хотелось.

— Ну сам посуди,— убеждала мать.— С кем он тут будет, если ты в пионерлагерь уедешь. Я тоже в отпуск в деревню собираюсь, твою бабушку проведать, хворает она. С кем твой Дружок тут останется? Кто его кормить будет?

Долго я упрашивал мать, чтобы оставить собаку, но она не сдавалась.

— Уноси, уноси ее, пока не привыкли, привыкнем, жальче будет...

Ничего не поделаешь: пришлось мне везти Дружка на Птичий рынок, может, кто возьмет, хороший человек.

Посадил я собаку в свой школьный портфель и поехал на рынок.

Я и раньше туда ездил. Нравилось мне кроликов, собак, кошек разглядывать. Любил в рыбном ряду потолкаться. Голубей тоже интересно поглядеть. Да мало ли чего диковинного увидишь на Птичьем рынке. Шум, гам, толкотня; голоса поющих щеглов и канареек, лай собак, кукареканье петухов — все это сливается в один веселый оркестр.

Протиснулся я туда, где продавали собак, и встал рядом с дядечкой, был он, помню, в вытертой кожаной куртке.

У его ног сидела огненно-рыжая собака, удивившая

меня своей маленькой головкой и обвислыми, чуть не до земли, ушами.

— Гончая? — спросил я хозяина.

— Может, и гончая,— нехотя ответил тот.— Что, иль купить надумал?

— Не...— ответил я.— Сам принес.— И кивнул на Дружка, который высунул мордочку из портфеля.

Увидев рядом собаку, Дружок залаял, но не зло. Тявкнул несколько раз, для порядка.

Рыжая собака не обратила на этот лай никакого внимания, она невозмутимо сидела у ног хозяина.

Постоял я, постоял рядом с этим дядечкой и пошел дальше, в глубь рынка... И вот тут встретился мне пожилой мужчина, в руках у него была большая сумка.

— Продаешь живность? — весело спросил он.

Я ответил, что не продаю, могу так отдать.

— Мать, видно, не разрешает держать собаку,— угадал он.

— Берите, если ухаживать за ней будете,— сказал я.

— Какой разговор,— ответил мужчина.— Все будет в ажуре. Порядок полный.

И я отдал ему собаку. Помню, напоследок Дружок лизнул мою руку.

И тут произошло самое страшное. Подходит ко мне щуплый такой старичок, на поводке у него щенок немецкой овчарки и шепчет:

— Зачем отдал? Это Карлуша, его тут многие знают. Он собак убивает, а из шкур шапки шьет, на продажу.

Ноги у меня подкосились... А когда опомнился, бросился догонять. Да где там! Не нашел я этого Карлушу на рынке.

Домой приехал в слезах весь. До утра не спал.

На следующий день с ребятами на Птичий рынок поехали, чтобы поймать живодера, но так и не встретили...

Столько лет прошло, а вспоминать об этом больно.

М

ОСКОВСКИХ СТЕН СТАРИННЫЙ

И поныне помню тот урок. Проходили «Слово о полку Игореве». Я открыл его для себя гораздо раньше, прочел раз, потом еще. Дивная музыка стиха заколдовала меня. Вскоре знал наизусть многие места. Сколько раз, сидя на плетне, чтобы не упустить из виду пасущуюся невдалеке Зорьку, то и дело норовившую юркнуть в густой колхозный клевер, я представлял себе «воинов в золоченых шлемах», готовых биться саблями калеными за родную землю.

Учительница у нас была новая, из приезжих. Нет, скучно как-то у нее выходило. Она сама это почувствовала. Сказала с обидой:

— Кое-кто считает себя шибко грамотным. Что же, могу им дать слово. Пожалуйста.

Колька, сосед, толкнул меня в бок:

— Валяй!

О моей заветной мечте знал только он один.

С Колькой Доронькиным — он сейчас известный ихтиолог — мы встретились как-то уже совсем-совсем взрослыми, и он стал вспоминать давнишний тот эпизод и уверял, что я прочел тогда на уроке наизусть почти треть поэмы. Не знаю, может, так и было. «...Не ваша ли храбрая дружина рык издает, словно туры, раненные саблями калеными, в поле незнаемом? Вступите, князья, в золотое стремя за обиду нашего времени, за землю русскую, за раны Игоря, храброго Святославича!» Можно себе представить, что ощутила учительница, когда поднятый ею в назидательных целях ученик сообщил: по его мнению, Давыд, к которому тогда обращался Святослав, не кто иной, как доблестный смоленский князь. Нет, неспроста автор «Слова» устами мудрого киевского князя восхваляет умного Давыда Ростиславовича: единение всегда было стремлением смоленских князей. И поражение Игоря не есть поражение Руси,

а только начало большой битвы с врагом — победа будет за русскими, но при условии их объединения. Пророчество автора «Слова» сбылось: всего через несколько лет после поражения князя Игоря объединенные русские дружины одолели половцев.

...Класс замер. Я заметил, как расширяются от изумления зрачки учительницы. Горячая, тугая волна подхватила меня и понесла, звон колоколов ударил в уши. Я увидел себя застывшим у подножия могучей кручи Днепра. От невиданной красоты перехватило дыхание. Высоко в облаках парил шлемовидный золоченый купол, из земли поднимались мощные плоскости стен. Стремительность и движение этому необыкновенному чуду архитектуры придавали плывущие облака и журчавшая внизу вода. Свирская церковь! Взметнулась она над Днепром в 1195 году, чтобы восхвалить великую победу русского оружия. Это жемчужина, поэма в камне.

«...всем приходящим к ней дивится изрядной красоте ея, иконы златом и серебром, жемчугом и камением драгим украшены», — сказано у летописца. Уникальный памятник русской воинской славы дошел до нас в своем первозданном облике.

Чтобы мне, рассказчику, поверили, пришлось во всеулышание заявить: был в Смоленске, видел собственными глазами.

— Смотрите, как интересно... — немного растерянно сказала учительница. — Много о родном крае может узнать в городе любознательный человек.

Только ведь не был, не был я тогда еще в Смоленске! Мечтал только. Хотя слыхано и читано о нем было немало с самых ранних лет. Но шло время, и наконец я увидел его.

В июне светает рано. За окном поезда мелькали неброские, но широкие, завораживающие пейзажи. Красота смо-

ЩИТ

Николай ЗЕНЬКОВИЧ

Рисунки А. ОСТРОМЕННОГО.

ленской земли — спокойная, сильная. Глядя сквозь оконное стекло на незащищенные, доверчивые березки, открытые равнины, ясные озера и петлистые речушки, я вспоминал, как писали об этой земле уроженцы Смоленщины Михаил Исаковский, Николай Рыленков, Александр Твардовский... Вот он, Смоленск — ключ-город, щит и меч, ожерелье государства Российского, город-воин, — кому еще адресовано столько признательных сравнений? На бульварах и площадях разгорались алые канны. Все эти дни высоко над Днепром висело почти неподвижное солнце. Мы немало побродили по широкому асфальту новых улиц, сворачивали в полукружия переулков, и тогда горбатенькие булыжные мостовые выводили нас к старинным башенкам, часоулкам, знаменитой крепостной стене.

Смоленск, как и Москва, стоит на семи холмах. Вот откуда ощущение размашистости, приволья. Однако Смоленск старше Москвы. Историки считают Смоленск одним из самых древних городов Руси, ровесником Киева и Новгорода, его летосчисление ведется с 863 года. Именно тогда варяжские предводители Аскольд и Дир с войском не осмелились войти в град Смоленск, потому как был тот

«велик и мног людьми» — племенами древнерусскими.

Лесной стороной издревле считали Смоленщину. Можно себе представить ее зеленые богатства во времена Киевского княжества, в состав которого она вошла в 882 году, если еще в XVIII веке три четверти ее территории были покрыты густыми лесами. Да и само название Смоленска скорее всего произошло от слова «смола». Местные жители были отменными мастерами по части смолокурения да смоления челнов и стругов. А название множества окрестных сел? Вон они кружочками густо рассыпались по карте, словно горох из решета: Смоляны, Смолково, Смолики, Коптево, Ельня... На Смоленщине жили строители-искусники, столярных дел мастера — и при всей их неповторимости, несхожести «почерков» видна здесь школа древнерусских мастеров, чудо-зодчих. Город был одним из ведущих архитектурных центров Руси. Появлялись и первые каменные постройки... Можно представить, что я почувствовал, когда наконец подошел к древним стенам уникальных сооружений: вот он, Успенский собор, вот и Свирская церковь. Словно вынырнули из детских воспоминаний, из моего горячего увлечения историей, из знаменитого «Слова».

А старинные одежды смолян? Рассказывают, будто один иностранец, налюбовавшись необычайной красотой льняных тканей, тончайшими кружевами и дивными рисунками вышивок, изумленно прищелкнул языком и сказал:

— Нет-нет — Смо-лен-ск. Надо Смо-лён-ск. Лён, хорош лён. Смо-лён-ск.

Иностранца поняли и засмеялись. Действительно, это и край льна. Все это была очень трудоемкая работа, и я помню, как изматывала она мою маму, но лён был душой, поэзией сельской женщины. И когда выбеленное мамой полотно шло на продажу, к нему приценивались рославльские или даже смоленские купцы. Много умельцев знала земля смоленская: и самородков-живописцев, рукодельниц, и строителей, к которым я возвращаюсь, чтобы рассказать еще об одном чуде — Смоленской крепостной стене.

...Кто это там, с огромным свитком чертежей, беспрестанно маячит среди огромной массы народа? Людей тьматмущая. По одним подсчетам — шесть тысяч, по другим — триста тысяч. Знакомьтесь: государев мастер Федор Савельев сын, зодчий. Всего шесть лет понадобилось, чтобы создать каменное чудо. «Положили мы такую красоту неизглаженную, что подобно ей не будет по всей поднебесной: одних башен на стене 38, — восторженно писал Борис Годунов. — Смоленская стена станет теперь ожерельем всея Руси Православной на зависть врагам и на гордость Московского государства». Руками крестьян и посадских людей воздвигнуто было по холмам и оврагам первоклассное фортификационное сооружение, мощный заслон на пути к Москве с запада. Шесть лет подряд по всем площадям и улицам Московского государства зачитывался государев указ о том, чтобы «в сие лето никто нигде не строил ни церквей каменных, ни палат, ни погребов». Всеми городами государства Московского, всей землей русской ставили в Смоленске неприступную крепость. Петр Первый вспомнит об этом, когда задумает строить город-крепость на берегах Невы.

Борис Годунов упоминал о 38 башнях на крепостной стене. До наших дней дошло 18, из них 11 восстановлены. Менее разрушена восточная часть стены, здесь расположена Веселуха — круглая красивая башня с великолепным обзором. Крепостная стена, символ и украшение Смоленска, предстает перед нами во всей своей былой мощи.

Вовремя построил Федор Савельевич Конь неприступную крепость. Не успели улечься страсти (из уст в уста передавались доподлинные слова Бориса Годунова: ширина стены такова, что на ней на тройке проехать можно!), как на Смоленск напали поляки, а дальше пришлось отбиваться от наполеоновского нашествия.

Как и большинству сельских школьников, с выдающимися историческими событиями мне приходилось впервые

знакомиться по художественным произведениям. Так было с древнерусской историей — она бурно ворвалась в мой мир вместе со «Словом о полку Игореве». Так было и с Отечественной войной 1812 года — она открылась с эпосом Льва Толстого «Война и мир», которую я проглотил за неделю под завывание выюги за глухой бревенчатой стеной сельского дома. И снова книга неудержимо повлекла на Смоленщину, где стояли вымышленные Толстым Лысые Горы князей Болконских, чудачил старый князь, скакал в Смоленск по старинному большаку Алпатыч. Именно здесь Наполеон понял, какую опасную авантюру он затеял, двинув войска в эту страну, и впервые за весь русский поход подумал о мире.

Штурм Смоленска убедил Наполеона, что война в России — это не война в Европе. Смоляне отчаянно отстаивали свой город. Корпус маршала Нея численностью сто тысяч пехоты и кавалерии разом навалился на крепость с трех сторон, но был остановлен. В час дня в полосе наступления средней колонны, которую вел Ней, появился сам Наполеон. Поняв ужас своих солдат перед штыковыми контратаками русских, он велел открыть по городу артиллерийский огонь. Ядра трехсот орудий кромсали Смоленск почти до вечера. Назавтра штурм повторили уже 180 тысяч солдат. «В чудную августовскую ночь Смоленск представил французам зрелище, подобное тому, которое представлялось глазам жителей Неаполя во время извержения Везувия», — писал Наполеон в своем бюллетене.

Бесславный конец его авантюры известен. Французский император вошел в горевший Смоленск во главе 640 тысяч здоровых и крепких солдат. Он был в ореоле славы и величия. Спустя три месяца он вернулся сюда из Москвы... пешком! Пышная императорская карета, обвязанная от ветра снопам, едва тащилась сзади. От некогда великой армии остались 42 тысячи оборванных, голодных, обмороженных солдат, по пятам которых неотступно двигались партизанские отряды. К Смоленску направлялись и главные силы Кутузова. Неотвратимая развязка приближалась.

Смоленск героически встретил и гитлеровские полчища, вторгшиеся на нашу землю в июне 1941 года. Два месяца — с 10 июля по 10 сентября — гремела Смоленская битва. Бойцами Красной Армии с первых дней войны стали более 100 тысяч смолян. Тремстам из них присвоено звание Героя Советского Союза. А Михаилу Алексеевичу Егорову — сначала партизану, затем разведчику 757-го стрелкового полка — выпало дойти до Берлина и вместе с Мелитоном Кантария водрузить Знамя Победы над поверженным рейхстагом. Смоленск пополнил плеяду городов-героев.

Нельзя без волнения читать записку, которую я видел в музее. Обнаружили ее в патроне, когда строили новый дом. Вот она: «...Может, кто-нибудь останется, люди живые, кто-нибудь на русской земле. Не может быть, чтобы эти гады всех перебили. Кто после нас будет живой, пускай помнит, что люди боролись за свою Родину, любили ее, как мать. Мы непобедимы. Я рядовой Крутов С. М.»

Можно строить различные догадки о последних минутах солдата-смолянина. Мне же вспоминаются смоляне из других эпох, смельчаки, храбрые русичи, защитники неутомимые...

Вот такой он, любимый мой город. А твой? Разве он хуже? Меньше тайн хранит?..

* * *

...Можно ли стать Колумбом, не открывая Америки? Еще как можно. Много ли знаем мы об улице, по которой ходим, о селе, поселке, городе, где живем? В пятом номере ты прочитал о глухом таежном поселке Токма, который, по определению ученых, оказался... географическим центром всей нашей страны. А вот сегодня мы рассказывали об открытиях, сделанных в старинном русском городе Смоленске. Приглашаем к открытиям и тебя!

Раим ФАРХАДИ

Вот какие пироги

Как-то утром
Повар встал не с той ноги:
— Ох, опять готовить надо пироги...
Что за мука —
В миске тесто замесить
И яиц косую дюжину разбить.
Тут, покуда
Принесешь муку в мешке,
Весь, как рыба,
Извальяешься в муке!
И начинку
Дети просят повкусней:
И с капустой,
И с картошкой.
Вот сумей.
А сластены тоже знают,
Что почем:
Им — с малиной,
С алычой и с кишмишем.
Так, ворча,
Он печь сначала растопил.
Так, ворча,
Муку принес и яйца взбил.
Пироги слепил, поставил на листе.
Пусть пекутся в темноте
И в духоте!
Сел у печки. На минутку прикорнул...
А проснулся, обернулся —
Караул!
Из духовки дым столбом идет густой.
Наш пирожник с черпаком
И с кочергой
Причитает: — Ой, сгорели пироги!
Достаёт.
Они черны, как сапоги!
И хватает он пирог за пирогом.
И ножом скребет,
И гладит утюгом.
Раз попробовал — чуть зуб не поломал.
А вокруг уже смеются стар и мал:
Вот какие получились пироги,
Оттого что повар встал
Не с той ноги!

Дождь идет

Потемнел небосвод
Сине-голубой.
Дождь идет,
Дождь идет...
Значит, он живой!

А когда зонт возьмешь,
Выйдешь из ворот,
Вдруг услышишь, как дождь
Песенку поет.

Дождь в туманных очках,
В шапке меховой.
Дождь идет,
Дождь идет,
Дождик проливной.

Моет улицы дождь,
Листья и цветы.
Чистит окна домов
Он до темноты.

По дороге пешком,
Гладкой мостовой.
Дождь — речным бережком,
Тропкой луговой...

Дождь — чудак, тихоход,
Странный человек.
Дождь идет,
Дождь идет,
Переходит в снег...

Доброе дерево в нашем саду

Вырос в саду у нас добрый тутовник.
А посадил его добрый садовник.

Ветви в плодах полновесных видны.
Эти плоды и сочны, и нежны.

Листья пойдут для червей шелкопрядных,
В коконах — шелк для атласов нарядных.

Можно корзину сплести из ветвей,
Вырезать люльку для малых детей.

Если разжечь эти ветви в тандыре,
Будут лепешки лучшие в мире!

Доброе дерево люди все любят,
Но отчего тогда рубят и рубят?

Скоро лишь ствол остается один.
Мы на тутовник спокойно глядим.

Месяц спустя из него на рассвете
Выстрелят в небо зеленые ветви!

Есть в нем такая огромная сила —
Страшная буря его не сломила,

Не искорежил мороз в феврале,
Только темнеют рубцы на стволе...

Добрые листья его широки,
Добрые корни его глубоки.

Рисунок А. СИМОНОВОЙ.

ТУЧКОВ

Николай ФЕДОРОВ

МОСТ

ПОВЕСТЬ

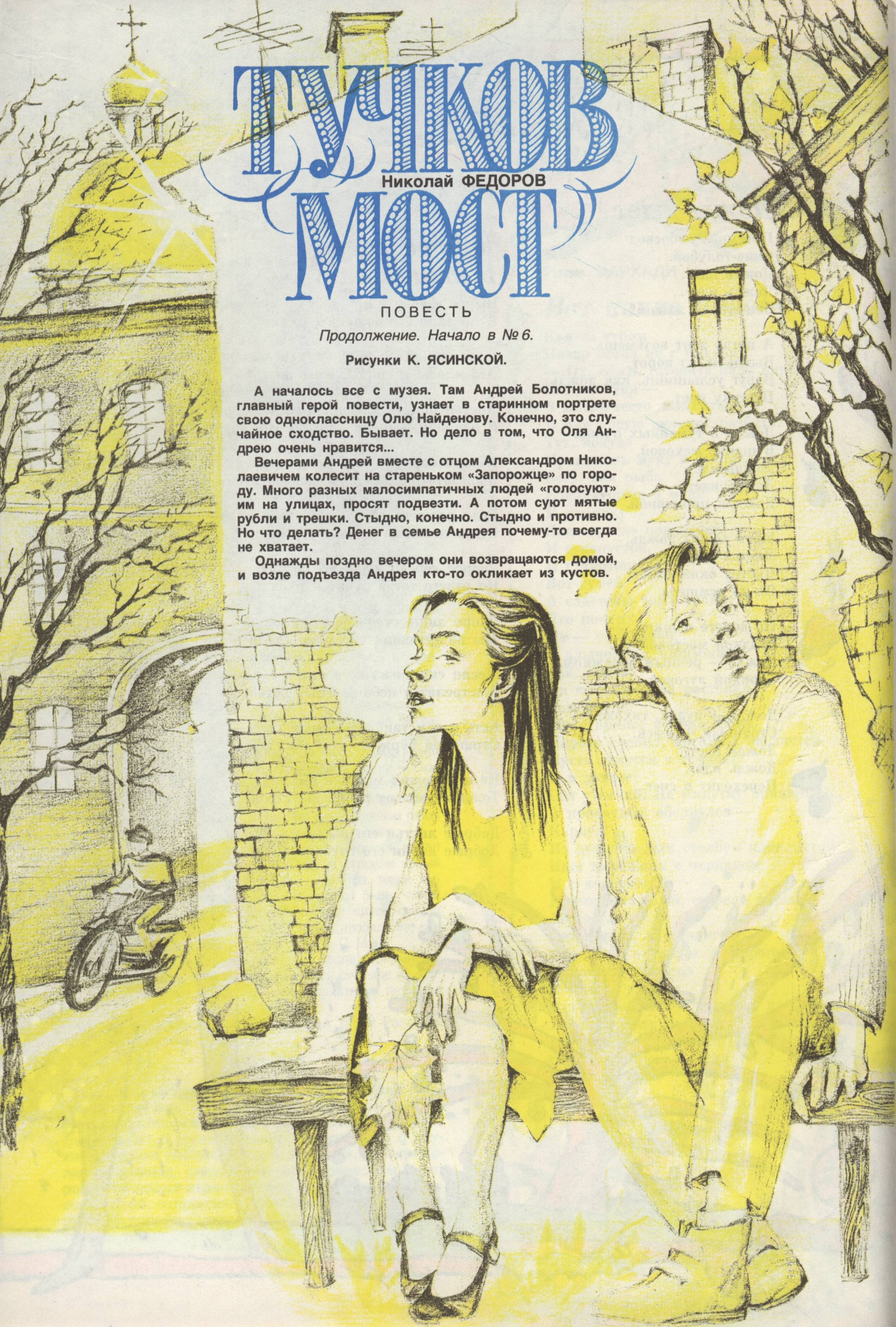
Продолжение. Начало в № 6.

Рисунки К. ЯСИНСКОЙ.

А началось все с музея. Там Андрей Болотников, главный герой повести, узнает в старинном портрете свою одноклассницу Олю Найденову. Конечно, это случайное сходство. Бывает. Но дело в том, что Оля Андрею очень нравится...

Вечерами Андрей вместе с отцом Александром Николаевичем колесит на стареньком «Запорожце» по городу. Много разных малосимпатичных людей «голосуют» им на улицах, просят подвезти. А потом суют мятые рубли и трешки. Стыдно, конечно. Стыдно и противно. Но что делать? Денег в семье Андрея почему-то всегда не хватает.

Однажды поздно вечером они возвращаются домой, и возле подъезда Андрея кто-то окликает из кустов.

Оля сидела на скамейке в кустах бузины. На ней было совсем летнее, легкое платье, и она замерзла.

— Как хорошо, что я тебя встретила, — быстро заговорила она. — Просто здорово. Ну, теперь я спасена.

— А что случилось? — спросил я. — Почему ты тут сидишь? Одна.

— Почему, почему. Потому. А с кем же мне сидеть? Послушай, Андрюшка, ты меня должен выручить. Обещаешь?

— Ну обещаю.

— Я знала, что ты мне не откажешь. Понимаешь, я поклялась родителям, что в полдесятого буду дома. А сейчас, наверное, уже одиннадцать.

— Без десяти минут, — сказал я, посмотрев на часы.

— Кошмар! Они меня убьют. Ну не убьют, конечно, но скандал будет дикий. Ты же знаешь моего отца — он такой истерик. Наверное, уже сейчас морги обзванивает.

Олиных родителей я немного знал. Папа у нее действительно был нервный товарищ. Иногда он даже звонил нам по телефону и спрашивал, нет ли у нас его дочери, хотя Оля ко мне ни разу в жизни не заходила. Наверное, он обзванивал весь наш класс по алфавиту.

— Как же я тебе помогу? — спросил я.

— Я уже все придумала. Я как тебя увидела, так сразу и придумала. Тебя мои родители знают и очень хорошо к тебе относятся. Так что идем сейчас ко мне. Они, как тебя увидят, так сразу и успокоятся. А ты скажешь, что у тебя неожиданно был день рождения и ты меня неожиданно пригласил.

— Как это день рождения может быть неожиданно?

— Ну скажешь, там, не собирался, мол, справлять, потом собрался. Да наври что-нибудь. Какая разница. Главное, чтоб я с тобой пришла. Понимаешь?

— А где ты была-то?

— Где, где... Не все ли равно. У подружки задержалась. Ну договорились?

— Совсем мне не хотелось идти сейчас к Олиным родителям и врать про какой-то день рождения. Просто бы так посидеть с ней на лавочке, поговорить. Но отказать Оле я не мог.

— Ладно, — сказал я. — Придумаем что-нибудь.

— Тогда пошли? Или, хочешь, посидим пять минуток? Теперь уже не страшно.

— А что? Можно и посидеть, — сказал я равнодушным голосом. — Я не тороплюсь.

Мы сели на скамейку — я на краешек, Оля посередине. Она зябко поежилась и сказала:

— Только дай мне свою курточку, а то я замерзла ужасно.

— Конечно, возьми, — сказал я, поспешно стягивая с себя куртку и передавая ее Оле.

— Ну накинь. Видишь, я рук не могу оторвать: холодно.

Я встал и, шагнув к Оле, набросил куртку ей на плечи.

— У-у, хорошо! Тепленькая какая. Ну сядь, что ты встал столбом.

Я сел. Теперь уже совсем близко. Вцепившись в край скамейки, я боялся пошевелиться. Мне хотелось сказать Оле и про портрет в музее, и про то, что недавно видел ее во сне — будто она в зоо-

парке стоит возле белого медведя и кормит его из рук апельсинами. Я еще много всего хотел ей сказать, но слова застряли в горле, и я молчал, как истукан.

Оля поежилась, поплотней завернулась в куртку и сказала:

— Как ты сегодня музей разбомбил — потрясающе! У меня прямо все внутри похолодело. Вообще, знаешь, я страшно люблю такие острые ощущения. Вот чтоб по самому краешку... чтоб дух захватывало! Иногда я себе представляю, что несусь на мотоцикле где-нибудь в горах, а из-под колес камни стреляют — и прямо в пропасть!.. Однажды меня мать в универсам послала. Ну положила я в корзину все, что она просила, а потом взяла банку селедки — и в карман. Стою в кассе, расплачиваюсь, а у самой сердце так и бухает: ну как кассирша спросит, что у тебя, девочка, в кармане. И жутко, и хорошо.

— Так ты что же, украла? — спросил я.

— Глупый ты какой, — обиженно ответила Оля. — Нужна мне эта селедка! Я когда из универсама вышла, то выбросила ее в урну. Я риск люблю, понимаешь. Когда я рискую, тогда только и живу по-настоящему. А так — скука.

— Оль, — сказал я, — а я сегодня в музее один портрет старинной девушки видел, так на тебя похожа — ну просто очень.

— Не может быть.

— Ну честное слово. Я даже обалдел, когда увидел. Сам не мог поверить.

— Здорово, если не врешь. А какая она, красивая?

— Ну вообще-то да, ничего...

— А кто она? Наверное, царица какая-нибудь? Или княгиня?

— Нет, просто девочка, крестьянка.

— Крестьянка — это хуже. Но все равно приятно. А одета как?

— Да никак.

— То есть как «никак»? Голая, что ли?

— Нет, там, понимаешь, голова только нарисована. В таком полосатом платке.

— Платок-то хоть приличный?

— Платок? Приличный. Яркий такой, нарядный. Да на словах трудно объяснить. Давай лучше как-нибудь сходим, посмотрим. Хочешь?

— Обязательно сходим. Ты меня заинтриговал. Ну все, посидели, теперь пошли.

Оля позвонила в дверь своей квартиры, а сама за мою спину встала и легонько подталкивает:

— Ты вперед, вперед иди. Главное, чтоб они тебя сразу увидели.

На пороге возникли встревоженные лица Олиных родителей. Не успели они и рта раскрыть, как я торопливо затараторил:

— Здравсьте, Сергей Анатольевич, здравсьте, Любовь Васильевна! Вы, пожалуйста, Олю не ругайте, это я во всем виноват. Это из-за меня. Я, понимаю, Олю пригласил к себе в гости, вот мы и задержались. У меня...

— У тебя? — недоверчиво спросил Сергей Анатольевич.

— Ага, у меня. В гостях. Мы, понимаете, такой... э-э-э... арбалет делали. Я прут можжевельный достал. Зверь, а не прут. Как стальной...

— Правда, папа, как стальной, — подала из-за моего плеча голос Оля. — Вообще у Андрея умелые руки. Он так пилит, так это, крутит... То есть сверлит. Я просто не могла глаз оторвать. Как в кино.

— Ну хорошо, он крутит, а ты-то что делала? —

с не меньшим недоверием спросила Любовь Васильевна.

— Как что? Помогала. И потом, знаешь, мамочка, надо было кое-что на машинке швейной прострочить. Андрей на машинке не умеет. А вообще, папочка, у Андрея золотые руки. Он в кружок ходит. Андрей, в какой ты кружок ходишь?

— Да, я хожу...— сказал я, несколько сбившись.

— Вот видите, он ходит.

Почему-то слово «кружок» подействовало на Олиных родителей магическим образом. Лица у них смягчились, подобрели, и они даже заулыбались.

— Кружок — это замечательно, — сказала Любовь Васильевна. — Но, Андрюша, ты же серьезный мальчик. И папа у тебя такой интеллигентный человек. Ты мог нам позвонить. Ведь эта бесовская девчонка не понимает, что родители волнуются, нервничают. Отец уже собирался в милицию звонить. Сейчас так много всяких хулиганов...

— Да, да, вы абсолютно правы, Любовь Васильевна, — сказал я. — Надо было позвонить. Это я виноват. В следующий раз мы обязательно позвоним.

— Ну хорошо, — сказал Сергей Анатольевич. — Ольга, попрощайся с Андреем и немедленно в кровать.

— Ты к нам, Андрюша, приходи почаще, — сказала Любовь Васильевна. — Мы тебе всегда рады. Не то что некоторым Олечкиным подругам.

Родители ушли в комнату, а Оля выскочила со мной на площадку и прикрыла дверь.

— Ну спасибо, спасибо, Андрюшка. Ты настоящий друг.

Она быстро притянула меня к себе и поцеловала. Наверное, она хотела поцеловать меня в щеку, но я трусливо дернулся, и поцелуй пришелся прямо в глаз. Оля засмеялась и исчезла за дверью.

Не успел я даже еще ни о чем подумать, как дверь снова распахнулась, и в проеме появилось смеющееся Олино лицо. Она поманила меня к себе и шепотом спросила:

— Андрей, а что такое арбалет?

А где же памятник?

— Мне скучно, — сказала Оля и скомкала рыжий кленовый лист, который вертела в руках. — Послушай, Андрей, у тебя случайно нет яду?

— Цианистого калия? — спросил я.

— Все равно. Лишь бы быстро. И, знаешь, чтобы обязательно рядом рояль стоял. Большой, белый...

— А рояль зачем?

— Ну, чтоб красиво было. Представляешь, я падаю на ковер... нет, на леопардовые шкуры, а рядом рояль. И музыка играет.

— Тяжелый рок.

— Ммм, нет. Рок для этого не подходит. Что-нибудь заунывное. Классика какая-нибудь.

Мы сидели на скамейке неподалеку от школы в маленьком сквере, с трех сторон окруженном желтыми облупленными стенами домов. Было тихо и тепло. Солнце коснулось куполов церкви Святого Владимира, устроив в верхних этажах близлежащих зданий настоящее пекло.

— Оля, а давай в музей сходим, — сказал я.

Посмотрим тот портрет, про который я тебе говорил. Хочешь?

— Ну-у, в музей...— сморщив нос, протянула Оля. — Ты бы меня еще в библиотеку пригласил. Вот если бы ты тот портрет мне подарил и я б его у себя на стенке повесила — это было б здорово.

Тут бы мне пошутить, сострить как-нибудь весело, но мозги у меня, словно склеились. Вообще я заметил, что в Олином присутствии я дико тупею, становлюсь скучным и занудным. Вот и сейчас, помолчав, я спросил глупо и бездарно:

— Да как же я тебе его подарю?

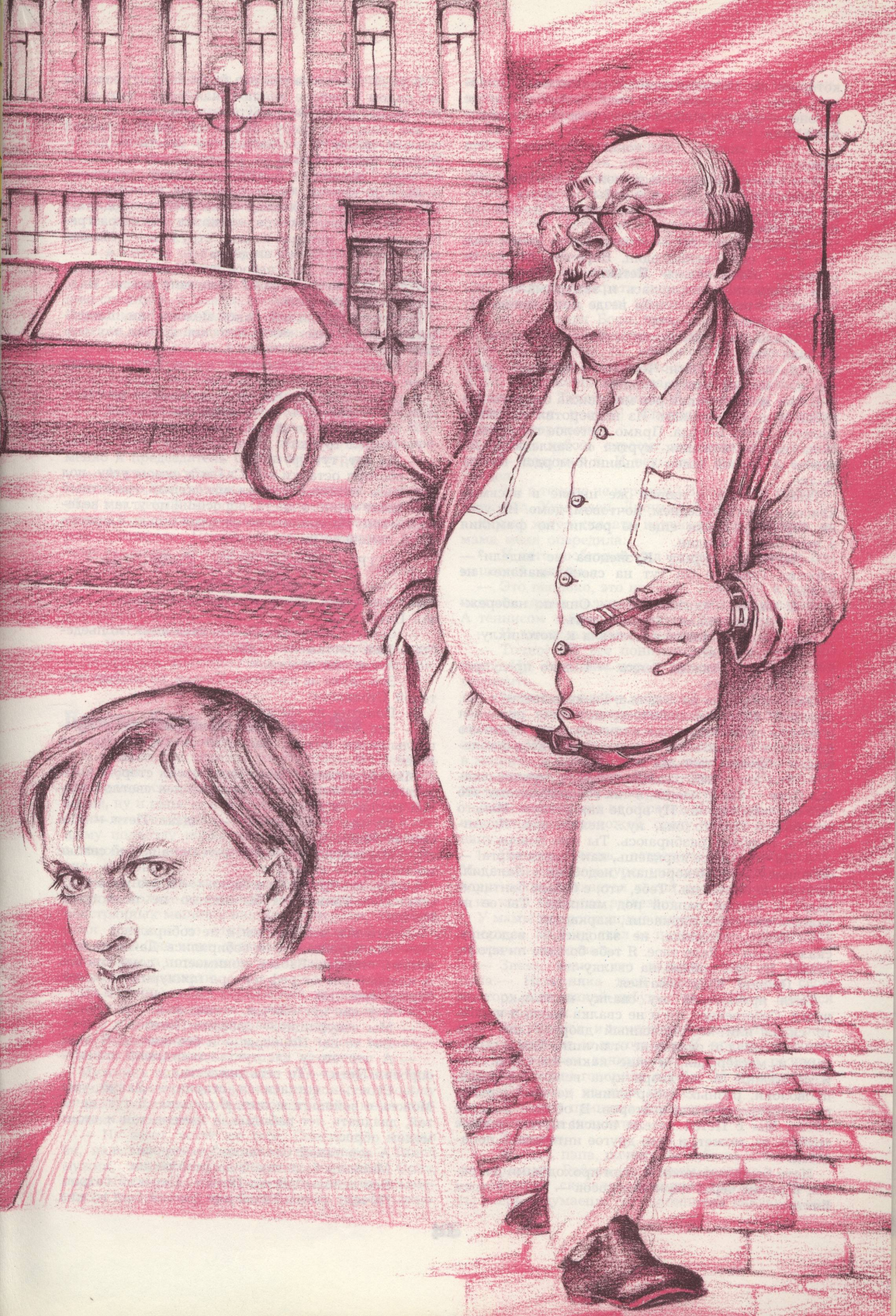
— Как, как. Придешь в музей, заплатишь миллион и подаришь. А если не продадут, поедешь на черном «кадиллаке», перестреляешь охрану из автомата и возьмешь портрет. Все-то тебя учить надо. Ты только в классе умный — диспуты с Зинаидой устраивать. Расскажи лучше что-нибудь смешное.

— Сейчас, сейчас, — отозвался я, изо всех сил напрягая извилины. — Значит, так... О! Хочешь расскажу, как в средние века проверяли: колдун ты или нет?

— Ну давай про колдунов.

— Значит, так. Поймают какого-нибудь типа,

который им подозрительным показался. Привяжут руки к ступням и в воду бросят. Если не потонет — значит колдун. Ну а потонет — ошибочка вышла.

— Угу,— сказала Оля сонным голосом.— Это смешно.

В это время на противоположной стороне улицы появилась фигура моего забытого друга. Фигура покрутила всклокоченной головой и, заметив нас, перебежала дорогу.

— А-а, вот ты где,— сказал Петя, делая вид, что я тут совершенно один. Впрочем, и Оля не очень-то обрадовалась Петькиному появлению. Она намеренно отвернулась и замурлыкала себе что-то под нос.— А я тебя везде ищу, звоню. Ну так чего, идем на свалку?

— Правильно, мальчики, сходите на свалку,— сказала Оля.

— Да не знаю, Петя. Чего-то не хочется,— сказал я.— Может, завтра сходим?

В этот момент дикий рев мотоцикла без глушак рубанул по перепонкам. Из подворотни на «Яве» вылетел Генка Борода. Прямо на голое тело у него была надета кожаная куртка в заклепках. На голове — глухой шлем с львиной мордой на затылке.

Генка учился в нашей же школе в восьмом классе и жил в соседнем, почтовом, доме. Ни усы, ни борода у Генки еще не росли, но фамилия у него была Бородин.

— Мужики, Борьку Кузнецова не видели? — спросил Генка.— Он тут на своей «макаке» не рулил?

— Я видел,— сказал Петя.— Они по набережной к Тучкову гнали. Человек пять.

Вдруг Оля встала и подбежала к мотоциклу:

— Гена, прокати.

— Залазь,— сказал Генка.— Только предупреждаю: не пицать.

Оля впрыгнула на сиденье, Генка вывернул газ, переднее колесо вздыбилось, мотоцикл рванулся и исчез в подворотне. Как в преисподней. Будто его и не было. Только вонь от выхлопных газов фиолетовым облаком застыла над садиком.

— Зря ты с ней расслаживаешь,— мрачно сказал Петя.— Ты думаешь, я так говорю, потому что мне без тебя скучно. Ну вроде как ревную. Ничего подобного. Просто она, ну... нехорошая. Я, Андрюха, в людях разбираюсь. Ты мне поверь.

— Да что ты все каркаешь, как старая карга! — обозлился я.— Нехорошая, недобрая... Заладил! Откуда ты ее знаешь? Тебе, что, с белым бантиком надо? С нотной папкой под мышкой? Ты ее не знаешь совсем, а каркаешь, каркаешь!

— Ладно, Андрюха, не заводись,— вздохнув, сказал Петя.— Дело твое. Я тебе больше ничего не скажу. Ну так пойдем на свалку-то?

— Пойдем. Куда деваться.

Петя присмотрел эту свалку несколько дней назад. Собственно, это и не свалка была, а какой-то склад или хозяйственный двор. У нас ведь никогда склад от свалки не отличишь. Там и гараж был, и мастерская, и еще какие-то сарайчики и постройки. А во дворе куча всяких железок, проволок, разных испорченных деталей, приборов, сгоревших конденсаторов. В общем, райское место. Мы с Петей хотели поискать там медные трубки, да, может, и чего другое интересное попадет.

Идти было недалеко. А если проходными дворами, а потом через парк наискосок — так и совсем близко.

Ворота склада на сей раз были закрыты, но тут же рядом в заборе зияла такая дыра, что через нее можно было наш «Буран» вывести.

Мы вошли в дыру, перелезли через штабеля гнилых досок и оказались на заветном дворе. В углу двора прямо на ржавых дисках стояли останки грузовика «ЗИС-5». Такие машины, я знал по книгам, были у нас еще до войны. Полевой дороге в блокаду тоже «ЗИСы» ходили.

— Во, гляди, рессора,— сказал Петя, разгребая палкой металлические стружки.— Может, для вашего «Бурана» сгодится?

— Да ты что! Это, небось, от «КамАЗа» или от «ЗИЛа». А это что такое? Манометр вроде. Надо взять, показать папе...

Мы уже набрали кой-какой мелочишки, попадались нам и разные металлические трубки, но медных что-то не было видно.

— Пойду за грузовиком посмотрю,— сказал Петя.— Там тоже хламу полно.

Я разглядывал найденный манометр, тряс его, пытаясь определить, исправный он или нет.

— Андрюха, иди сюда! — закричал Петя.

— Нашел трубки?

— Да нет, тут другое...

Я обогнул останки «ЗИСа» и в самом углу, под дырчатым навесом, увидел массивный гранитный постамент черного цвета, обросший по углам зеленым мхом. На граните со следами золотой краски была высечена надпись:

ПЕТРЪ АРКАДЬЕВИЧЪ СТОЛЫПИНЪ
1862—1911

— Подставка какая-то для памятника,— сказал Петя.

— Сам ты «подставка»,— сказал я.— Это пьедестал. Или постамент — как хочешь.

— А где сам памятник?

— Это науке не известно. Кстати, не знаешь, кто такой Столыпин?

— Понятия не имею.

— Это что у меня здесь еще за экскурсия,— послышался позади нас незлобивый старческий голос.

Мы обернулись. Перед нами стоял сторож в замызганном темно-синем ватнике и в светлой летней шляпе «в дырочку».

— Да мы так, ничего...— сказал Петя.— Мы сейчас уйдем.

— Мы медные трубочки хотели на вашей свалке посмотреть,— сказал я.

— Ну, ну, трубочки можно,— охотно разрешил сторож.— Только чтобы ничего не поджигать. Ни-ни!

— Что вы, что вы, мы и не собирались.

— Это хорошо, что не собирались. Дайте-ка мне, кстати, огонька. Забыл, понимаешь, дома спички. А каждый раз от рефлектора прикуривать — всю бороду спалишь.

— А у нас нет спичек,— сказал я.

— Мы некурящие,— добавил Петя.

— Вот те на! Пионеры — и без спичек. Чудеса.

— А что это у вас тут за постамент стоит? — спросил Петя.— То есть пьедестал.

— Стоит,— согласился старик.— Давно уже. Может, с войны, а может, и раньше. Я тут, почитай, двадцать лет работаю, а камень так и стоит, мохом оброс.

— А кто такой Столыпин? — спросил я.

— Министр был такой до революции.

— Все ясно,— сказал Петя.— Царский сатрап.

— Почему сатрап? Говорят, умный был мужик,

деловой. Сам царь его побаивался. Шлепнули его.

— А кто шлепнул? Царь?

— Да нет, не царь. Террористы вроде какие. Эсеры, что ли.

— Значит, он за нас был? За революцию?

— Эх, у вас все просто: если не сатрап, то непременно революционер. «Ура! Долой самодержавие!» Нет, сыночки, революционером Столыпин не был. Но и худого России тоже не желал. А революции-то он как раз не хотел. В общем, сложный был министр.

— А где же сам памятник? — спросил я. — Интересно бы посмотреть.

— Чего не знаю, того не знаю. Может, в революцию спихнули, а может, вообще не успели сделать. Столыпина, стало быть, в одиннадцатом годе убили, а в четырнадцатом война началась, первая мировая. Тут уж не до памятников было... Н-да. Значит, нет у вас спичек. Пойду рефлектор включать, бороду палить.

Вечером за ужином я спросил:

— Папа, ты знаешь, кто такой был Столыпин?

— Столыпин? Конечно, знаю. При Николае Втором — министр внутренних дел, а потом одновременно и председатель совета министров.

— А кто его убил?

— О-о-о, да ты тоже кое-что знаешь. Так вот, убил его некий Богров. Он был агентом царской охраны и в то же время социал-революционером — «эсером». Проще говоря, провокатор. А почему ты вдруг об этом заговорил?

— Мы с Петей на свалке постамент нашли от памятника. А на нем написано: «Столыпин».

— Вот как? Интересно. А что же, там только постамент?

— Да, каменный такой.

— Надо же. Я не знал о памятнике Столыпину в Петербурге. Выходит, был. Покажешь мне как-нибудь?

Просто Боря и еще кое-что

Я в машинах неплохо разбираюсь. Во-первых, мы журнал «За рулем» выписываем, во-вторых, дома у нас есть несколько книг по истории автомобилей, ну и папа, конечно, много рассказывает, мы с ним вместе «Бурани» чиним. Так что, когда к нашему подъезду подкатил огромный иностранный автомобиль-пикап голубого цвета, я сразу определил: «вольво».

Номер на подъехавшей машине был наш, но это меня нисколько не удивило. Сейчас в городе полно иностранных машин с нашими номерами. Удивило меня другое — из открывшейся дверцы вышла моя мама. Она тоже сразу меня увидела, поманила пальцем, а потом снова нагнулась в салон и что-то сказала водителю.

Из машины вылез коренастый, лысеющий мужчина с круглым лицом, в очках с большими стеклами в тонкой металлической оправе.

— Вот посмотри, Боря, на это чудо в перьях, — сказала мама, кладя мне руку на плечо.

Мужчина зацокал языком, как китайский болванчик, замотал головой из стороны в сторону и даже, кажется, собрался потрогать меня толстыми, волосатыми пальцами.

— Ну везет, везет же тебе, Семенова, — сказал он, называя мамину девичью фамилию. — Такой мужик, такой большой мужик вымахал. Орел, орел! И всегда-то тебе везло. Я, бывало, на экзаменах со шпаргалкой три балла в поту зарабатываю,

а она приходит — гордая и бледная — и вытаскивает самый легкий первый билет.

— На этом мое везение и закончилось, — сказала мама и, подтолкнув меня, добавила: — Андрей, познакомься с дядей Борей.

— Ну здравствуй, здравствуй, наследник, — сказал мужчина и ухватил меня сразу за две руки.

— Здрасьте, — сказал я. — А вы мамин брат?

— Брат? Почему брат? Ты мне льстишь. Аня, он мне льстит. Неужели я старый, лысый мужик с длинным носом похож на твою молодую, красивую маму.

— Но она же сказала, что вы дядя.

— Андрей, прекрати свои дурацкие шутки!

— Стоп, стоп, стоп! Он прав. Ребенок прав. Что это еще за дяди Бори, тети Маши. Меня зовут... А знаешь что, зови меня просто Боря. Терпеть не могу, когда меня по имени-отчеству называют. Сразу кажется, что мне сто лет. Да, да, да, просто Боря. И можешь даже на ты. Договорились? Ну орел, орел! Такой огромный. Посмотри, Аня, он выше меня ростом! Спортсмен он, наверное, у тебя, спортсмен.

«Сейчас небось спросит, не играю ли я в теннис», — подумал я. И ведь надо же! Как в воду глядел:

— Ты в теннис не играешь? В большой, конечно: матч-бол, Уимблдон, Джимми Конорс...

Я уже хотел сказать какую-нибудь гадость, но мама меня опередила:

— У него любимый вид спорта — с отцом под машиной лежать.

— Это неплохо, это неплохо. Глядишь, к восемнадцати права получит. Купит себе «роллс-ройс». А теннисом займись. Советую. Игра богов.

— И джентльменов, — добавил я.

— Точно! Ну все понимает! В мать, мать пошел... Ну, Аня, мне пора. Страшно рад был тебя встретить.

— Может, все-таки зайдешь? — спросила мама.

— Нет, нет, сегодня никак. Дела. Но зайду непременно. Раз обещал — все, кремень. Ты меня знаешь. Ну-ка, спортсмен, погоди... — Он нырнул в машину и вытащил оттуда пачку американской жевательной резинки «Джуси-фрут». — На, держи. Жевать можно. Пить, курить — ни-ни.

Дома мама, даже не обратив внимания на отсутствие тапок в прихожей, сразу пошла в атаку на папу:

— Представляешь, встретила Борю Фоменко. Мы с ним на одном курсе учились. Иду по Садовой, вдруг останавливается такой роскошный «форд», и из него Фоменко вылезает.

У мамы все роскошные иностранные машины — «форды». Но я не стал ее поправлять. «Форд» так «форд» — наплевать.

— Знаю, знаю, что дальше будет, — сказал папа. — Наверняка твой Фоменко бросил свою контору или какой-нибудь там НИИ и подался в кооператоры.

— Да, подался, и нечего иронизировать. Он реалист, в отличие от некоторых. Я, правда, не поняла, чем он там занимается, но какая разница. Сашок, я с ним говорила о тебе. Он обещал подумывать. Он к нам на днях придет.

— Жевачки принесет фирменной, — сказал я. — Будем пузырьки надувать.

— Помолчи.

— Правда, папа, почему бы тебе не поторговать шашлыками. Работа на свежем воздухе...

— Я кому сказала — замолчи! Неужели, Саша, ты всерьез думаешь, что напишешь какую-то там

книгу. Это смешно! Лев Толстой в тридцать девять лет уже «Войну и мир» закончил.

— Продолжим список,— сказал папа.— Байрон написал «Чайльд Гарольда» в двадцать один, Лермонтов «Мцыри» в двадцать пять, а Пушкина в тридцать семь так и вообще убили.

— Амадей Моцарт,— подлил я масла в огонь,— в пять лет играл на скрипке. А в девять написал первую оперу. Так что мне тоже не светит.

— Два идиота,— сказала мама и обиженно ушла на кухню. Прямо в туфлях.

— Папа, а ты давно маму знаешь? — спросил я.— Когда вы познакомились?

— Э-э, значит, так. Я учился на третьем курсе университета, а мама десятый класс заканчивала. Вот считай.

— Ну а как дело-то было? На дискотеке там или на пляже?

— Тогда дискотек не было — были танцы. Или просто вечера. Ну а мы познакомились. Да обыкновенно познакомились. Сидел я в гостях у приятеля, пили сухое вино, слушали магнитофон. Тогда «Битлз» еще очень популярны были, хотя они уже и распались. Последний диск у них был «Эбби Роуд» — «Монастырская дорога». Как раз мы его и крутили в тот момент, пытались слова разобрать, перевести... Папа замолчал, задумался, потом сказал: — Интересно, ты меня сейчас спросил, а я, оказывается, все совершенно точно помню, каждый штрих... И вот мы сидим, а из магнитофона звучит одна песня, «Что-то». Очень красивая у нее мелодия, нежная. Вдруг звонок. Приходит приятель моего приятеля с двумя девушками. Одна из них сразу говорит: «Ну и свинарник же у вас, мальчишки: сыр на газете, окурки в блюде, кружки какие-то допотопные. Вы бы еще из майонезных баночек пили. Неужели в доме нет фужеров?» Ты уже, конечно, догадался, что это и была...

— Моя мама.

— Правильно. А потом мы танцевали, и я стал сразу ей говорить, что она мне очень нравится и что я хочу ее снова увидеть. А она вдруг говорит: «Ты мне все это напиши. В письме». Я удивился, говорю, зачем же писать, мы же только познакомились. Я могу все так, устно сказать. А она: «Нет, напиши. Слова улетают, написанное остается».

— Слова улетают, написанное остается,— повторил я.

— Это поговорка такая латинская,— сказал папа.

Мы помолчали, а потом я спросил:

— Пап, а вы и раньше с мамой так же ссорились? Ну, всякие там скандалчики, ругань?

— Ммм, ты знаешь, пожалуй, нет. Я что-то не припомню, чтобы мы хоть раз серьезно поссорились.

— А почему же теперь... Из-за меня, что ли?

— Ну, что ты. Нет, конечно. Просто... Как бы тебе объяснить? Вот ты бывал в зоопарке на площадке молодняка?

— Был, конечно.

— Ну вот. Видел там: медвежонок играет с обезьянкой, ослик со слоненком, тигренок с волчонком и так далее. И все вроде одинаковые, все такие смешные, милые, симпатичные. Н-да, а потом звери вырастают, и оказывается, что все они очень разные.

Что-то не очень мне понравилось папино сравнение. Конечно, люди разные, но они же все-таки люди, а не звери, и им совсем необязательно грызть друг друга. Папа, видно, тоже понял, что

с зоопарком у него не очень-то складно вышло. Он дернул меня за ухо, ущипнул за нос и сказал:

— Ну, все, хватит философствовать. В конце концов самое прекрасное в жизни — это наши ошибки и заблуждения. Давай-ка лучше выведем наш «Буранчик».

— Поедем похалтурим? — спросил я.

— Нет, нет, никаких халтур! Просто прокатимся, как два джентльмена после фэйф-о-клока.

Последний свидетель

Во дворе мы встретили Петю и предложили ему составить нам компанию.

— Ну что,— сказал папа, когда мы сели в машину,— может, съездим, посмотрим вашего Столыпина?

— Да там только пьедестал,— сказал Петя.— То есть постамент.

Но у склада нас ждало разочарование. То, что ворота оказались закрытыми,— это ерунда. Они

и в прошлый раз закрыты были. Плохо было другое. Исчезла дыра, в которую мы с Петей лазили. Она была забита свежими, необструганными досками.

— Чепуха,— сказал я.— Махнем через забор — делов-то.

— Ну, вы-то можете махнуть,— сказал папа.— А мне вроде неудобно.

— Да чего там неудобного. Сейчас ящик вон тот подставим, раз, два — и там.

Пока папа размышлял, на противоположной стороне улицы остановился милицкий газик. Шофер занялся заменой покрышки, а его товарищ, примостившись к переднему крылу, закурил папироску.

— Осмотр достопримечательностей откладывается,— сказал папа.— Иначе очень долго придется объяснять милиции, что мы ищем памятник Столыпину, а вовсе не хотим украсть обрезок трубы. Вот что, у меня есть другая идея. Посидите-ка, я сейчас.

Он вышел и направился к телефонной будке.

Быстро позвонив куда-то, он вернулся и сказал:

— Едем в гости.

— Это еще к кому? — спросил я.

— О-о, к одному очень интересному и очень старому человеку. Я бы даже сказал — к старинному человеку. У него и имя-то словно из прошлого века: Ардальон Васильевич. А фамилия Чернопрудский. Во как! Сам он переводчик, литературовед, ну и повидал много всего. Только предупреждаю, господа: вести себя прилично, руками ничего без спросу не хватать, ничего не выпрашивать.

Ардальон Васильевич жил в самом центре, на Невском. Папа не зря сказал нам, чтоб мы ничего не хватали и не выпрашивали. В огромной, с высокими потолками комнате было развешено, расставлено, напихано по углам, засунуто под диваны и кресла столько всего, что дух захватывало. Чего только не было в этой комнате: лихая казачья шашка скрестилась с кривым янычарским ятаганом, рядом поржавевший топор германских ландскнехтов, найденный в Чудском озере, двустольный пистолет времен русско-турецкой войны, малайзийский крис с лезвием, извивающимся как змея, чучело небольшого нильского крокодила, гигантский орех с Сейшельских островов, акульи челюсти, в которые свободно проходила голова, пещие и конные оловянные солдатики, называемые «нюрнбергскими»...

Под стать всему этому сказочному богатству был и хозяин. Маленький, сухонький, с совершенно белыми, как пух, волосами, он резво семенил короткими шажками по комнате и, открывая очередную шкатулку, говорил:

— А вот, молодые люди, взгляните: это манифест о восшествии на престол императора Павла Первого. Мне подарил его покойный профессор Орлов. Вот у кого коллекция была! А у меня так, пустяки. Случайные вещицы.

Когда мы с Петей немного успокоились, в комнату вошла пожилая, аккуратно одетая женщина и сказала:

— Пора бы наших гостей чаем напоить. Хватит тебе, Ардальон Васильевич, их музейной пылью потчевать.

— Да, да, Машенька, будь добра, сделай нам чай, — сказал старик и, когда женщина вышла, добавил: — Сестра. Благодаря ей только и живу. Слабею, да и ноги плохо держат.

— Ну что вы, Ардальон Васильевич, — сказал папа. — Вы в отличной форме. С тех пор, как я последний раз вас видел, вы ничуть не изменились. А года четыре прошло.

— Да уж куда мне меняться. Хватит. Теперь мне одно, последнее превращение осталось. Недавно упал на Знаменской площади и лежу — не встать, и все тут. А люди идут мимо, думают, валяется пьяный старик — и черт с ним. Хорошо, офицер проходил, помог подняться.

— На Знаменской — это на площади Восстания? — спросил папа, желая, видимо, увести старика от невеселых мыслей.

— Да, да. Там, где сейчас этот уродливый памятник со звездой. Зачем, спрашивается, нужно

было убирать Александра Третьего? Прекрасная работа Трубецкого.

— Ну, Александру еще повезло. Памятник цел. А сколько погибло...

— Ардальон Васильевич, а вы не помните, был в нашем городе памятник Столыпину? — спросил я.

Старик разгладил усы и, откашлявшись, сказал:

— Столыпина, молодой человек, я видел один раз. Очень, доложу вам, импозантный мужчина был. С брюшком.

Мы удивленно переглянулись, и папа сказал:

— Ардальон Васильевич, дорогой, вы, наверное, не поняли. Андрей спросил о Петре Аркадьевиче Столыпине, председателе совета министров при последнем царе.

— Почему же? — даже несколько обидевшись, отвечал старик. — Я все прекрасно понял. Я и говорю, что видел Столыпина один раз, в Киеве, в опере. Мы ведь с родителями до четырнадцатого года в Киеве жили. Так вот, Столыпина в тот день на представлении и убили. Помнится, «Золотого петушка» давали.

— Так вы что же, были свидетелем убийства? — с изумлением спросил папа.

— Ну, можно и так сказать. Я, правда, все больше на государя императора смотрел, — он в ложе со своей свитой присутствовал, — но и Столыпина хорошо разглядел. А в перерыве пошли мы с маменькой гулять в антракте, вдруг слышим — хлопок. Негромкий такой, вроде детская хлопушка взорвалась. И сразу — суета, крики, полицейские забежали, но мы ничего не понимали. Тут кто-то нам и говорит: «Столыпина убили».

— Невероятно! — сказал папа.

— Что же касается памятника, — невозмутимо продолжал Ардальон Васильевич, — то, мне кажется, был. Скромный, правда, небольшой. А вот в Киеве был прекрасный памятник Столыпину. Из серо-голубого мрамора, стоял на Крепчатике, как раз напротив Думы. А на пьедестале надпись золотыми буквами: «Вам нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия». А почему, позвольте вас спросить, вы заинтересовались памятником Столыпину?

Тут мы с Петей рассказали старику, как нашли на свалке пьедестал от памятника.

— Любопытно, любопытно, — сказал Ардальон Васильевич. — Вот что, молодые люди. Надо мне будет покопаться у себя в бумагах. Помнится, один мой друг историк давал мне список всех монументов Петербурга по семнадцатый год. Вы ко мне зайдите через недельку-другую. Может, я и отыщу этот список. Да и вообще заходите в любое время. К старикам так редко ходят в гости. Тот, кто мог бы ходить чаще, давно уже на том свете.

Уходили мы от Ардальона Васильевича с подарками: я держал в руках маленькую бронзовую пушечку-мортиру, а Петя уносил с собой трех старинных оловянных солдатиков с длинными ручьями.

ОКОНЧАНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

ДУМАЮ О МИРЕ И О СЕБЕ

Мне в жизни повезло?

Мне в жизни повезло. У меня Месть друг. Когда мне плохо, он успокоит. Когда мне радостно, он будет веселиться вместе со мной. Если меня нет — он волнуется, ждет.

Я уверена, что он не предаст меня ни при каких обстоятельствах. Мой друг всегда правдив, внимателен и ласков.

Он всегда выслушает меня, никогда не перебивает.

Мой друг немного труслив, зато быстро бежит и всегда успевает удрать от врагов.

Он любит поесть, погулять и терпеть не может кошек.

После обеда он заваливается на диван и отдыхает, в это время его нельзя тревожить.

Внешне он очень привлекателен: блестящие черные глаза с большими рыжими ресницами, маленький черный нос и пушистый белый хвост.

Его зовут Тимоша, до Тимофея он еще не дорос, мой ласковый и нежный зверь.

Маша Михалева,
г. Москва

ДЕЛОВАЯ СПРАВКА

«Как нам получить статус самостоятельного разновозрастного пионерского отряда? У нас в отряде уже двое взрослых и 13 ребят с 3-го по 10-й класс. — От имени отряда «Сириус» Юлия Дементьева, г. Челябинск».

А правда, как узаконить новый отряд? С этим вопросом мы обратились к зав. сектором ЦС ВПО имени В. И. Ленина Галине Петровне ЧУБАРОВОЙ.

— По существующему Положению о Всесоюзной пионерской организации (пока не принят Устав, мы можем руководствоваться только этим Положением), отряды создаются как на базе школы, так и по месту жительства.

Сейчас основа пионерской организации — дружина. Если отряд хочет работать самостоятельно, вне дружины, он может получить разрешение на такой эксперимент в районном или городском совете пионерской организации.

ПРАВДА ЛИ, ЧТО...

Нас ожидает конец света?

«Моя бабушка ходит в церковь. Она говорит, что в церковных книгах пишется, что в 2000 году столкнутся планеты и разобьются, и будет конец света. Это правда? — О. Вуколова, г. Казань».

На этот вопрос мы попросили ответить священника Михаила ДРОНОВА, преподавателя Духовной академии.

— В Библии не указана точная дата конца света. Согласно христианскому учению, наш мир, имевший начало, сотворенный Богом, будет иметь и конец. Но конец этот не означает уничтожения космоса и человека. Все, что нас окружает, перейдет в иное состояние. В состоянии, где люди добра будут вознаграждены, а злые люди наказаны.

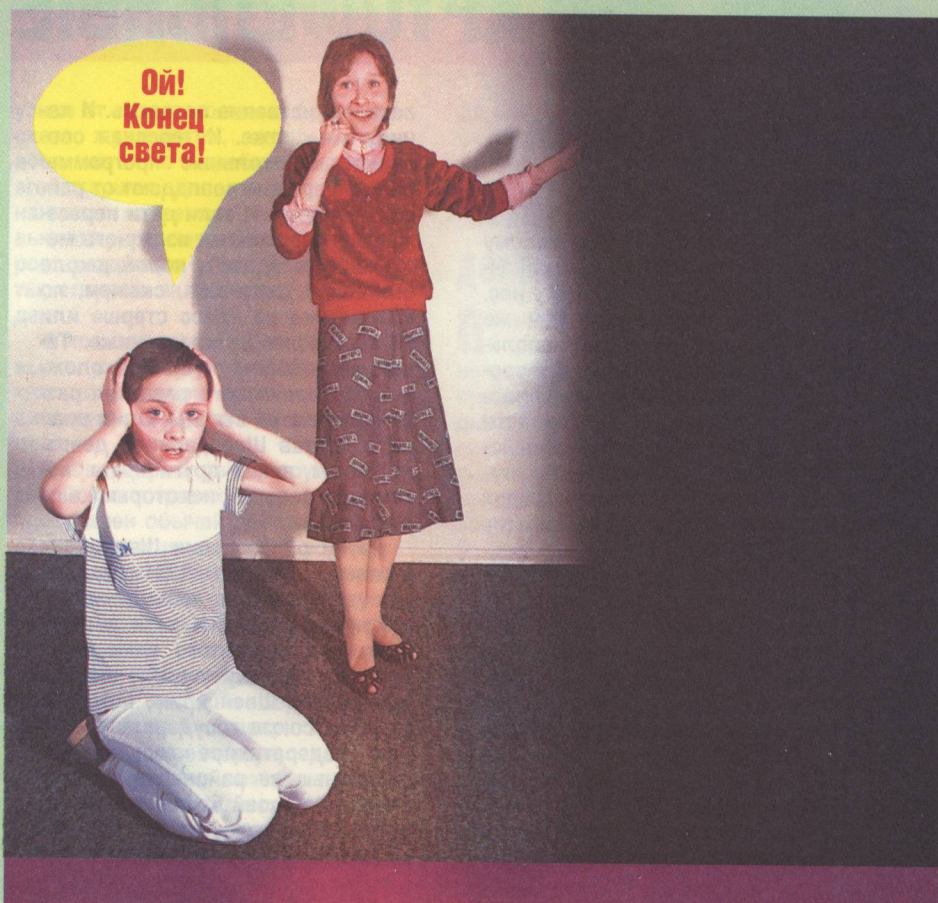
Христос запретил людям угадывать эту дату конца света. Когда добрых людей станет меньше, чем плохих, а путь тяжелей, тогда и произойдет конец света.

Но, может, астрономы что-то знают о крушении планет? Мы позвонили в Государственный астрономический институт им. П. К. Штернберга. На том конце провода нам ответил Владимир Васильевич НОВИКОВ, старший научный сотрудник отдела исследований Луны и планет.

— Я могу сказать, что в 2000 году ожидается противостояние Сатурна и Юпитера. Эти небесные тела будут находиться на максимально близком расстоянии друг от друга и на одной линии с Солнцем. Ничего особенного в таком расположении планет нет. Куда интереснее наблюдать парад планет: когда все планеты выстраиваются в одну линию. Так было в 1982 году.

Как видите, слухи о скором конце света сильно преувеличены.

Фотография А. КРУПНИКОВА.

АРТОФЕЛЬНЫЕ КАНИКУЛЫ

Когда начинается учебный год?

Когда? Да это известно любому. От Камчатки до Бреста: конечно же — 1 сентября! Но это у нас. А вот если спросить о том же школьников Швейцарии, небольшой страны в Центральной Европе, то ответ не будет столь единодушным. Например, в Юре дети садятся за парту 15 августа, в Лозанне — 22-го, в Женеве — 28 августа. А в таких городах, как Цюрих и Берн, — так и вовсе 1 апреля. Так же и каникулы: в разных районах они начинаются в разное время, и продолжительность у них неодинаковая. Иной раз можно услышать: «А я это сделаю на картофельные каникулы». Когда-то в некоторых сельскохозяйственных районах Швейцарии осенью детей распускали по домам, чтобы они помогли родителям-крестьянам убрать урожай картофеля. Теперь надобности в этом нет — уборка механизиро-

вана. Но название осталось. И каникулы — тоже. Интересная особенность: школьные программы в Швейцарии не совпадают от района к району. И если дети переезжают с родителями из одного места в другое, то в новой школе они могут оказаться, скажем, по математике на класс старше или по географии на класс ниже. Такой разницей — отголосок сложного исторического развития различных частей страны. Одни вошли в состав Швейцарии в девятнадцатом веке, другие — в восемнадцатом, а некоторые еще раньше.

Датой образования Швейцарии считается 1 августа 1291 года, когда три кантона объединились в конфедерацию. И хотя в середине девятнадцатого века была принята конституция, которая превратила Швейцарию, по существу, из союза государств в единое федеративное государство, отдельные ее районы сохранили немало от своей былой независимости. И не так-то просто нарушить вековые традиции.

Каждый из двадцати трех швейцарских кантонов имеет свою конституцию, свой парламент и свое правительство. В стране три государственных языка — немецкий, французский и итальянский. В этом году исполняется 175 лет швейцарского нейтралитета. После наполеоновских походов швейцарцы не участвовали ни в одном вооруженном конфликте.

Вот уже много лет Швейцария по уровню жизни населения неизменно занимает одно из первых мест в мире. Казалось бы, жизнь детей в таком обществе должна быть беззаботной. Но нет, раннее привлечение их к труду — тоже одна из швейцарских традиций.

«Месье, вам не нужно починить зонтик?»

Звонок в дверь. Открываю. На пороге мальчик и девочка лет

На снимках: цветочные часы в Женеве;
появление герольда на площади Святого Петра возвещает о начале праздника «Эскалад».

двенадцати. «Зонт? Да, как раз оторвалось несколько спиц и раскрывается он как-то с трудом... А кто будет чинить?» «Мы. Вечером принесем. Это будет стоить дешевле, чем в мастерской». Вид обоих «умельцев» особого доверия не внушал, но я из любопытства решил рискнуть. Когда же они принесли исправленный зонт, мы разговорились. Оказалось, что ремонтом мелких вещей школьники занимаются, во-первых, затем, чтобы дать выход своим техническим способностям и приобрести навыки, которые всегда могут пригодиться в жизни. Во-вторых, они, что называется, честно зарабатывают небольшие карманные деньги: на сладости, кино, пластинки, значки. А девочки — и на украшения. Ведь у них возможностей даже больше, чем у мальчиков: они могут и сшить, и связать что-либо несложное, и посидеть с малышом, пойти купить что-либо в магазине. Из каких семей были мои «ремонтники», стеснены ли их родители в средствах, я не спрашивал. Но вот как-то

узнал от своего коллеги, французского журналиста, который совсем неплохо зарабатывал, что его старшая дочь — школьница нанялась на летних каникулах на выставку промышленных товаров: раздавала у входа проспекты, следила за чистотой на стендах.

В новогодние праздники почтовые служащие буквально задыхаются в огромном потоке поздравительных открыток и бандеролей.

В Швейцарии, да и в других европейских странах, широко распространен обычай делать к рождеству мелкие подарки родным и знакомым. Вот тогда-то и помогают школьники за небольшую плату разносить почту.

Впрочем, различные общественные организации стараются приобщить детей и подростков и к бесплатной помощи. Многие маленькие швейцарцы, как и наши тимуровцы, помогают престарелым и инвалидам: что-то купить, убрать квартиру, перейти улицу с оживленным движением.

Да мало ли где может пригодиться их доброе сердце!

Четверг — любимый день недели

Почему четверг? Да потому, что в этот день юные швейцарцы не учатся. Но в отличие от воскресенья это не столько день отдыха, сколько спорта и экскурсий. Любовь к спортивным занятиям у жителей альпийской республики всех возрастов, что называется, в крови. Взрослые в субботу и воскресенье, а дети еще и в четверг на лыжах, на велосипедах совершают дальние прогулки. Некоторые предпочитают пройтись пешком, есть любители футбола, других игр. Конечно, и в Швейцарии мальчики и девочки с удовольствием смотрят телевизор, но не сидят, уткнувшись в него, часами и уж не устраивают «семейных сцен», если им предложат оторваться на час от экрана и пойти на свежий воздух. Замечу,

кстати, что дети всегда почтительно разговаривают со взрослыми, они не норовят где бы то ни было пролезть без очереди, не оглашают общественные места дикими криками, свистом, ревом транзисторов и магнитофонов. Хотя, оставшись одни, они тоже включают аппаратуру «на полную катушку» и не прочь побеситься. Взрослые же в этой стране, в свою очередь, очень уважительно относятся к детям и подросткам, не одергивая их без конца и не читая им нотации по пустякам.

По четвергам школьники посещают не только музеи и выставки, но и различные предприятия. Вместе с учителем они знакомятся с тем, как работают люди на стройке, на заводе, в типографии, на кухне большого ресторана, на городской станции очистки питьевой воды, в авторемонтных мастерских. Такие экскурсии дают многое: дети не из учебников, а воочию видят, «что как сделано». И еще — они учатся уважать любой труд и любую профессию. И как-то сама собой у ребят вырабатывается потребность экономить воду и электроэнергию, бережно обращаться с окружающими нас в быту аппаратами, оборудованием, мебелью, книгами, одеждой — ведь они видят, какой труд надо приложить, чтобы все это сделать!

«Если бы не матушка Руайом...»

Ежегодно в декабре в Женеве устраивается большой и яркий праздник. Он называется «Эскалад», что означает «Штурм». И посвящается событию, которое произошло в 1602 году. Темной декабрьской ночью войска герцога Савойского — опасного и воинственного соседа Женевы скрытно подошли к городу и, приставив лестницы, начали взбираться на крепостные стены. Часовые, увы, спали, и быть бы Женеве в руках савойцев, если бы не одна женщина — матушка Руайом. Она кипятила воду в котле и вдруг увидела головы вражеских солдат над стеной. Руайом плеснула кипятком на них, савойцы закричали, проснулась стража, женевцы выскочили на улицы, схватились за оружие — нападение было отбито.

...В старинной части города, где сохранились постройки XV века, вечером гасят электричество и при горящих смоляных фак-

лах под глухой рокот барабанов по узким улочкам движется процессия, словно возникшая из средневековья. Скачут закованные в доспехи всадники с копьями наперевес. Рядами идут воины в кольчугах и яйцевидных шлемах, с мечами в ножнах. Ведут связанных «пленных савойцев». Провозят пушки. Шагают пушкари с зажженными фитилями. Дальше валит народ в старинных одеяниях...

Все участники шествия — горожане, которые на свои средства шьют одежды, изготавливают мечи, пики, алебарды, барабаны, факелы. Есть среди участников «Эскалад» и дети. Но право это предоставляется лишь тем из них, кто хорошо успевает по истории и кто

за весь год не имел ни одного серьезного замечания по дисциплине ни в школе, ни дома.

Женева во власти ребят

Представьте себе жаркий июльский день, голубое Женевское озеро, на горизонте снежная шапка Монблана — высочайшей вершины Западной Европы. Тысячи машин, обычно заполняющих улицы, сегодня застыли вдоль обочин. Вся центральная часть города отдана во власть детворы. Ученики начальных классов вместе с учителями и родителями торжественно отмечают окончание учебного года и переход в следующий класс.

Шпалерами на тротуарах выстроилась многочисленная публика. А мимо проходят школьники, гордые, сияющие, нарядно одетые, с букетами цветов, с разноцветными воздушными шариками. А самые маленькие несут свои любимые игрушки и куклы.

Шествие сопровождает множество оркестров — и профессиональных, и любительских. Впереди каждой школы вышагивает девочка лет четырнадцати-пятнадцати в белой юбке, красных сапожках, такой же красной курточке, расшитой блестками, и высоком кивере. Это «мажоретки». Они в такт музыке то и дело подбрасывают вверх и ловко ловят сверкающие серебряные булавы. А во главе всей торжественной манифестации идет мэр города в сопровождении членов городского совета Женевы. Справа и слева — герольды в красно-желтых мантиях и старинных треуголках с перьями. Это почетный эскорт городских властей, назначаемый только в самые большие праздники или официальные церемонии. Встречные военные и полицейские отдают честь процессии школьников, а толпа аплодирует, машет руками.

Шествие завершается в большом тенистом парке, где стоят длинные столы с угощением: мороженым, сладостями, лимонадом. Маленьких гостей развлекают фокусники и клоуны, музыканты и дрессировщики зверюшек. А потом все — и дети, и взрослые — поют гимн города Женевы. И на этом праздник заканчивается.

Г. ДРАГУНОВ,
вице-президент общества
«СССР — Швейцария».

Марк ВЕЙЦМАН

Счастливые концы

Как правило, у сказок
счастливые концы —
с хорошими вестями
являются гонцы,
и тут же — пир горою,
все пляшут и поют.
Но хрипло дышат кони
и долго воду пьют.
И в темных избах дети
тоскуют по отцам...
Мне хочется поверить
улыбчивым гонцам,
попить со всеми
у общего огня...
Но чувствую,

что правду
скрывают от меня...

Мимолетное виденье

«Мимолетное виденье»...
«Гений чистой красоты»...
Совпадение?

Сновиденье?
Это ж вылитая ты!

То у сетки волейбольной
вдруг возникнешь,
то в окне,
то мелькнешь, как призрак, в школьной
коридорной толкотне.

Белый хвостик на макушке,
тонкий шпатель на губе...
Не пойму, ну как же Пушкин
догадался о тебе?!

Рисунки И. ПАНКОВА.

Ее родители

Папаша смотрит бдительно,
мамаша торт печет...
А я ее родителей
совсем не брал в расчет

и, отупев от радости,
считал ее ничьей,
родившейся, как радуга,
от солнечных лучей.

Нет-нет! Она зависима!
И ей, видать, близки
и папочкина лысина,
и мамины очки.

Зачем я в миг таинственный
поверил во вранье
о том, что я единственный
на свете у нее?!

Песенка

Ищу иглу сосновую
в хорошем состоянии,
а также хвост кометы
умеренной длины.
Меняю джинсы новые
на звездное сияние,
а марки да монеты
мне даром не нужны.

И если вдруг окажется,
что свистнуть рак отважится
и рыба, с виду тихая,
запеть почтет за честь,
и скажут вам при этом,
что я замешан в этом,
не стану отпираться —
ведь так оно и есть.

О ЖЕЛАНИИ БЫТЬ КАК ВСЕ

Я вполне серьезно утверждаю, что ты являешься уникальной личностью. Второго такого, как ты, нет больше на Земле. И не будет. Не будет, нет и не было никогда человека с точно такой же внешностью, как у тебя. Даже если у тебя есть брат-близнец, различия между вами все равно существуют. Ты действительно, кроме шуток, один такой на всей планете. Чувства, которые ты испытываешь сейчас, читая этот текст, испытываешь только ты. Твои мысли, планы, надежды, мечты, твои тайные желания — все это только твоё. И как бы ты ни старался объяснить их кому-то другому, до конца тебя не поймет ни один человек. А как хочется, чтобы тебя поняли! И поэтому первое, что приходит на ум, стать как все. Одеваться как все, говорить как все и тогда быть понятным всеми.

Стать как все — все ровесники — очень остро хочется в подростковом возрасте. Если шарф, то красно-белый, если серьга, то в левом ухе, если обесцвеченная челка или ватник вместо куртки, то обязательно у всей компании. «Кони», «Мясо», «Любера», «Металл», «Вагонка» — все имеет свое, не общее для всех, но общее для себя внешнее оформление. Можно ориентироваться. Врага, союзника и друга, как на войне, найдем по форме.

Но твоя неповторимость, твоя индивидуальность, внутренняя непохожесть все же рвутся наружу, как бы ты ни подавлял их в себе. И начинаются конфликты — между твоими интересами и устремлениями и интересами, устремлениями группы, команды. Обозначу три типа таких конфликтов, возникающих отнюдь не из-за того, что ты «белая ворона». Это конфликты внутри стаи, казалось бы, совер-

шенно одинаковых, идеально серых «воронят».

ВСЕ ВРЕМЯ ИСКАТЬ СОРИНКУ В ЧУЖОМ ГЛАЗУ...

...не замечая полена в своем — значит, настроить против себя всех своих друзей.

Я мог бы посоветовать тебе быть требовательнее к собственной персоне, но я понимаю, как это сложно. Легче перестать придирается к другим. Попробуй быть более терпимым к вывертам своих приятелей. Иначе ты и не заметишь, как прослывешь скандалистом.

У психологов существует догадка, что чрезмерная придиристость к другим, но не к себе — это остатки детского поведения. Известен эксперимент, во время которого двум малышам, вылепившим фигурки из пластилина, предлагали выставить оценки себе и своему другу. Чужая фигурка неизменно оценивалась на «двойку», а своя — на «пятерку». Малыши находились между тем в приятельских отношениях. Так ведет себя в подобной ситуации большинство детей.

Подумай, может, все твои конфликты с командой только потому, что ты — придира?

НЕ БОЙСЯ ВСТАТЬ И УЙТИ

Вся компания твоих друзей «повалила» гулять к вокзалу. Тебе не очень-то, в общем, хочется, но ты тащишься вместе со всеми.

Потом решили заглянуть к Толику, у него родители работают в ночную смену. Слушали «волну». Да тебе и это, как говорится, «не в кайф». Но ты сидишь со всеми и не находишь сил подняться и пойти домой. А в глубине души переживаешь: «Вот, мол, все люди как люди, им интересно, а мне нет». По-

является даже подозрение в собственной «недоделанности», неполноценности.

Многие ребята гонят от себя эти мысли. Заставляют себя быть «как все», каждую минуту жить интересами компании. А кто такие эти все? Да только те, с кем ты общаешься непосредственно каждый день. И почему ты решил, что они лучше тебя знают, что сейчас может быть интересно тебе?

Рассказывают, что один человек, взрослый уже, самостоятельный, по каким-то причинам впал в забытие. Медики, не разобравшись, поместили его в психиатрическую лечебницу. Там он скорее вопреки, чем благодаря лечению пришел в себя. Но память о прошлой своей жизни восстановил не сразу. Сравнив себя с окружающими его сумасшедшими, он принял их за нормальных людей. А обнаружив, что сильно отличается от них от всех, решил, что раз они все нормальны, то сам он сошел с ума. «Я болен. Ведь они все здоровы», — примерно так рассуждал человек. Ему и в голову не могло прийти обратное рассуждение: «Я здоров. Следовательно, все вокруг больны».

Ты уже догадался, зачем я рассказал эту историю? Конечно, было бы несерьезно утверждать, что все твои товарищи слегка свихнулись. Просто ты имеешь право на собственные интересы, право быть не таким, как все. Не бойся «вынырнуть» из своего круга хотя бы на время. Не бойся встать и уйти по своим делам, когда тебе стало скучно, неинтересно. Иначе замучаешь себя мыслями о собственной «недоделанности» или возненавидишь друзей.

КТО КАКОГО О СЕБЕ МНЕНИЯ

В отличие от придиры, которые ищут соринку в чужом глазу, некоторые тринадцатилетние люди предъявляют слишком высокие требования именно к себе. Им все необходимо успеть. Везде нужно поучаствовать. И постоянно изматывают нервы трепка из-за ощущения, что огромные возможности уплывают из рук. Срывы в различных делах вызывают не уныние, а раздражение и даже ярость. Удивляет и обижает отношение товарищей, которые, как кажется, недооценивают их. Правда, и сами эти настойчиво требовательные к себе не очень высо-

кого мнения о своих друзьях, дескать, что с них возьмешь.

Ты не из таких, безгранично верящих в свои силы? Если да, то, может, именно в этом причина ссор с товарищами?

А как узнать, высокого мнения ты о себе или нет?

Итак, эксперимент. Возьми лист бумаги и ручку. Старайся выполнить предстоящую процедуру быстро, улавливая самое первое, что приходит в голову.

Прикинь, какое занятие, дело, времяпрепровождение нравится тебе больше всего на свете? Прикинул. Запиши, обозначь его как-то. Сколько времени (часов, минут) ты ежедневно хотел бы тратить на это занятие? Запиши эту цифру.

Какое еще дело, занятие манит тебя? Запиши и его. И количество часов (минут), которое ты хотел бы тратить на это второе по важности дело, пометь рядом.

Продолжи перечень в виде таблицы до тех пор, пока не перечислишь все, что тебя интересует. Не забудь в конце добавить время на еду, сон, посещение школы, поездку в транспорте, стирку, уборку. Внимание!

Важное условие: не занимайся арифметическими подсчетами планируемого времени до того, как составишь весь список. Не стесняйся. Подсчитывать будем потом.

Итак, отложи журнал в сторону и заверши эту работу самостоятельно...

Теперь можно посчитать, какого размера сутки тебе нужны, чтобы выполнить все желания. Результат может оказаться неожиданным. Кто-то мечтает о сутках в сто часов, а кому-то достаточно всего девяти.

Сколько получилось у тебя? Чем больше часов в твоих сутках, тем более твои требования к самому себе оторваны от настоящей жизни, от твоих внутренних возможностей. Значит, надо сделать уступку реальному миру. Иначе ты станешь все более и более нервным и просто невыносимым в общении с товарищами.

* * *

Ты уникален. И хочется, чтобы ты сохранил свою уникальность, не слился с теми, кто «все». Тогда, между прочим, и этим «всем» своей непохоже-

стью ты будешь интересен.

И в то же время ты не можешь без своей компании, без своей команды, стремишься слиться с теми, кто «все».

Ну что ж, сегодня мы рассказали, как, не теряя себя, своего лица, можно с командой, со «всеми» ужиться.

ТОЛЬКО ДЛЯ ВАШИХ РОДИТЕЛЕЙ

Когда в раннем детстве ребенок подражает нам, стремится быть «как папа» и «как мама», он тешит наше самолюбие. Но когда сын или дочь, достигнув 12—13 лет, меняет объект подражания и жаждет походить на сверстников, иногда самым диким образом изменяет свою внешность, нас это бесит. Не правда ли? Найдите силы отнестись к этим вывертам спокойно. Поверьте, тринадцатилетний опыт каждодневного общения с вами наложил такой отпечаток на индивидуальность вашего ребенка, что никакие супермодные поветрия не в силах его стереть.

Герман Игоревич МАРАСАНОВ,
психолог.

«...КНЯЖНА НИНОЧКА ДЖАВАХА...»

...Это была маленькая, совсем маленькая книжечка с белыми, чистыми страницами, но если посмотреть на свет, то на белых, чистых страницах обрисовывались смешные фигурки маленьких карикатурных человечков.

Лидочка Маркова, или Крошка, как ее называли в классе, владелица книжечки, привезла ее из-за границы и показывала всем с особенной гордостью эту изящную и интересную вещь.

И вдруг книжечка пропала...

— ...все к своим партам, — скомандовала... Бельская, — и открывайте ящики... Надо сделать обыск.

И вмиг все 40 девочек быстро кинулись к своим местам и подняли крышки пюпитров.

Я одна не двинулась с места.

— Джаваха, — дерзко крикнула мне Запольская, — или ты не слышала? Открой свой ящик. Вся кровь бросилась мне в голову...

Открыть ящик, позволить обыскать себя, позволить заподозрить в... — страшно подумать даже, а не только вымолвить это слово...

— Нет! Я не позволю обыскивать мой ящик, — возразила я резким и громким, точно не своим голосом.

— Что? — недобро усмехнулась хорошенькая Лер. — Ты и в этом идешь против класса?..

— Бельская, — слышится мне голос Краснушки, — ступай открывать тируар Джавахи.

— Что?!

И в один миг я очутилась у моей парты и даже присела на край ее, чтобы ничья дерзкая рука не посмела поднять крышки.

Тогда из толпы выдвинулся мой враг — Бельская.

— Слушай, Джаваха, — спокойно, чуть-чуть примирительно произнесла она, — почему ты не хочешь позволить обыскать тебя?.. Ведь Додо, Корбина, Лер, Петровская — весь первый десяток наших лучших учениц, наши парфетки, записанные на красной доске, позволили проделать это... а уж если они...

— Бельская, — перебила я ее, — в делах чести не может быть ни первых, ни последних учениц. Ты глупа, если не понимаешь этого... Княжна Джаваха никогда не позволит заподозрить себя в чем-либо нечестном...

— Если княжна Джаваха не позволит сейчас же открыть свой пюпитр, то, значит, мою книжку украла она!.. — услышала я резкий и неприятный голос, и ангельское личико Крошки, перекошенное злой гримаской, глянуло на меня снизу вверх.

Тируары, парты, кафедры, стены и потолок — все заплесало и запрыгало перед моими глазами. Девочки уплыли куда-то в туман, далеко, далеко, и я увидела их уже где-то над моей головой... И в ту же минуту точно темная завеса заволочла мое зрение...

Вы прочитали отрывок из повести Л. А. Чарской «Княжна Джаваха» (текст печатается по изданию т-ва М. О. Вольф, СПб. — М., 1904).

А что было перед этим и что будет дальше, вы узнаете из книжки, которая в нынешнем году выйдет в издательстве «Детская литература».

ПРОСТИШЬ ЛИ ТЫ НАС?»

Расскажу историю из своей литературской жизни. Написал я несколько лет назад очерк о весьма немолодой писательнице, живущей в провинции и сочиняющей романтические повести для подростков. Рукопись, прежде чем отправить в типографию, редактор показал героине очерка: прочтите, мол, нет ли каких ошибок? Грубых ошибок писательница не обнаружила, а вот одно мое суждение ей очень не понравилось. Дело в том, что ее рассказ, крохотный, первый, начала 20-х годов, показался мне написанным под влиянием и обаянием Чарской. И я это отметил — не в хулу и не в похвалу. «Бросает на меня тень даже само упоминание имени Чарской», — заявила писательница. Она утверждала вопреки очевидности, что никогда Чарскую не читала. И смертельно обиделась на меня. Ясно было: она готова снести любой упрек, но сопоставления с Чарской пережить не может.

Такая история.

Вы, юные читатели, спросите: кто эта Чарская и почему «даже само упоминание» бросает тень? Просто пугало какое-то.

Чарская — псевдоним Лидии Алексеевны Вороновой (в замужестве — Чуриловой).

Ее литературная судьба — точно яркая вспышка фейерверка.

Чарская начала печататься в 1901 году на страницах двух журналов товарищества М. О. Вольф — для младшего и старшего возраста. Оба выходили под одним названием — «Задушевное слово» — и своим широким успехом были во многом обязаны таланту Чарской, питались ее задушевностью.

Первым крупным произведением Чарской была повесть «Записки институтки» (1902). В следующем, 1903 году вышла «Княжна Джаваха». Затем последовали «Люда Влассовская», «Вторая Нина», «Джаваховское гнездо», «За что?»,

«Большой Джон», «Лесовичка», «Газават. Тридцать лет борьбы горцев за свободу», «Паж цесаревны», «Записки сиротки», «Синие тунки», «Бичо-джан. Приключения кавказского мальчика» и многие-многие другие книги, а всего сколько: семьдесят? восемьдесят? Она писала и рассказы, и романы. И для детей: «Евфимия Старицкая», «Грозная дружина». И для взрослых: «Как любят женщины», «Винновна, но...». И стихи: ее сборник «Голубая волна» выдержал пять изданий. Образчики поэзии Чарской представлены в антологии «Русская поэзия детям». (Библиотека поэта, большая серия, Л., 1989). И — пьесы: «Лучший дар». И пересказывала романтические легенды: «Вечера княжны Джавахи. Сказания старой Барбалэ». «Если считать наиболее популярным писателем того, чьи сочинения расходятся в наибольшем количестве экземпляров, то самым популярным детским писателем должна быть признана в настоящее время г-жа Л. Чарская», — писал в 1909 году педагог и историк детской литературы Н. В. Чехов. Он же отмечал, что Чарская «обладает живою фантазиею», что ее сочинения «всецело принадлежат к романтическому направлению в детской литературе», что их главный интерес «в занимательности рассказа, необычайных приключениях и выдающихся характерах героев и героинь», что Чарская, по-видимому, «хорошо знакома с Кавказом», а среда, описание которой ей наиболее удастся, — жизнь закрытого учебного заведения — женского института.

В «Почтовом ящике», отделе «Задушевное слово», то и дело публиковались отзывы читателей о книгах Чарской.

«Мне недавно случилось проезжать через Гори и Мцхет, и, боже мой, с каким благоговением смотрела я на эту Куру и горы, на которые, как я увере-

на, смотрела когда-то и моя любимая княжна Джаваха... Я ставлю выше всех и считаю своей любимой писательницей Чарскую».

Дети называли Чарскую великой, сравнивали с классиками. Публикация издателями Чарской неумеренных восторгов в ее адрес вызвала появление статьи К. Чуковского «Лидия Чарская» (1912), где с беспощадной ядовитостью развенчивался всеобщий детский кумир. Сосредоточив внимание на повторях экстремальных ситуаций («ураганы, пожары, разбойники, выстрелы, дикие звери... кораблекрушение... столкновение поездов...»), на обмороках и ужасах, на других уязвимых свойствах Чарской, критик увидел в ее повестях не живое чувство, не вдохновение, а бездушность, трафарет, мертвечину, «тартюфство», «фабрику ужасов», торжество пошлости.

В 10-е годы повести Чарской появились в переводах на английский, немецкий, французский языки.

А затем... В 1918 году прекратил свое существование журнал «Задушевное слово», так и не допечатав до конца последнюю повесть Чарской «Мотылек» — о дочери бедного чиновника Шуре Струковой, приехавшей в Петербург учиться. И комплекты журнала, и повести Чарской, вышедшие отдельными изданиями, специальным распоряжением Наркомпроса были изъяты из библиотек, официально запрещены. Не раз заявлялось, что «автору детских книг нечему учиться у Чарской» (вот почему упоминание о ней вызывало у этого самого автора ужас — до последнего времени). Четыре крохотные книжки для малышей, которые Чарская в 1925—1929 годах вынуждена была выпустить под псевдонимом (Н. Иванова. «Пров-рыболов», «Балаганчик» и др.), накормить не могли. В. Шкловский вспоминал: «Она... искренне сочувствовала революции; жила очень бедно. Мальчики и девочки приходили к Чарской убирать ее комнату и мыть пол: они жалели старую писательницу».

«Убить» Чарскую, несмотря на ее мнимую хрупкость и воз-

душность, — признал С. Маршак на I Всесоюзном съезде советских писателей (1934), — было не так-то легко. Ведь она и до сих пор продолжает... жить в детской среде, хотя и на подпольном положении».

Л. А. Чарская.

Впервые после длительного замалчивания талант Чарской был признан В. Шкловским: «Сама Лидия Чарская была женщина талантливая: без таланта нельзя овладеть интересами целых поколений» («Старое и новое», 1966).

Добрые слова, однако, как-то затерялись и услышаны не были. Мало ли что в конце концов пишут взрослые писатели?

Но вдруг в любви к Чарской признался детский писатель, от которого такого признания меньше всего ожидали. Искусным мастером, человеком высокого благородства, стойким и надежным товарищем назвал его Чуковский, то есть тот самый критик, что не оставил живого места на страницах Чарской. Все творчество этого писателя, по словам Чуковского, «крепко спаяно с нашей эпохой». Заподозрить его в мещанских симпатиях невозможно.

Кто же он? Л. Пантелеев.

«Среди многих умолчаний, которые лежат на моей совести, должен назвать Лидию Чарскую, мое горячее детское увлечение этой писательницей... Сладкое упоение, с каким я чи-

тал и перечитывал ее книги, отголосок этого упоения до сих пор живет во мне — где-то там, где таятся у нас самые сокровенные воспоминания детства, самые дурманящие запахи, самые жуткие шорохи, самые счастливые сны».

И вот «Княжна Джаваха» снова — с перерывом более чем в семьдесят лет — издается. (Повесть «Княжна Джаваха» выходит в «Детской литературе». Уже запланированы и другие повести.) Чарская вернулась к читателю. Это больше не запрещенная литература!

Читая повесть, мы по некоторым верным приметам узнаем, каковы предшественники знаменитой писательницы. Она испытала влияние Вальтера Скотта, Диккенса, Гюго, М. Загоскина, И. Лажечникова. Любость Кавказ ее научили Пушкин и Лермонтов. Трудно сказать, в какой степени, но Чарская знала и грузинские обычаи, и грузинский язык. Героиня повести — юная грузинка, отпрыск старинного рода! Отец служит в русской армии, русский офицер; дядья и дед воевали в Дагестане; это дает ей право сказать: «Мои предки — герои...»

Но это только одна линия. Другая — материнская — уходит нас в горный аул Бестудии, и мы можем только гадать: кто же родственники Нины-джаным — лезгины? аварцы? Во времена, когда была написана повесть, всех северокавказских иноверцев называли татарами. И о них Чарская говорит с сочувствием и восторгом.

Героиня «Княжны Джавахи» не рассуждает, а действует. Ее можно полюбить за смелость, благородство, гордость. Эти качества постепенно раскрываются перед однокашницами Джавахи. И девочка Краснушка пишет на доске белыми крупными буквами: «...КНЯЖНА НИНОЧКА ДЖАВАХА, ДУШКА, ПРЕЛЕСТЬ, ПРОСТИШЬ ЛИ ТЫ НАС?»

Владимир ПРИХОДЬКО

Рисунки Э. ДЕСЯТНИК.

Петр СИНЯВСКИЙ

Я рисую букву

Я сейчас возьму тетрадь,
Буду буквы рисовать.

Приготовлю авторучки —
Пририсую букве ручки,
Разведу цветные краски —
Намалюю букве глазки,
А для носа и ушей
Наточу карандашей.

Если буква будет букой,
Мне придется с этой буквой
Поделиться леденцом
Или даже огурцом.

Вот и вышла буква «Я».
Улыбнулась, будто я,
Откусила огурец
И сказала:
— Мо-ло-дец!

ЗООБЕСЕДКА

Валентина ЛАНЦЕТТИ

Летающий тюлень

— Уважаемый Тюлень,
Вам не страшно
Каждый день
Прыгать с этой скользкой глыбы,
Глубоко нырять за рыбой?..

— Для меня страшнее лень! —
На лету сказал Тюлень.

прыг-скок

Живут на макушке
Дружные ушки,
Вместе встают —
Утру салют!
Дружно дрожат,
Если боятся,
Рядышком спят
На спинке у...

В лесу ночном кукует птица.
Она назвать себя боится...
— Ку-ку... Ку-ку...—
Не спит опушка.
А птицу эту звать...

Андрей УСАЧЕВ

Самый лучший в мире дом!

Забегали ко мне на веранду шесть цыплят. Все маленькие, желтенькие и ужасно нахальные.

— Какой неудобный дом! — пищит один. — Какой ужасный дом!

— Чем же это он неудобный? — спрашиваю я.

— Большой и уютный! — пищит второй цыпленок. — В него любая кошка залезть может!

— И холодный, и холодный! — пищит третий.

— Так ведь лето, — говорю. — Я и печку не топил...

— Все равно холодный! — подхватил четвертый. — И бегать не может!

Тут уж я возмутился:

— А чей дом, — спрашиваю, — бегать может?

— Наш, наш! — пискнул пятый цыпленок. — Ха-ха, — говорю. — Интересно. Ну и где же ваш дом?

— А вот он! Вот он! — запищал шестой, самый маленький.

И все цыплята бросились навстречу бегущей к ним наседке.

Потом они высунулись из-под крыла и запищали:

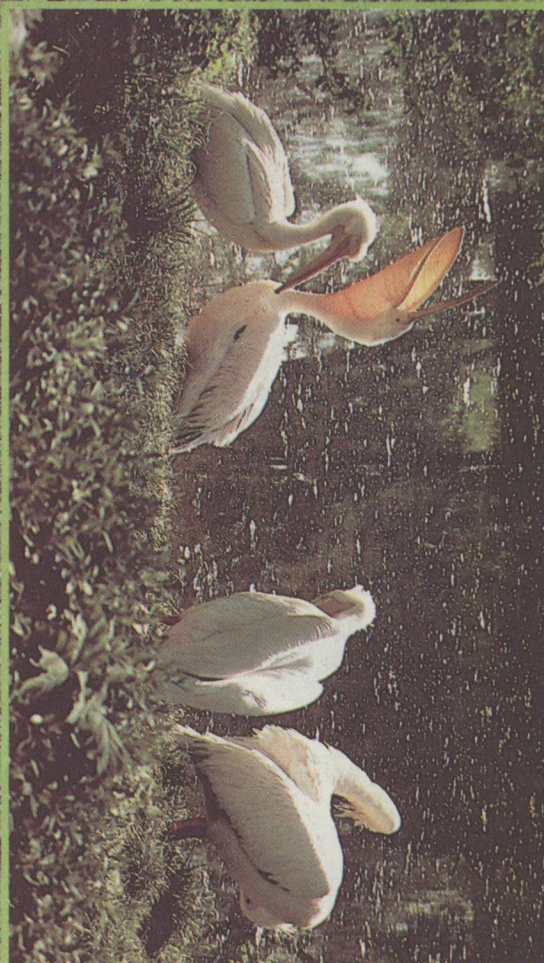
— Самый лучший в мире дом — у мамы под крылом: он и маленький, и уютный, и теплый, и бегать умеет!

Владимир КОЖЕМЯКИН «Живая Квартира»

У кого-то «живой уголок»,
А у Петьки
«Живая квартира».
Проживает в ней
Тишка — щенок,
Черепашка — черепаха,
Кошка Машка,
Сильвестр — полугай,
И аквариум с рыбками
Светится.
Хоть весь город пешком
прошагай,
Но другая такая
не встретится.

Ну и что?
А у нас
Есть бизон,
И жирафы
В квартиру глядят,
По утрам
Нам трубят
Белый слон...
Ведь у нас под окном
Зоосад!

A close-up photograph of a leopard's face, showing its distinctive rosette pattern and intense gaze. The leopard's head is tilted slightly, and its eyes are focused on the viewer. The background is a blurred continuation of the leopard's fur.

СТОП-КАДР «ЗЕЛеной КАРЕТЫ»

ТРИСТАН И ПАВЛОВА, НА ВЫХОД!

Рисунки И. КУРАЯНА.

Продолжение. Начало в № 6.

В предыдущем номере мы рассказали о том, как из южноамериканской страны Колумбарии с миссией мира и дружбы в нашу страну отправилась яхта «Мария», сопровождать и охранять которую послали дельфинку Павлову. Бывший диктатор Колумбарии Фурникуле готовится сорвать плавание яхты. Посланные его помощниками вооруженные дельфины Тристан и Генри оказываются старыми приятелями Павловой и по ее совету прикрепляют мину к кораблю Фурникуле.

Капитан «Марии» и не догадываясь, что дружественная держава послала ему в сопровождение отлично обученную и хорошо вооруженную дельфинку Павлову.

Александр БАРКОВ

ВИТЬКА СЛЕЩАЧЬЕГО ОСТРОВА

Рисунки А. ОСТРОМЕНЦКОГО.

Нас было двое на острове — мальчик и я. Дни стояли длинные и светлые, пропеченные горячим майским солнцем. Хорошо встречать зарю в этих глухих, потаенных местах, покой которых нарушали лишь тягучие локомотивные гудки, доносящиеся с железнодорожной станции. Понравился мне и невысокий песчаный берег Раменки с кипучей гривой тальника поверху, с глубокими, темными омутами, где на дне дремали пудовые сомы. По душе мне пришелся и небольшой шалаш, который мы с Витей соорудили из сучьев и оплели лозой.

— Здравсьте! — сказал Витя и ковырнул песок резиновым сапогом.

— Доброе утро! Как дела?

— Так себе... — Витя посмотрел вдаль, туда, где плыла по течению коряга, похожая на оленьи рога. — Шесть пещарей и один ерш.

Я промолчал.

Мальчик взял в рот травинку и присел возле меня.

— А вот позавчера, знаете... — в задумчивости начал он. — Сижу, значит, я вечером у старой мельницы. Ловлю на стрекозу и кузнечика. Клюет одна за другой: то окунь, то ерш, то плотвица, — не успеваю вытаскивать. Ведерко заполнилось до краев. Поздно уже. Глаза слипаются. Домой пора. Глянул в последний разок на удочку... А поплавок на ней дерг-дерг. Да так сильно! Меня разобрало. Ладно, думаю, кусай! От меня так просто не уйдешь. Легонько подсек, а он хитер — отпустил, бродяга...

— Передохнул?

— Пузырь пустил. А потом снова дерг-дерг. Поплавок заплескал как шальной. Аж круги до середины Раменки дошли. Стой, думаю. Еще разок подсек, а поплавок раз... и ко дну пошел. Я дерганул. Упирается, но все ж идет. Вытаскиваю, во... — Витя развел руки. — Представляете, морской окунь!

— Да откуда здесь морской окунь? — удивился я.

Мальчик в задумчивости покрутил рыжий хохолок на макушке.

— Да его, видать, из Черного моря к нам в Раменку течением занесло!

«Эк... куда хватил, а морской окунь случайно не догадался тебе объяснить, что реки впадают в моря, а не наоборот?» — подумал я про себя, вспомнив одну забавную историю.

Было это в прошлом году. Отправившись в дальний лес по чернику, мы с Виктором потеряли

ориентир и немного заблудились. Проплутав с пятток километров, нам пришлось заночевать на вырубке в старом, заброшенном лесорубами бараке.

Ночь выдалась темная, как вороново крыло. За окнами долго шумел северный верховой ветер, а потом зарядил дождь.

Мы улеглись прямо на полу, в углу, куда еще засветло натаскали пихтовых веток и сухой травы для постели. Поговорили о том о сем, и я, крепко уставший за день, мертвецки заснул. Не знаю, сколько времени длился мой сон, только проснулся я в кромешной тьме от горячего шепота Витьки:

— Дядя Саша, беда! Крышу сорвало вместе с потолком! Что делать будем?

Я лежал на спине и, открыв глаза, увидел над собой звездное небо с ярко светящейся Большой Медведицей. Меня это очень удивило, но еще больше поразило то, что на воле бушует ветер, хлещет дождь, а небо почему-то ясное. Чудно?! Я протер глаза, но вокруг все по-прежнему: так же темно, за стеной свирепо воеет ветер, а по стеклам барабанил струи дождя.

— Ни потолка, ни крыши над нами... Но почему же сухо? — зашептал я, чувствуя неладное. — Что за чудеса в решете?

— Они самые, — отозвался Витька. — Мне дед сказывал, что в этом бараке еще и не такое бывает...

— И долго длится?

Мальчик пожал плечами.

— Вот наваждение-то!

Витька заметил, что мне не по себе, усмехнулся чему-то и вдруг заговорил бодро:

— Ниче, дядя Саша! Все наладится! Со мной не пропадете, потому как я — волшебник. И эту кровлю могу вмиг починить! Смотрите-ка!.. Раз, два, три.

В тот же миг вспыхнул свет карманного фонарика, и я увидел над собой вместо звездного неба обыкновенный брусчатый потолок. В изумлении поднялся с постели:

— Ну и ну!

— А очень просто, — усмехнулся волшебник. — Это домовая забавляется. Да-да, дядя Саша!

Витька изо всех сил старался быть серьезным, но я вдруг уловил в его голосе еле сдерживаемый смех и понял: паренек меня разыгрывает. Но в чем же секрет его розыгрыша? Я внимательно посмотрел на потолок и увидел там кусочки трухлявого дерева. Приподнявшись на цыпочки, я оторвал один из них и разглядел. Ба!.. Да это же светящиеся гнилушки, прилепленные хлебным мякишем.

— Ну-ка, волшебник, отвечай начистоту! Где ты

это раздобыл? — спросил я Витю. — И когда успел «небо» сотворить?

Тут волшебник не выдержал, разразился звонким, веселым смехом и сказал, что за бараком лежит большая светящаяся коряга. После того как я крепко заснул, он сбегал и принес целую горсть гнилушек. Прилепив их к потолку, разбудил меня.

— Разбудил и чуть рассудка не лишил, — дивясь редкой изобретательности паренька, заметил я и поинтересовался: — Как тебе в голову взбрело устроить такое?

— Дядя Саша, не люблю я когда скучно, я люблю с выдумкой, — затараторил он. — Ну, покажи я вам светящуюся корягу возле барака, вы глянули бы на нее и пожали плечами... На том все и кончилось бы. А так, с фокусом-то, забавно! Надолго запомнится вам!

— Да уж, — признался я, ныряя в постель. — Давай-ка, домовой, гаси свет. Досыпать будем. Утро вечера мудренее...

Витька выключил фонарик. Барак погрузился в темноту, и я вновь увидел на потолке Большую Медведицу, но уже без Полярной звезды: ее обозначала та самая гнилушка, которую я отклеил.

— А еще звездное небо можно устроить из светлячков, — зевая, промолвил Витька. — Только мне жалко их мучить. Кстати, знаете, сколько светлячок живет?

— Нет.

— У меня дома в стеклянной банке с травой один светлячок прожил двадцать четыре дня. Причем все это время ярко светился зеленым огнем, вот! А знаете... — Тут Витька снова зевнул и, не договорив, крепко заснул.

Я долго еще любовался его «небом», посмеивал-

ся над собой и восхищался фокусом двенадцатилетнего паренька.

— Знаю, какой ты волшебник! Небеса опрокинуть можешь! — усмехнулся я сейчас Витьке.

— Вы про случай в бараке вспомнили? — улыбнулся мальчик. — Зря. Пустое дело. Тогда я свое волшебство на фокусы разные и розыгрыши тратил, а теперь... В общем, не тужите, дядя Саша. Обещаю вам: рыбалка нас ждет впереди отменная!

Чувствовалось, что он еще толком не знает, каким образом мне угодить, но уже убежден, что непременно придумает что-нибудь необыкновенное. Это меня успокоило, но в душе все-таки осталось сомнение: пареньку хоть и двенадцать лет минуло, однако шибко-то полагаться на него пока нельзя, поэтому я решил обойти остров в поисках тихого затона.

Остров оказался в ширину ровно десятков моих шагов, а в длину — сорок три. Бревен на нем не отыскалось, стояли только чахлые болотные деревца, под ними виднелся мох, по которому краснела клюква. Зато в одном месте лежала большая куча сухого плавника, чему я очень обрадовался: будет из чего костер развести!

— Та-ак, сели на мели, — дружески подмигнул я Витьке, который разматывал удочки.

— Рыбалка — это не забава, а работа. А когда работаешь, то хорошо думается, — возразил мне паренек, очевидно, повторяя слова деда. — Давайте-ка рыбачить...

— Давай, — согласился я и взялся за спиннинг.

Витька, подтянув голенища резиновых бродней, которые он называл «ботфортами», вошел с длинной удочкой в воду и легонько взмахнул удилицем. Грузило чмокнуло, плюхнувшись в реку,

и леска исчезла на глубине. Вскоре красно-белый поплавок дрогнул, стал дергаться вниз-вверх и вдруг пошел ко дну. Витька ловко подсек, потянул и выхватил из пучины красноперого окуня.

— Хорошо! — сняв рыбу с крючка, он деловито принялся наживлять нового червяка. — А вы, дядя Саша, чего стоите? Ступайте на ту сторону острова, там вас щука столетняя ждет!

Я подчинился и, перейдя остров поперек, стал забрасывать тяжелую латунную блесну в виде рыбки с крючком-тройником на хвосте и крутить за рычажок катушку спиннинга. Забросил раз, два... двадцать два... И все без толку. Нет поклевки, и точка!

— Витек! — окликнул я.

— Что?

— Кажись, зря я тут торчу. Не клюет, хоть ты тресни!

— Ключет! — убежденно сказал Витька. — Только надо уметь терпеливо ждать. Это уж закон!

— Ясно. Ну что ж, раз, по-твоему, терпение залог успеха, буду терпеть!.. — согласился я и метнул блесну метров на тридцать, но катушку крутить не стал: пусть, подумалось мне, блесна уйдет поглубже, авось там скорее на нее кто-нибудь клюнет.

Правда, вскоре о блесне я позабыл, залюбовавшись красивой зарей, которая буйно начала разгораться на западе. Зеленоватое небо, алые и малиновые облака, а также темно-синяя стена леса на дальнем берегу — все это четко отразилось на зеркальной глади воды. Над головой, со свистом рассекая воздух крыльями, промчались два чирка и плюхнулись вдали возле зарослей краснотала. А вблизи с плеском взыграла какая-то мелкая рыбешка, отчего по воде начали расходиться круги. Это вернуло меня к рыбалке, и я быстро

взялся наматывать леску на катушку.

— И вдруг — дзинь! — леска резко натянулась, зазвенела, и я сразу понял, что клюнул кто-то очень крупный. Я тут же ослабил леску, отчего катушка, снятая с предохранителя, бешено закрутилась. Рыба уходила вдаль. Затем она принялась метаться то влево, то вправо, а потом стала на месте. Леска ослабла, провисла и легла на воду. Я начал ее сматывать и внезапно почувствовал такой резкий рывок, что спиннинг чуть не вылетел у меня из рук. Пришлось опять дать рыбе свободу. Так повторялось четырежды, но последний толчок был уже слабым и я принялся быстро крутить катушку, подводя добычу к острову.

— Виктор, неси подсачек! — крикнул я.

— Поймали, что ли?

— Ну! Неси живо!

Я подвел рыбу к самому берегу и увидел, что это здоровенная щука. Витька с ходу влетел в воду и накинул подсачек на щуку с хвоста. Рыбина оказалась такой длинной, что едва уместилась в большом сетчатом кошеле; однако она хоть и бешено билась, но вырваться на волю уже не могла и вскоре оказалась на берегу.

Витька, оглушив ее колотушкой, важно воскликнул:

— Поздравляю вас, дядя Саша! И себя тоже. Вас с богатым уловом, а себя с тем, что я прав оказался насчет терпения. Правда, щука попала не столетняя, но все равно крупная, килограммов шесть потянет.

— А что... тут какая-то столетняя живет? — заинтересовался я, окинув взглядом омут.

— Да, живет. Я не раз слышал, как она громко ухает. А мой дед помнит ее с детства. Причем щука эта почти не выросла в длину за эти годы.

— Какова же она?

— Точно не определишь, но около полутора метров, пожалуй, будет. Так вот, дед говорит, что она зато растолстела как поросенок!

— Погоди!.. — задумался я. — Если длина щуки была лет семьдесят назад около полутора метров, то этой рыбине нынче не сто лет, а, может, побольше того.

— Конечно! И дед так считает. А столетней он называет ее по привычке: в детстве дал ей сотню лет, так и по сей день величает — столетняя. Не больно-то любит он эту щуку, да и мне она тоже не по душе.

— Почему? — удивился я.

— Утят глотает. Змей.

— Змей?! — поразился я.

— Да, змей. Я сам видел. В позапрошлом году сидим мы с дедом в лодке неподалеку от берега, окуней дергаем и видим: уж плавает, ловко так извивается на воде. Вдруг откуда-то из подводных зарослей эта самая щучина ж-жах торпедой и хватъ его... Ужа как не бывало, вот... А хитрющая, страх какая! Ни на какую блесну не идет! Я предлагал деду выследить ее где-нибудь на мелководье и бабахнуть по ней картечью, но он не согласился.

— Почему?

— Говорит, стрелять в рыбу, глушить ее взрывчаткой, бить острой — это преступление. И потом, щука очень старая и в пищу не годится. Кроме того, она — древний памятник живой природы, а раз так, то ее, хотя она и не глянется нам, не убивать, а охранять надо.

— Верно дед рассудил, — заметил я. — А ты против, что ли?

— Нет.

— А почему тогда пожелал мне, чтобы я поймал столетнюю щуку?

— Только потому, что ее никому не словить. Многие пытались, да ничего у них не вышло: очень уж осторожная и умная эта рыбина. Такая умная, что я иногда думаю: она вовсе и не щука, а оборотень, вроде как водяной. Вы-то верите в водяных?

— Равно как и в леших, — усмехнулся я.

— А я иной раз верю, особенно здесь, на этом острове. Да вдобавок ночью.

— А почему особенно здесь? На острове?

— Да потому, что он Лешачий остров! — резко ответил Витька и стал по-хозяйски распоряжаться: — Давайте, дядя Саша, я рыбу буду чистить, уж варить, а вы займитесь дровами. Костер запалите...

Пока Витька чистил окуней, а потом стряпал уху в котелке, я успел собрать сушняк и сложить его в кучу. Работал я охотно, с удовольствием, радуясь, что выловил нынче крупную рыбину.

— Дядя Саша! Прощу за скатерть-самобранку! — поставив котелок с ухой на трухлявую доску, где уже лежал на газете хлеб, пригласил Витька.

Уха оказалась на редкость вкусной: уж что-что, а уху Витька умел стряпать, научившись этому искусству у деда. Я хлебал ее с большим аппетитом.

Витька подкидывал в костер хвороста, выбирая из кучи палки и сучья потолще и посуше.

— Знаете, позапрошлым летом я решил уз-
нать, — задумчиво стал припоминать мальчик, —

есть ли в наших водах голубые раки?

— Голубые?

— Да, кстати, вы видели раков такого цвета?

— Нет, не довелось. Но слышал о них не единожды...

— Хорошо, что слышали...

— Почему?

— Да потому, что кому другому расскажешь о голубом раке, а он не верит, да еще и насмехается. Обидно!

— Скажи-ка на милость!

— Но слушайте дальше. Решив разыскать голубого рака, я бродил по ручьям, впадающим в Вяземку. Ручьи те ключевые. Вода в них чистая и холодная. Раки чаще всего в такой воде живут. День брожу, два брожу, а удачи нет и нет. Попадаются лишь зеленые, которые потом, когда их сварить, красными становятся. Шесть ручьев обследовал я в том году, но голубой рак так мне и не показался. Да и живут ли в наших краях эти раки, осталось для меня загадкой. А потом я о них как бы позабыл, ага. Как-то отправился в Горелый лог, где в речушке Купаве по омутам налимы водятся. При чем ловим мы их там голыми руками. Руку в нору сунешь, нащупаешь в ней налима и хватъ его за жабры! Знаете такой способ?

Я кивнул.

— Так вот, поймал я двух малых налимишек и двинул к дому. Иду в ботфортах по ручью, и вдруг мне будто шепчут на ухо: тут-то как раз и живет голубой рак! Я остановился, зыркаю туда-сюда и замечаю под водой нору. Только сунул в нее руку, а меня кто-то хватъ за палец. Да больно так! Я руку-то на себя потянул и вижу: за палец какой-то чудной рак клешней держится.

— Чем же он чудной?

— А тем, — не моргнув глазом отвечал Витька, — что чудо это вода мне понять мешает. Тогда я подвел под рака другую руку и вытащил диковину из воды. На песке рак отпустил мой палец и барахтается, пятится, а я диву даюсь: ведь он самый обыкновенный, только окраска голубая. Значит, есть, оказывается, голубые раки в нашем краю! А раньше я, как и вы, о них только слыхом слыхал.

— Ну, и что же ты сделал с этим раком? — поинтересовался я.

— Обратно в нору посадил, а вход в нее камнем закрыл и сбегал в деревню за ребятами. Хотелось радостью своей с ними поделиться. Поглядели они на чудо-юдо и тоже заахали. Потом мы отпустили рака в его подводное царство: живи, мол, там и плодись! А недели через две я пришел снова глянуть на голубое чудо, но его в норе не оказалось. Там поселился другой рак — обыкновенный, зеленый. Вот такая история. Но я...

— Погоди, Витек, — перебил я. — Да это ж был вовсе не другой рак, а тот же самый.

— Как так? — захлопал глазами Витька.

— Да так — ты видел его голубым сразу после линьки: ведь раки, когда растут, ежегодно линяют, то есть сбрасывают хитиновый защитный покров, — принялся я делиться с пареньком тем, что знал о раках. — Вначале хитин прозрачный, с лазоревым оттенком, то есть голубой. Потом он начинает быстро темнеть, становясь зеленовато-серым или серо-зеленоватым с коричневым оттенком. Понимаешь?

— Надо же!..— всплеснул руками Витька.— Мне такое в голову не приходило. Вот, значит, каков голубой рак! Н-да...— Он помолчал, а потом вновь оживился: — Но я, дядя Саша, историю эту рассказал больше для того, чтобы доказать вам на примере, как человек, обдумывающий ту или иную тайну природы, получает ответ на нее в самый неожиданный момент.

— Ну-ну,— пряча улыбку, произнес я.— Скажи, а что дед твой думает насчет голубого рака?

— Он тоже знает, что такие раки бывают, однако про то, о чем вы сейчас тут говорили, ему неизвестно. Вот удивится, когда услышит от меня эту новость!.. Дядя Саша, а почему все я да я рассказываю, а вы молчите? — с легким укором спросил Витька, опускаясь рядом со мной.

— И то верно,— принял я замечание Козырева.— Однако что же тебе рассказать?

— Да про что-нибудь такое, редкое и удивительное. Хорошо бы смешное и в то же время чуткое грустное.

— А почему чуткое грустное?

— Да потому что по-настоящему смешное всегда бывает немножко грустным. Согласны?

— Да, ты прав, пожалуй,— согласился я. Но чем же тебя удивить, однако? А!..— Подумав, вспомнил я один случай и повел рассказ: — Давненько это случилось. Ты в ту пору еще и на свет не явился. А я молодым парнем был и служил в погранвойсках на Амуре. Замечу сразу: река эта широченная и очень глубокая. А рыбы в ней в ту пору было столько, что во время нереста той же, к примеру, горбуши вода у берегов буквально кипела. Ну, конечно, и рыбаков на Амуре хватало, в том числе и мы, солдаты, рыбачили. Чуть свободное время выдастся — на Амур. Я обычно ходил на рыбалку со своим закадычным дружкой, узбеком Хамзой Сабировым. Много-много мы с ним всякой рыбкиловили: и сазанов, и кеты, и осетров (тогда эту «царь-рыбу» ловить еще разрешалось), и сомов, и щук амурских...

Помню, однажды зимой в воскресенье получили мы увольнение на весь день и чуть свет отправились с Хамзой на Амур. Сперва хотели в полынье порыбачить, но вовремя заметили, что лед подле нее ненадежный, и отошли от нее шагов на сто, где быстро продолбили пешней лунки. Сели на сундучки, в которых у нас рыболовные снасти хранились.

Ну, сидим, рыбачим. Час проходит, другой. Я уже с десятка сазанов надергал — столько, что на весь наш взвод, если сварить их, ухи хватит. А Хамзе, вижу, сегодня что-то не везет. Двух сазанов выловил, и на том дело застопорилось. Он мерзнет, сердится, вокруг лунки бегают да смешно поругиваются. А потом вдруг как закричит радостно:

«Тянет, дорогой! Тянет!»

Подбежал я к нему, смотрю и глазам не верю:

из лунки черный нос и длинные усы лезут. Отродясь такой рыбы не видывал. А Хамза знай себе за леску тянет. Вижу, лапы показались, потом туловище и длинный хвост. Вытащил это чудо Хамза на лед, глазами хлопает и пятится:

«Ва-ах! Что это за рыбина, дорогой?»

«Вот тебе на-а...— дивлюсь я.— Это же ондатра! Водяная крыса! Обозналась, голубушка: вместо живой рыбки на железную клюнула!»

Попробовали было мы ее спасти, но тщетно: крючок застрял у нее глубоко в пищеводе.

Хамза очень расстроился. Говорит:

«Я не виноват, я другую рыбу ловил, а эта сама поймалась, глупенькая!»

Я успокаиваю его, как могу:

«Тебе, Хамза, не горевать надо, а радоваться: шапку из ондатры сошьешь и невесте подаришь. Ондатра ведь ценный зверь».

Кое-как успокоил его. Вернулись мы к вечеру на заставу. Там ребята увидели, какой богатый улов Хамза принес, и поздравили его. А потом, как это у солдат водится, начали подшучивать над парнем.

Кто-то из них спросил Хамзу:

— Ондатру выудил, а бобра сможешь?

— Нет,— ответил Хамза.— Жалко!

— А моржа?

— Нет, тоже жалко!

— Ну, а вражескую подводную лодку? — задал вопрос лейтенант.

— Вот это могу! — вскричал Хамза.— Пусть только клюнет, проклятая!

Витька посмеялся, а потом сказал:

— Жаль ондатру, но случай интересный. А Хамза ваш, наверное, добрым человеком стал.

Я удивился прозорливости мальчика, потому что Хамза, демобилизовавшись из армии, окончил сельскохозяйственный техникум и трудится нынче в одном хлопководческом хозяйстве Узбекистана.

— Да,— кивнул я Витьке.— Добрым. А как ты догадался?

— Ему животных жалко.

— Ну и что? Многим людям их жалко, однако не все же они добрые.

— Верно, жалко многим, да только не всякий, кому в руки ненароком зверь с ценной шкуркой попадет, так сильно из-за его смерти переживать будет, как ваш Хамза Сабиров. Он по-настоящему зверье любит, поэтому я и решил, что Хамза добрым человеком должен стать, как мой дед.— Разведчик подводных глубин неторопливо встает: — Ну, мне пора.

Широкая Раменка не спеша течет по глубоким омутам и стремительно несется по галечным перекатам. Изредка со станции доносятся гудки поездов. Прибрежный ветерок гонит по воде легкую, быструю рябь.

Сегодня журнал «Пионер» открывает новую рубрику с названием строгим и немного торжественным — АУДИТОРИЯ.

Представьте: вы вошли в нашу АУДИТОРИЮ.

Под высоченным потолком полукругом расположены огромные окна — вот откуда столько света и воздуха! Деревянные кресла карабкаются снизу вверх, как в древнегреческом театре. Внизу — сцена с черной доской в глубине и кафедрой. Кафедра — сердце нашей АУДИТОРИИ. На нее поднимутся ученые — кандидаты, доктора наук, а может, и академики. И расскажут вам, ребята, о том, чего вы пока еще в своей жизни не слышали и о чем, может быть, даже и не думали.

Итак, добро пожаловать в АУДИТОРИЮ!

КАК ПРЕДСТАВЛЯЛИ СЕБЕ МИР НАШИ ПРЕДКИ

Беседу о славянской мифологии ведет кандидат филологических наук Серафима Евгеньевна НИКИТИНА.

Ясный летний день. Сухая проселочная дорога. Никого вокруг. И вдруг впереди столбик песка поднялся с земли, закрылся, пробежал и рассыпался.

— Видишь, — шепотом говорит мне старушка (она живет в деревне, куда мы идем), — видишь, нехороший там...

— Нехороший? — не понимаю я.

— Он. Пыль столбом, а никто не проехал. Кинешь нож — ножом в лесу встретит.

Я догадываюсь. Старушка говорит о лешем, но назвать его боится. А это поверье — что черт или лесной может являться в виде вихря, — какое же оно древнее! И живет не только у русских, но и у других славян.

Пока мы доходим до дому, я узнаю и как «он», «нехороший», водил в прошлом году три дня по лесу маленького Федю. Родители изругали: «Чтоб тебя черти взяли!» Ну и взяли... Насилу нашли потом ребенка. И что есть люди, которые с «нехорошим» знают, «он» к ним в гости приходит, а они «его» шаньгами с мохом кормят...

Вот сегодня мы и поговорим о леших, домовых и прочей «нечисти», а также о богах и героях, которые живут до сих пор в сказках и преданиях.

О БОГАХ, КОТОРЫЕ ПАСЛИ КОЗ И ВОЕВАЛИ ДРУГ С ДРУГОМ

Давным-давно, тысячелетия назад, первобытный человек представлял весь мир одушевленным. Все в его мире было живым: и вселенная, и космос, и каждый камень, и пеня в лесу. Везде были духи-хозяева, добрые и злые, враги и помощники человека. И все в том мире могло превращаться друг в друга. Человек мог превратиться в лису, в дерево, в камень... и вновь вернуться к человеческому облику.

Ученые называют такое представление о мире мифологическим мышлением.

Мифы есть в культуре каждого народа. Греческая, индийская, египетская мифологии донесены до нас великими художественными творениями — такими, например, как «Илиада» и «Одиссея», «Рамаяна» и «Махабхарата». У некоторых народов мифы сохранились до нашего времени в форме сказок — так, например, мифы коряков и чукчей. Славянской мифологии повезло меньше. Древнейшие славянские представления об устройстве мира, о богах и демонах и их взаимоотношениях частично были утеряны, а частично так изменились, что ученым стоит большого труда увидеть их корни в некоторых фольклорных произведениях.

Славянская мифология делится на две большие группы: высшую мифологию — это сказания о богах, о святых и низшую мифологию, или демонологию — мифы о дьяволе, чертях и им подобных.

Богов было несколько. Был Перун — бог-громовержец. О нем мы знаем из балтийских источников, поскольку у балто-славян мифология общая. Перун бился с Велесом — «скотим богом», все время отбирая у него то скот, то жену. У Перуна была жена Перынь.

Были еще: Сварог — бог огня и света, его сын Дажьбог — бог Солнца, была богиня Мокошь — покровительница женского труда...

В 980 году князь Владимир устроил пантеон языческих богов, которых через восемь лет, с приходом христианства на Русь, скинули в Днепр. О богах как-то быстро забыли. Только в «Повести временных лет» о них сказано. В истории, в памяти народной они будто бы не сохранились. Но произошло замечательное превращение: многие функции богов преж-

них, языческих, были переданы христианским святым. Даже созвучны их имена, например: бог Велес — святой Власий — покровитель скота. До сих пор в деревнях вы можете найти тетрадки, в которых есть списки, кому молиться. Один такой список сама написала всего лишь год назад. «Молиться святым Иоанну милостивому, Епифану Кипрскому, Никите Новгородскому — для сохранения от пожара и молний. Преподобному Роману-певцу — от безгласия певцов. Преподобному Морою — для исцеления от трясовичной болезни. Преподобному Зосиме и Савватию — об умножении пчел. Преподобному Моисею Морину — от винного запойства... Святому мученику Антипию — об исцелении от зубной боли. Киприану и Устину — от злого очарования. Святому Власию — от скотского падежа...» И так далее. Или такой стих, ходящий в народе, где упоминаются святые с теми же обязанностями. Просят: «Попаси же его, Господи Боже, Хлор, Лавер — лошадушек, Власий — коровушек, Настасья — овец, Василий — свинок, Мамонтий — козок, Зосима Соловецкий — пчелок, стаями-роями, густыми медами». Вот, пожалуй, распределение обязанностей у святых такое, какое когда-то было у языческих богов.

ОТЧЕГО У НАС ЗАЧАЛСЯ БЕЛЫЙ СВЕТ?

Один из самых главных мифов, который есть у всех народов, — это миф о сотворении мира. У чукчей и коряков, например, этот миф до сих пор живет в рассказах о творце мира — Вороне. А у русского народа представления о начале мира встречаются в духовных стихах.

Что такое духовные стихи? Это народные поэтические произведения, которые как бы перекидывают мост между христианским учением и народным мифологическим миропониманием. Они разъясняют христианские, иногда сложные философские истины в простых и наглядных для народа формах. Эти стихи поют, но не в церкви, а дома.

Один из самых замечательных старых стихов — стих о Голубиной книге.

С неба выпадает Голубиная книга, которую невозможно прочесть, но она содержит в себе всю мудрость мира. Стих разъясняет, в чем состоит эта мудрость. Это стих о сотворении и устройстве мира. Почему книга названа Голубиная? Объяснения есть разные. С одной стороны, это Глубинная книга, потому что она показывает глубину учений. С другой стороны, голубь — символ Святого Духа. И эта книга повествует о том, что мир, вся Вселенная произошли от божественного тела Иисуса Христа. Разные части его тела — лицо, глаза, грудь... — дали начало тому, что составляет «белый свет», или Вселенную. Эта картина удивительно напоминает рассказ, как сотворена Вселенная в скандинавских мифах. Только там источником Вселенной является не Христос, а языческий бог.

Но вернемся к тексту Голубиной книги. Собрались цари-царевичи, короли-королевичи, но никто не мог ее прочесть. Тогда попросили это сделать царя Давида Евсеича, то есть царя Давида из Библии.

Давид Евсеич очень мудрый был и сказал, что он все равно прочесть ее не сможет, потому что в руках ее не удержать и «умом ее не сосветити и глазом ее не обзирити», но он может сказать по своей памяти, как по грамоте, что там написано...

Отчего зачался у нас белый свет?
Отчего у нас солнце красное?
Отчего у нас зори ясныя?
Отчего у нас звезды частыя?

Отчего у нас млад светел месяц?
Отчего у нас ночи темныя?
Отчего у нас ветры буйныя?
Я скажу вам, братцы, я по памяти,
Я по памяти, как по грамоте:
Белый свет у нас — от Свята Духа,
От Свята Духа, самого Христа.
Солнце красное — от лица его,
Зори ясные — от очей его,
Звезды частые — от речей его,
Млад светел месяц — от грудей его,
Ночи темные — все от дум его,
Ветры буйные — от дыхания...

Потом Давыду Евсеичу задают вопросы: «А какой город всем городам мать? А какая земля всем землям мать? А какая река всем рекам мать? И какое море всем морям мать?» И Давыд Евсеич отвечает, что окиян-море всем морям мать. А почему именно окиян-море всем морям мать? А потому что окиян-море всю землю окинуло.

Это самые древнейшие представления о строении мира, о том, что вокруг земли существует окиян, ее омывающий, что земля стоит на китах — в одном из вариантов Голубиной книги и киты есть.

КТО СПАС ГОРОД ОТ СТРАШНОГО ЗМЕЯ?

Другой древнейший миф — миф о борьбе бога, а иногда героя со змеем, или драконом. Он есть почти во всех мифологиях мира. В славянской мифологии, в русской ее части, этот миф связан с образом Георгия Победоносца.

Это был реальный человек, жил он во времена римского императора Диоклетиана, в третьем веке. Происходил из очень знатной семьи, был военным, достиг высоких чинов, но, когда началось гонение на христиан, Георгий впал в немилость, его долго мучили и казнили. На Руси он известен как Егорий Храбрый, покровитель скота. А мифологический дракон в русской культуре превратился в змея.

Страшный змей напал на город, пожирает людей, требует себе царевну, а Егорий укрощает змея, царевну спасает. Царевна берет змея «за крутые роги» и отводит его в город.

Образ змея живет не только в духовных стихах, но и в сказках (Змей Горыныч), и в быличках.

Быличка — это рассказ на мифологические темы, максимально приближенный к жизни человека. «Вот что было не со мной, а с моим соседом — дядей Федей. Не со мной, а с мамой, с папой. Вот они пошли в лес, а там лесной их завел...» И так далее.

Однажды в Бессарабии, на берегу Дуная русские старообрядцы пропели мне стих о Егории и Змее, а потом спевший сказал: «Вот Змей-то... Знаешь, где он жил? Вон на том острове. Там был дворец этого самого царя Демьянища (Диоклетиана), вот этот Змей рядом с дворцом жил, в скале, здо-оровые были стены у дворца, семь метров, он их грыз. Все хотел прогрызть, но прогрызть никак не мог. И тогда он стал таскать людей на пожирание. Так я тебе скажу, он стальных съел, что — не я, конечно, а брат мой ездил, смотрел — до сих пор из скалы сукровица сочится. Это кровь от тех людей, которых он пожирал. Я не видел, а брат мой видел».

ЧТО СТАЛО С АНГЕЛАМИ, КОТОРЫЕ РАССЕРДИЛИ БОГА

Мы начали свой рассказ с лешего. Но в фольклорном мире, кроме леших, живут русалки, домовые,

полевые, водяные, банные. В дохристианскую пору их существование было законным, а вот что делать с ними в эпоху другого понимания мира, в котором есть Бог и дьявол с чертями, а черти все одинаковы? Как приспособить к христианскому миру домового, водяного и «матушку полевую со своими полевятами»? И тогда появилась христианская легенда о происхождении всей этой языческой нечистой силы. Когда ангелы отпали от Бога, то часть из них с Сатаной очутилась в аду, а часть задержалась на небе. Бог увидел их, рассердился и толкнул вниз. Ну, они и посыпались кто куда. Кто попал в воду, стал водяным, кто в поле — полевым, в лес — лесным, рядом с домом очутился — стал домовым. Так наши предки примирили язычество с христианством.

Наиболее добродушен домовый. «Суседко» называют его на Севере. Когда переходят в новый дом, то берут помело и зовут: «Суседко, суседушко, садись на помельшко, пойдем на новое местышко». Если хозяева хорошо относятся к домовому, он им помогает: следит за домашним скотом во дворе и за лошадьми. Если хозяин покупает лошадь той масти, которая нравится домовому, то домовый за ней ухаживает, шерсть на лошади блестит, она всегда сытая, спокойная. Но если же масть не та, начинаются неприятности. Лошадь худеет, вся как намыленная, будто каждую ночь куда бежит. Что тогда делать? Надо лошадь продавать.

Несколько раз, когда мне приходилось бывать в экспедициях, деревенские мне говорили: «Ты не веришь в домового, да? Вон поди, посмотри у Федосы, домовый заплел ночью косички на лошадях». Прихожу, а хозяйка говорит: «Не успела ты, я уж расплела». Ни разу я так и не видела заплетенных лошадей, и тем не менее о них говорят везде.

КАК ЗАЩИТИТЬ СЕБЯ ОТ ВОРОВ

Человек в древности верил в физическую силу слова. Он считал, что слово может уничтожить, убить, заставить заболеть. Так возник жанр заговоров. Со временем заговоры христианизировались. В них появились и Христос, и матушка-Богородица, которая, например, зашивает шелком воинам раны, сидя где-то на острове Буяне... Но некоторые элементы заговоров настолько древние, что корнями своими восходят еще к заговорам индоевропейской культуры. Например, это формулы, которые начинают и кончают тексты. Слова в конце заговора называются «замок». «...слова мои — ключ и замок. Ключ воткну в небо, а замок брошу в море».

Вот один заговор от воров, я записала его у духовборцев. Духоборцы считают себя христианами, но не признают ни церкви, ни священников, ни икон, ни святых. И поэтому церковные запреты на заговоры, а церковь никогда не поощряла заговоры, так как они связаны с нечистой силой, у духовборцев недействительны. Духоборцы называют заговоры молитвами. Потому что они хорошие, направлены на добро.

Настоящий заговор читают очень быстро и очень тихо, так, чтобы никому не было слышно. Понять читаемое почти невозможно.

Еще духовборские заговоры примечательны тем, что почти в каждом дана красивая картина Вселенной. Казалось бы, воровство — такое уж бытовое и неприятное дело, но космическая картинка есть и в заговоре от него. «На небе — месяц, в поле — дорога, в лесу — медведь. Как они не могут вместе сойтись, хлеба-соли покушать, так, чтоб на раба божья (Ивана, Петра) ни один вор-разбойник не мог подумать. Небо — замок, земля — ключ».

Мне объяснили, что если этот заговор трижды повторить, то вор не уйдет. Вокруг него образуется стена, и вор, попав в ваш дом, там и останется.

ЧЕТ-НЕЧЕТ

С древнейших времен люди думают, что мир живых и мир мертвых связаны между собой. Все, что происходит в мире живых, может как-то сказаться на покойниках. Мертвые могут посещать живых. В разные времена года, в разные календарные праздники. И поэтому многие славянские обряды связаны со встречами и проводами уже умерших.

Есть и песни на эту тему. Вот одна, записанная в Полесье. Именно там сохранилось очень много славянских черт, которые есть еще — неожиданным образом — в Македонии, Сербии.

Песня говорит о том, как к дочери приходит умершая мать. Дочь ее встречает и провожает. Обратите внимание, что дочь провожает мать за **два бора**, за **две речки**. Четное число — число мертвых. До сих пор мы приносим покойным четное количество цветов. А когда идем на день рождения, в гости — дарим нечетное. Нечетные числа в мифологии связаны с жизнью. В свадебных песнях везде будет число три. Все делается трижды. А вот здесь — дважды.

*Еще солнце не заходило,
А до мене щось приходило
Не середа дай не пятюнка,
Приходила моя матюнка.
Вана з мене не обедала,
Только мене пообведала,
Вана з мене не полудняла,
Только мене приголубила.
Вана з мене не вечеряла,
Только мене запечелила.
Проведу я свою матюнку
За две речки, за две быстрые,
За два бора, за два густые,
Повернуся я, назад гляну —
Чи стоишь ты, моя донечку?
Чи травинка ножки спутала,
Чи калинка вочки закутала.*

МАТЬ СЫРА ЗЕМЛЯ — ХЛЕБОДАРНИЦА

Есть в фольклоре всех славян такой образ — Мать Сыра Земля. Все произрастает из Матери Сырой Земли, все в нее уходит. Кормилица, хлебодарница — так ее называют. Это одушевленное существо, сострадающее и утешающее. К ней обращаются в трудные минуты жизни. Она может благословлять, и ей даже каются. Известны духовные стихи, где молодец кается Матери Сырой Земле в грехах, и она говорит, какие грехи можно отмолить, а какие — смертные — нет. Мы можем воспринимать это как образ, как художественную фантазию. Однако до сих пор в некоторых местах старообрядцы, у которых нет священников и которые могут каяться в своих грехах простым «мирянам», если рядом нет человека, а приходит смерть, каются Матери Сырой Земле.

Про мифологическое ощущение мира можно сказать много. Изучать, как представляли себе мир разные народы, необычайно увлекательное дело. И что очень важно: оно дает возможность не только заглянуть в далекое прошлое, но и узнать лучше самих себя в настоящем.

Рисунки А. БАЛДИНА.

К

АКОГО ТЫ БЫЛ ЦВЕТА,

СТАРИНА ЖИРАФ?

Земля содрогается, рушатся скалы, деревья раздвигаются, как трава. Над лесом показывается огромная туша чудовища. Колоссальных размеров голова, всклокоченная грива...

Кадры из фильмов ужасов или картинки в книгах о древних животных всегда поражают. И каждый раз мы думаем: «А не сказки ли все это? Откуда известно, какими именно были животные миллионы лет назад? Ведь их никто никогда не видел!»

В самом деле, своими глазами никто не видел древних обитателей планеты. По прихоти художников древний мир населялся образами гигантских чудовищ, жутких монстров, страшными звероподобными созданиями. Таким и запоминается нам древний лик обитателей плане-

ты: сказочно-страшным. И все-таки наука дает нам более точные портреты доисторических зверей и даже их имена: динозавры, индрикотерии, амфиционы... Были звери, похожие на жирафа, на медведя... Откуда же это знают палеонтологи — специалисты по ископаемым животным и растениям?

Жара... Белое солнце накалило камни пустыни, глаза слепит. Так хочется спрятаться в тень, но работа есть работа. Экспедиция палеонтологов не туристская прогулка. Десятки и сотни километров исхожены и изъезжены в поисках окаменевших остатков древней жизни.

Как так — окаменевших? Дело в том, что у животных и растений, засыпанных грунтом, со временем (в тысячи и миллионы лет) органические соединения мышц, костей, кож-

ного покрова с абсолютной точностью замещаются минеральными соединениями. В результате образуются объемные каменные копии вымерших организмов. Но такая замечательная сохранность ископаемых остатков — большая редкость. Как правило, от вымерших животных остаются лишь окаменевшие кости и лишь иногда — целые скелеты.

Идет месяц за месяцем... Тяжелей труд на раскопах. Приходится поработать киркой и лопатой, геологическим молотком и зубилом, прежде чем удастся найти интересный образец.

Наверное, и вам приходилось находить камень с отпечатком раковины или видеть подобные находки в краеведческом музее. Здесь вряд ли у кого возникнут сомнения, что все эти окаменевшие кости или их отпечатки принадлежали древним обитателям планеты. Но как восстановить внешний облик их обладателей?

Вот тут-то начинается кропотли-

вая работа ученого-палеонтолога по изучению находок. Кто читал Конан Дойла, помнит, как знаменитый сыщик Шерлок Холмс по одной маленькой детали одежды мог очень многое рассказать о ее владельце. Работа ученого очень похожа на работу этого сыщика. Используя огромные знания о современном животном мире и свой опыт, палеонтолог по сходству строения частей тела скелета стремится определить, кто это, какому животному принадлежат найденные остатки.

В своей работе ученые используют новейшие методы изучения образцов с помощью электронного микроскопа, рентгеновского аппарата, ультрафиолетовых и инфракрасных фотографий.

Палеонтологам нередко встречаются остатки с такими особенностями строения, которые ранее не были известны. В этих случаях устанавливают, кто ближайший родственник этого неизвестного животного.

По геологическим отложениям, среди которых найдены окаменевшие остатки, устанавливают, в каких местах жило ископаемое животное, какой образ жизни у него был, с каким другим из известных науке животных его можно сравнить.

Как архитектор по остаткам фундамента может восстановить внешний вид здания, как специалист по моторам из отдельных узлов собирает старинный двигатель, создавая заново недостающие части (в чем им помогают эрудиция и знания в своих специальностях), так и палеонтолог восстанавливает строение древнего организма. Ведь даже строение кожи можно вычислить: у земноводного она должна быть голой и слизистой, у пресмыкающегося — чешуйчатой, а у млекопитающего чаще всего покрыта шерстью.

И вот, когда собран полный скелет, по нему определено, как прикреплялись мышцы, и ясно, какая была кожа; наступает момент, когда палеонтолог может даже нарисовать это животное. Поначалу рисунок ученого напоминает технический чертеж. Потом подключается художник.

Иногда сотрудничество палеонтолога и художника становится основой долгой творческой работы, и тогда рождается множество иллюстраций, раскрывающих нам неизвестный мир далеких эпох.

Весь мир обогнали книги с палеонтологическими картинками чешского художника Зденека Буриана, работавшего с палеонтологами И. Аугустой и В. Шпинаром.

Еще более ценно, когда таланты ученого и художника сочетаются в одном человеке. В нашей стране таким ученым-художником был Кон-

стантин Константинович Флеров. Профессор, доктор биологических наук, четверть века возглавлял он Палеонтологический музей при Палеонтологическом институте АН СССР. Множество живописных полотен К. К. Флерова и его карандашных рисунков — реконструкций ископаемых животных можно увидеть там.

Увлечен этой работой был и другой палеонтолог-художник — А. П. Быстров. Надо сказать, этим увлечены и многие современные художники.

Реконструируя облик животного, угадывают и его походку, и возможные позы. Но вот можно ли узнать, какого цвета были древние обитатели планеты? В отношении некоторых крупных животных (и среди них вымерших динозавров), оказывается, можно провести аналогию с ныне живущими представителями животного мира. Большинство слонов, носорогов, бегемотов окрашены неярко. Скорее всего и древние представители наземных животных были желтоватого и сероватого окраса, под цвет песка и камней. Даже древний красавец жираф... Водные животные, наверное, обладали голубовато- или зеленовато-серой шкурой, как у китов и крокодилов. И все-таки это пока предположения. А вот новая наука — палеобиогеохимия, изучающая органические соединения в отложениях далекого геологического прошлого, поможет нарисовать совсем уж точно и древнего жирафа, и древнего собакомедея, ихтиозавра и всех прочих доисторических зверей.

Текст и фото
В. КОРАБЕЛЬНИКОВА.

Воздействие покровительствующих планет

СОЛНЦЕ — люди, которым покровительствует солнце, хотя бы для всех светом в окошке.

ЛУНА — «подлунники» могут и в футбол гонять, могут и уроки прогулять, а могут и усидчивыми быть.

МАРС — «марсиане» способны за себя постоять.

МЕРКУРИЙ — те, кто «под Меркурием», и к учению способны, и дорогу любят.

ВЕНЕРА — люди, которым покровительствует Венера, скорее пойдут в музей, чем останутся дома у телевизоров.

ЮПИТЕР — помогает смотреть вокруг с уверенностью.

САТУРН — ни за что не даст проспать в школу.

УРАН — под покровительством Урана можно изобрести не только велосипед!

НЕПТУН — заставляет поверить в то, чего нет в самом деле.

ПЛУТОН — ни за что не даст нарушить слово.

КАЛЕНДАРЬ-ЗАКЛАДКА

СЕРИЯ «КОЛЛЕКЦИЯ»

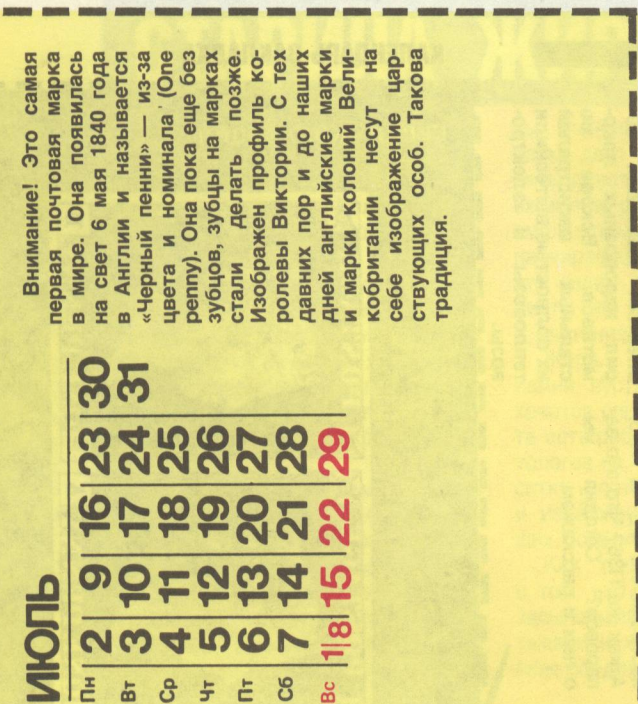

Первый паровоз серии П36 был выпущен Коломенским паровозостроительным заводом в 1950 году. В конструкции колес были впервые применены роликоты подшипники. В результате этого скорость паровоза достигала 125 километров в час. П36 — последняя паровозная серия паровозных локомотивов. Вскоре со стальных магистралей их полностью вытеснили тепловозы и электровазы.

Дорогие друзья!

Нам очень жаль, но в «Календарь-закладку», напечатанную в № 5, закралась ошибка. На рисунке изображен паровоз серии П36, а текст посвящен локомотиву ФДП. Отчасти мы эту ошибку исправили — вы могли увидеть изображение ФДП в № 6. А как же П36? Что это за паровоз? Сегодня мы о нем и расскажем.

КУЗНЕЧИК
СМ

Рисунки Н. ДЕМИДОВОЙ

— Нет, жена, ты совсем неправильно рассказываешь эту сказку,— не согласился Папа.— Она

Внимание! Это самая первая почтовая марка в мире. Она появилась на свет 6 мая 1840 года в Англии и называется «Черный пенни» — из-за цвета и номинала («One penny»). Она пока еще без зубцов, зубцы на марках стали делать позже. Изображен профиль королевы Виктории. С тех давних пор и до наших дней английские марки и марки колоний Великобритании несут на себе изображение царствующей особы. Такова традиция.

Июль	Пн	Вт	Ср	Чт	Пт	Сб	Вс
	2	3	4	5	6	7	18
	9	10	11	12	13	14	15
	16	17	18	19	20	21	22
	23	24	25	26	27	28	29
	30	31					

кончается совсем не так.

— А как же? — поинтересовалась Мама.

— Да так, — пояснил папа. — Когда Цапля хотела съесть Бойкого Цыпленка, тот ответил ей: «Вы, конечно, можете меня съесть, хотя я неуклюжий. Один пух. Надо мне сначала подрасти. А во-вторых, я самый веселый на свете цыпленок. Если вы меня съедите, то как же будете жить без веселья?» Задумалась Цапля. «Может, ты и прав», — говорит и спрашивает: «А что же мне тогда делать?» «А вы доставьте меня домой к Маме и Папе. Я вспрыгну вам на спину, а вы меня и отвезете домой. Это совсем рядом». Так и поступила Цапля. Ну, а Бойкий Цыпленок жив-живехонек по сей день!

Что вы скажете на сей счет?

— Я лучше промолчу, — сказала Мама.

— А мне Папина сказка больше нравится, — сказал Чуи.

— Так что будь, Чуи, находчивым и смелым и никогда не садись на шею родителям, — добавил Папа. — Сам добывай себе пропитание.

Чуи попробовал ноги, прочно ли они стоят на земле, и сделал первый скачок. За ним — второй. Получается.

— Люблю быть самостоятельным! — воскликнул Чуи.

— Это хорошо! — сказал Папа. — Ты должен быть сильным, смелым и храбрым. Это очень пригодится в жизни. Ведь у тебя будет много друзей, но и немало врагов — хитрых, коварных.

— Зачем ты так? — возразила Мама. — Не надо с малых лет портить ребенку настроение.

— Пусть сынок знает правду, — твердо сказал Папа. — Плохая правда лучше хорошей лжи.

Потом добавил:

— Мы с Мамой не очень грамотные люди. Вот подрастешь и узнаешь все о стране вьетов. Но кое-что я скажу тебе уже сейчас. Наша страна очень древняя, и похожа она на две корзины риса. Они как бы висят на коромысле. А коромысло — это узкая полоска земли вдоль моря, соединяющая Красную реку и реку Меконг. Всю жизнь вьеты отвоевывали землю у джунглей, моря, рек и болот. Поэтому они так любят свою землю и берегут ее от врагов. И когда они впервые завоевали свободу, они назвали свою страну Вансуан, или Десять тысяч весен. А потом — Дайнгу, или Великая радость. А еще позже — Дайвьет, или Великий Вьет. Впрочем, ты узнаешь все это сам! А пока знай, что жизнь у нас в стране нелегкая. И, может, моя сказка лучше Маминой...

— Интересно! — воскликнул Чуи.

Он так разошелся, что уже не слышал родителей.

— Ура, я самостоятельный! — кричал он и прыгал по поляне среди пышных трав и ярких цветов.

Так начал он самостоятельную жизнь.

История первая, или Как Чуи узнавал, кто живет вокруг

Чуи был зеленым кузнечиком. И пока он прыгал по зеленой поляне, его никто не мог заметить. Даже бабочки, что порхали вокруг. А Чуи прекрасно их видел — маленьких мотыльков, бабочек чуть побольше и совсем огромных. И вдруг среди них дневной павлиний глаз!

— Привет, бабочки! — крикнул Чуи.

Затрепетали бабочки крыльями, засуетились, смотрят по сторонам, кто их зовет, а никого не видно.

Смешно стало Чуи.

Он еще долго дразнил бабочек, пока не надоело. Прыжок, еще скачок, прыжок и вновь скачок. И вдруг: что это? Впереди стена леса. Пальмы, бамбуки, кустарники, переплетенные лианами.

Настоящие джунгли.

Да, тут не попрыгаешь.

Повернулся Чуи назад, а там тоже жизнь.

Ананасовые деревья.

Жуки-скакуны, жужелицы.

Жуки со страшными рогами и щупальцами, а челюсти у них — глядеть боязно.

И рядом совсем маленькие, безобидные жучки-жучонки.

— Как вас зовут? — обратился к мальчикам Чуи.

— Мы — Карапузики! Карапузики мы! — хором загалдели жучишки.

Один, самый крошечный, поинтересовался:

— А вы кто такой? Великан?

— Я Чуи — самый обыкновенный зеленый кузнечик, — пояснил Чуи.

— Да? — удивились жучки-Карапузики. — Не может быть!

— Как же не может? Ведь это я, — гордо сказал Чуи.

— Тоже мне великан! — возмутился кто-то рядом. — Вот я и вправду большой!

Чуи обернулся и замер.

Прямо перед ним стоял Большой Жук с длинными, вытянутыми вперед клещами-рогами. Клещи зло двигались. Вверх-вниз, вниз-вверх.

— Ох! — вздохнул Чуи. — Вы меня не съедите?

— Я маленьких не трогаю, — сказал Большой Жук. — И вообще обижать слабых не в моих правилах. Ведь я все же не кто-нибудь, а Жук!

— Очень уж вы большой! — почтительно заметил Чуи.

— Да, не маленький, — согласился Большой Жук. — Но есть мухи и побольше меня. Про жуков-носорогов слышали?

— Что вы! Откуда? — воскликнул Чуи.

— Жаль, вы, видимо, плохо знаете жизнь. Эх, молодо-зелено!

И добавил:

— Прощайте! Мне некогда! Дела, дела!

Вокруг по травинкам ползали разноцветные паучки, клещи, какие-то гусеницы, от светло-зеленых до бурых, и длинные-предлинные многоножки.

Чуи не умел еще считать, но тут небось и счетов запутался бы: такое количество ног редко увидишь.

Светило жаркое солнышко, светило ярко-ярко, даже в глазах рябило, но у самой земли было пока прохладно, и из вдруг набежавшей на голубое небо тучки-невелички стал сеяться легонький дождик, и все вокруг окончательно ожило: травинки распрямились, цветы встряхнулись и засверкали всеми красками под каплями влаги, а из земли повывалились, выползли наружу червячки — крошечные и чуть побольше.

Чуи перепрыгнул на новое место, но и там кишели червяки. Они опасливо поглядывали на солнце, извивались на чуть подсыхавшей земле и, словно в испуге, уползали назад в свои норки.

А поле звенело, пело, шуршало, дышало, и Чуи подумал, какое счастье, что он родился в таком прекрасном мире.

«Спасибо Маме и Папе!» — промелькнуло у него в голове, но он тут же забыл про родителей. «Ведь я теперь, — возгордился он, — сам себе голова! Сам! Сам! Сам!»

Он совершил еще два хороших скачка и вдруг заметил большую Стрекозу. Она была даже крупнее Большого Жука, но вовсе не страшная, легкая, прозрачная и какая-то беззащитная.

— Здравствуй, Кузнечик! — сказала приятная Стрекоза.

Чуи, восхищенный красавицей, не знал даже, что сказать.

Потом наконец нашелся:

— Вы такая... Такая...

— Спасибо тебе, милый, за комплимент! — сказала Стрекоза и подлетела поближе к Чуи. — Комплименты — моя слабость.

Помолчав, пояснила:

— Я и впрямь красавица. Это я не сама придумала, а великие люди-поэты. Как ты думаешь, может, они и правы? Но, будем справедливы, на свете много других красивых стрекоз. Нас очень много. Согласен?

— Не знаю, — признался Чуи. — Вы первая стрекоза, которую я увидел.

— Ты молодец, раз говоришь правду. Будь здоров!

И Стрекоза улетела.

Вспомнив про лес, который его пугал, Чуи повернул в сторону.

Перескакивая через высокие травы, он наконец оказался на берегу какой-то огромной реки, на песке, и невзначай запрыгнул на огромное бревно, из которого почему-то пучились два глаза.

Не успел он перевести дух, как бревно вздрогнуло, двинулось к реке и спросило:

— Ты что, впервые видишь крокодила?

Чуи нашелся:

— Впервые, а что?

— Ничего особенного, — сказал Крокодил. —

Просто я больше люблю, когда на меня садятся птицы и чистят мне кожу. Разве ты это можешь?

— Не могу, — признался Чуи.

— Тогда соскочи куда-нибудь в сторону, — предупредил Крокодил, — а мне пора в воду. Договорились?

— Согласен, — сказал Чуи и соскочил с Крокодила.

Крокодил пополз в воду, обернулся назад и произнес:

— Будь здоров, приятель! Пока!

— Копа! — сказал Чуи. Он почему-то сказал «копа» вместо «пока». Может, потому, что еще только учился говорить.

А река и в самом деле была огромная.

Крокодил исчез куда-то, а на поверхности реки сустились крошечные жучки-плавунцы, вода чуть рябила, изредка раздавался всплеск, и жучки то ли пропадали под водой, то ли отскакивали в сторону.

Чуи впервые видел настоящую реку.

И понимал, что в ней идет какая-то своя жизнь.

Но пока этой жизни не видел.

И он замер на песчаном берегу реки.

Слева и справа лежали такие же бревна-крокодилы, как тот, его знакомый. Одни лежали спокойно. Другие вяло вползали в реку. На многих и в самом деле сидели какие-то небольшие птички и чистили крокодиальную кожу.

«Как же называется эта река? — подумал Чуи. — Надо было спросить у Крокодила, а я забыл...»

Не успел он подумать об этом, как его окликнули:

— Ты что, скучаешь?

Перед ним сидел на воде большой Жук-плавунец с зеленовато-черной спиной и желтой каймой по краям.

— Я вовсе не скучаю, а думаю, как называется эта большая река, — пояснил Чуи.

— Неужто не знаешь? — удивился Жук. — Это самая прекрасная река на свете. Когда-то она называлась Большая река, а теперь — Красная. Правда, у нас есть еще одна большая и прекрасная река — Меконг. Девять драконов ее еще называют. Но я лично больше люблю эту. Вода в ней красноватая и очень красивая. Поэтому она и называется Красной. Не хочешь ли прокатиться по ней?

— Про Красную реку и Меконг я слышал от Папы. А прокатиться очень хочу, — сказал Чуи, — но как? Ведь я не умею плавать.

— А ты прыгай ко мне на спину, и поехали, — предложил Жук.

— В самом деле?

— Давай! Давай! — поторопил его Жук.

Чуи сделал легкий скачок и оказался на спине у Жука:

— Поехали!

Жук отчалил от берега, и они понеслись по спокойным водам Красной реки.

Жук-плавунец сказал:

— С реками у нас связано много интересных историй. Не слышал?

— Нет, — признался Чуи.

— Но тогда вот хоть одна, — начал Жук. — Это было давно на реке Батъданг, что значит Белая лиана. Ожидая приближения врагов, вьеты забили в дно реки острые сваи, а потом заманили вражеский флот. Они знали, что скоро начнется отлив воды. И вот он начался, и все вражеские корабли накололись на сваи и уже не могли уйти в море. Вьеты разгромили их. Здорово?

— Здорово! — согласился Чуи.

Правый берег реки порос камышами и тростниками, за которыми чернели джунгли, а левый — мелким кустарником с большими песчаными прогалинами.

То тут, то там над водой кружили огромные птицы.

— Это зимородки, — сказал Жук. — Их еще зовут Ча-рыболовы.

Рыбы, а их было множество, выскакивали из воды или выставляли наружу носы, как бы приветствуя Чуи. Его приветствовали карпы, окуни, сомы и еще какие-то рыбины.

И птицы.

Не только Ча.

С неба и с берегов реки ему слали свои голоса попугаи, вороны, грифы, сойки, фазаны, куропатки, перепелки, стрепеты, бекасы, райские птицы.

А с берегов реки на него смотрели полосатые тигры и могущественные слоны.

А еще антилопы и леопарды, олени и дикие быки, буйволы, кабаны и дикобразы.

Чуи не знал их. Кто есть кто — объяснял ему Жук-плавунец.

Чуи видел их впервые в жизни, но почему-то не пугался.

И когда он услышал от Тигра:

— Будь здоров, дружок! Не бойся меня.

Чуи воскликнул:

— Не боюсь, мой взрослый друг!

Даже когда сразу два слона — Слон и Слониха, а с ними были еще и Слонята, дружно затрубили, глядя в сторону Чуи, он не спасовал.

— Что вы хотите мне сказать? — крикнул он.

И тут слоны ясно и четко сказали:

— Мы разглядели тебя. Ты нам нравишься. Хочешь дружить?

— Хочу! Хочу! — закричал Чуи, но не понял, услышали ли его слоны.

Сколько еще разной живности встретилось Чуи во время плавания!

Кое с кем Чуи перебрасывался словечком.

С другими обменивался кивками.

Были и неожиданные.

Вдруг из воды высунулось огромное блюдо-панцирь со страшной мордой и спросило:

— Ты кто?

— А ты? — в испуге спросил Чуи.
— Сперва ответь мне. Я старше тебя, — заяви-
ло блюдо.

— Я Чуи, кузнечик, — робко сказал Чуи.

— Очень приятно, — сказала тарелка, и глаза
на ее морде подобрели. — А я Золотая черепаха.

Слышал ли ты что-нибудь обо мне?

— Увы, ничего, — признался Чуи.

— Ну и молодежь пошла, — пробурчала Золо-
тая черепаха. Добавила: — Ладно, ладно, ты ма-
ленький. Давай-ка, Жук, причалим к берегу.

Я кое-что расскажу молодому приятелю.

Они подплыли к берегу.

— Ты прыгай на песок, — посоветовала Золотая
черепаха, — а я буду в воде, а то очень жарко.

— Пожалуйста! Пожалуйста! — согласился

Чуи.
— Так вот, я самая-самая старая черепаха, —
сказала новая знакомая Чуи. — Я жила в древние
времена, когда враги без конца грабили нашу зем-
лю. Тогда Государь собрал верных ему людей
и приказал им сделать самострелы — арбалеты.
Сделали люди арбалеты, но они плохо стреляли.
Отказывали спусковые крючки. Призвал Великий
Государь меня на помощь. «Отдай, — говорит, — во
имя спасения родины хоть один коготь, мы сдела-
ем из него настоящий спусковой крючок». Отдала
я коготь, и тут произошло чудо. Сначала один
самострел-арбалет, выстрелив, уничтожил сразу
тысячу врагов. А за ним и все другие стали стре-
лять так же. Выгнали вьеты захватчиков, а Вели-
кий Государь сказал мне: «Раз ты, Золотая чере-
паха, спасла нашу страну, то жить тебе вечно!» Вот
я и живу!

А Жук-плавунец еще добавил к этому:

— А родная сестра нашей Золотой черепахи
Чудесная черепаха живет в городе в озере Возвра-
щенного меча. Это она отняла у Злого правителя
меч, врученный ему Страшным духом. И утопила
его на дне озера и тем самым воцарила мир. И то-
гда благодарные люди сказали ей: «Чудесная че-
репаха! Ты спасла нас от войны, так живи вечно!»
И она тоже стала жить вечно. Правда, она уже
в преклонном возрасте, хотя и моложе Золотой
черепахи на два года...

— Все верно, — согласилась Золотая черепа-
ха, — а теперь продолжайте свое путешествие.
А я пойду на дно реки. Стало жарко. Будьте
здоровы!

Чуи и Жук-плавунец попрощались с Золотой
черепахой и продолжили путешествие по Красной
реке.

Чуи был счастлив.

Первый день его жизни — и какими открытия-
ми он наполнен!

Сколько он повидал, что узнал, и как все это
важно.

А важнее всего что?

Жизнь вокруг прекрасна и удивительна.

Жизнь весела.

Что там Папа говорил о тяжелой жизни?

Значит, все хорошо.

— Спасибо вам, Жук-плавунец, — сказал Чуи,
когда они причалили к берегу. — Я никогда не
забуду этого путешествия.

Жук, высадив его на берег, сказал как бы между
прочим:

— Не стоит благодарностей. Но ты очень юн.
Вот подрастешь и узнаешь: в мире не все так
красиво и прекрасно. Но это потом...

— Да что вы! — воскликнул Чуи.

— Поживешь — увидишь, — мягко сказал Жук-

плавунец.

И вдруг через минуту добавил:

— Когда вступаешь в жизнь полным сил и веры
в справедливость — это чудесно. И я тебе желаю
именно сохранить эту веру!

История вторая, или Немного о Мене — будущем друге Чуи

Взволнованный путешествием по Красной реке,
Чуи спрыгнул на берег.

Еще раз поблагодарил Жука-плавунца.

И вдруг остался один-одинешенек.

Вокруг никого.

Песчаная отмель, за ней рисовое поле.

Еще дальше — кукуруза.

А совсем далеко — какие-то непонятные желто-
ватые поля.

Что это?

Был уже поздний вечер.

Рядом кто-то жужжал и пел, но поди разгляди,
кто там, кто там поет.

Может, насекомые?

А может, невидимые птицы?

Чуи вспомнил дом и Маму с Папой, но сразу
сообразил, — они теперь далеко.

«Нет, — подумал Чуи, — до них мне сейчас не
добраться».

И еще подумал:

«Спать хочется».

И тут же уснул.

И снилась ему во сне Красная река, поездка на
Жуке-плавунце «с ветерком», и он во сне понимал,
как прекрасно жить на свете!

Спал он долго.

Когда проснулся, уже было светло.

— С добрым утром, — сказал сам себе Чуи. —
А ну-ка, встрепенись!

И встрепенулся.

Теперь вокруг все было по-другому.

Чуи почистил мордашку, почистил рот и усики,
перехватил несколько травинки на завтрак и поду-
мал:

«Куда теперь?»

Странно, конечно, но почему-то там, на реке,
Чуи чувствовал себя лучше, чем на берегу.

Вокруг голосили птицы.

Жужжали насекомые.

Все вроде привычно — совсем как тогда, когда
он родился на свет, но нет, что-то было не так.

Там на реке — простор и свежий воздух.

Там на реке был Жук-плавунец, его опекун.

И там все двигалось, торопилось: «Поехали! Да-
вай! С ветерком!»

А здесь все очень уж просто.

Никто не замечал Чуи.

Никто не окликнул его.

Значит, опять сам по себе.

«А может, и хорошо, что я опять сам по себе», —
подумал Чуи и вспомнил слова родителей о само-
стоятельности.

И опять его одолели сомнения:

«А разве я один вылупился из яйца? Наверное,
не один. Значит, должны у меня быть братья
и сестры? Где же они? Почему я их не видел?»

И Чуи надумал идти домой.

Трудно это, конечно, идти домой, когда дороги не
знаешь, но Чуи решил: «Найду дорогу!»

И он скачками выпрыгнул на бугор, затем на поляну.

Поляна, поросшая редкими деревьями, была очень красива.

Даже красивее, чем прежде.

Здесь росли драконье око с плодами в красновато-серой пупырчатой скорлупе и густой кроной, дерево дай с белыми пахучими цветами, хвощ-дереву-захватчик, грецкий орех и рачий хвост, фениксы с оранжевыми цветами и изогнутыми лепестками, коричное дерево, кокосовые пальмы и масса орхидей с белыми цветами и одним побегом-листом.

На деревьях лениво ползали лемуры, в небе мелькали летяги и бесчисленные птицы — райские, длинноклювые хонгхоанги, кхати, а возле небольшого озера — бакланы с длинными крючкообразными клювами, розовые пеликаны хохластые, сероногие, а попугаев было не счесть: золотощекие, красноголовые, сероголовые, красногрудые, длиннохвостые, короткохвостые. А между озером и деревьями важно разгуливали голошеии журавли.

Чуи скакал вперед.

Он видел зверей, птиц, насекомых.

Но он не различал их.

И вот опять перед ним джунгли.

Только не светлые, какие он видел прежде, а темные-претемные.

И деревья здесь росли необычные — железное, камфорное, красное, черное, коричное.

Они были огромных размеров.

А пониже росли кустарники. Ярko сверкали гвоздики.

Конечно, Чуи не мог знать ни деревьев, ни цветов, ни птиц, ни рыб в озере — банановых, нгао, науков, шаншайгов, тхиа, дуск ко, — но он как-то безошибочно определял все, что жило вокруг него. И получалось точно!

И непроходимое лесное царство было переплете-

но лианами.

В джунглях что-то ревело, шумело, пело. Ведь столько живности вокруг!

И хотя все это было вновь необычно и страшно-вато, Чуи чувствовал и какую-то особую прелесть в голосах джунглей. Это были голоса...

Он направился назад, но тут над ним, громко шумя крыльями, что-то пролетело.

Чуи услышал вокруг:

«Какое счастье! Над нами пролетел Добрый Святой Дракон!»

Кто такой дракон, Чуи не знал.

Но раз «добрый» и «святой», то это хорошо.

Не успел он сделать несколько прыжков подальше от джунглей, как вновь услышал:

«Добрый Святой Дракон — наш прародитель!»

Чуи оглянулся.

Неожиданно перед Чуи возникло существо очень ему знакомое: такой же кузнецик, только не зеленый, а коричневый, буроватый, и невзначай спросил его:

— Ты кто?

— Я кузнецик, а ты?

— Я тоже кузнецик, но почему ты зеленый?

— А ты почему бурый? — спросил Чуи.

— Чтоб легче прятаться, — сказал коричневый кузнецик.

— Думаю, я зеленый по той же причине, — объяснил Чуи.

И спросил:

— А как тебя зовут?

— Меня очень просто — Мен. А тебя?

— Меня — Чуи.

— А сколько тебе лет?

— Лет? — удивился Чуи. — Мне всего один день с хвостиком.

— Жаль, — сказал коричневый кузнецик. — Я намного старше тебя. Мне уже пять дней.

— Ну и что? — удивился Чуи. — Пять, один — все равно мало. Давай дружить?

Чуи очень хотелось сейчас с кем-то дружить. В самом деле, не с Жуком же плавунцом ему дружить? Пусть он хороший. И не с рыбами. И не с птицами. И не с тиграми. И не со слонами. Они все очень славные, но Чуи нужен был друг чуть поближе.

— Давай? — повторил Чуи.

— Давай, но сначала я подумаю, — осторожно сказал Мен.

— Я очень жду твоего положительного решения, — признался Чуи.

— А ты сказки знаешь? — спросил Чуи.

— Только одну, — сказал Мен. — Мне родители рассказывали.

— И я только одну, — сказал Чуи, — правда, с двумя концами. Правда, Папин вариант мне больше нравится.

И он рассказал Мену сказку с Папиным концом.

— А теперь давай ты!

— Моя такая, — начал Мен. — Жили-были трое юношей. Им казалось, что они очень талантливые стихотворцы, хотя ни одного стихотворения не написали. Не знали, о чем писать.

Решили — пойдем в пагоду. Там помолимся, и к нам придет вдохновение. Решено — сделано. Поздоровались со стариком-привратником. «Как думаешь, старик, о чем написать стихи?» — спросили. А старик в ответ: «Да писать можно обо всем на свете, лишь бы талант был! Вот хоть об этой жабе...»

Как раз из угла пагоды появилась жаба.

Жаба, как из-под земли,
Появилась из норы, — сочинил один.

Жаба эта из норы,
Где сидела до поры, — сочинил второй.

Жаба от своей норы
Будет прыгать до горы, — сочинил третий.

И все трое, довольные, рассмеялись:

— Вот гениально! Вот талантливо! Бессмертно! Потом спросили у привратника:

— Ну, как?

— Неплохо, — говорит старик, — но ведь таланты живут недолго.

Расстроились юноши.

Говорят:

— На, старик, тебе деньги. Пойди и купи нам три гроба. Как умрут наши таланты, мы их похороним с почестями.

Взял старик деньги и ушел.

Через какое-то время возвращается, несет на спине четыре гроба.

— Зачем ты купил четыре гроба? — спрашиваю юноши. — Ведь мы просили три.

— Дорогие гости, — ответил старик, — я купил четвертый гроб для себя. Это на тот случай, если я умру, глядя на вас.

И после сказки Мена Чуи в самом деле поверил в возможность их дружбы.

История третья, или Первое дальнее путешествие

— Это что? — неожиданно спросил Чуи, когда они оказались на краю большой заболоченной долины.

— Рисовые поля, — объяснил Мен.

Чуи понимал, что это были рисовые поля, но сейчас не рис занимал его, а множество птиц — больших и малых — на этих полях. Таких птиц он не видел на Красной реке.

— Я про птиц тебя хотел спросить, — робко заикнулся он.

— Так бы и сказал, — важно заметил Мен. — Птицы разные: дикие гуси и утки, аисты, чирки, водяные куры, болотные кулики. Это только те,

кого я знаю. Пойдем краем долины, чтобы не промокнуть. Ведь мы с тобой не водоплавающие птицы...

— А ты много знаешь,— сказал Чуи.

— Это мне Старый сом рассказал,— пояснил Мен.

— На Красной реке? — спросил Чуи.

— На Красной,— подтвердил Мен.

— И я там был, а со Старым сомом не разговаривал.

Про Золотую черепаху он почему-то умолчал.

Чуи и Мен скакали по краю долины, среди густых трав и цветов. И только тут Чуи понял, почему Мен коричневый. На голой земле он почти не был виден. Зато зеленый Чуи не был виден в траве.

«Вот как все разумно в природе»,— подумал Чуи.

Мен скакал впереди, как старший.

Чуи — позади, как младший.

Они выскочили на зеленую полянку. Вдруг Чуи увидел: большая пятнистая Ящерица, разинув зубастую пасть, вот-вот прыгнет и проглотит Мена.

— Мен, в сторону! — крикнул Чуи и прыгнул прямо на голову Ящерицы.

Мен отскочил в сторону и оглянулся.

Ящерица была уже далеко, а Чуи смело колотил ее по голове, как в барабан.

Увидев, что Мену уже ничто не грозит, он спрыгнул на землю и поспешил к своему товарищу.

Растерянная Ящерица скрылась в траве.

— А ты — настоящий друг,— сказал Мен.— Спасибо тебе! Спас меня от верной смерти. Теперь я вижу, ты вовсе не младший мой брат, мы оба равны. Давай лапку!

И он благодарно пожал протянутую Чуи переднюю правую лапку.

Впереди была возвышенность.

Оттуда раздавался чуть слышный барабанный бой.

Они направились на звук барабанов и издали

увидели пещеру.

Теперь оттуда ясно доносилась песня.

*Мы Бронзовые барабаны,
Нас враги уничтожали,
Но мы жили, ибо знали,
Мы историю храним.*

*Мы Бронзовые барабаны,
Мы служим стране любимой,
И потому мы непобедимы,
Мы историю храним.*

*Мы Бронзовые барабаны.
Мыждемся мира и света,
Веками мы верили в это,
Мы историю храним.*

— Пойдем,— предложил Чуи.

— Пойдем,— согласился Мен.

— Скорее!

Они подошли к входу в пещеру, заглянули в нее.

В пещере стояли два огромных Бронзовых барабана, украшенные рисунками: яркие воины с самострелами-арбалетами, пешие и конные, разные животные, птицы, рыбы, драконы — розовые, белые, красные, желтые, голубые, зеленые, синие, малиновые, оранжевые.

— Красиво! — сказал Чуи.

— Очень! — согласился Мен.

— Вы что-то сказали? — спросил один из Бронзовых барабанов.

Другой добавил:

— Мы храним историю нашей страны, нашего народа. А вы знаете нашу историю?

— Конечно,— сказал Чуи.— Я знаю, что страна наша называлась Вансуан, а потом Дайнгу, а еще позже Дайвьет... Он вспомнил рассказ Папы.

— Ну какая же это история! — воскликнул

второй Барабан.— Это было совсем недавно, каких-то десяток с лишним веков назад. А до этого при государях Хунг страна вьетов называлась Ванланг. Это было еще до нашей эры. Полчища захватчиков династии Цин не раз нападали на нашу страну, но вьеты громили их. Героическими дочерьми вьетов были сестры Чынг. С ними сражался грозный чужеземец Ма Юань. Он ненавидел все вьетское, даже Бронзовые барабаны. Приказал собрать их, расплавить и из этой бронзы отлить высокий столп — символ покорения страны. Под страхом смерти вьетам было запрещено приближаться к этому столпу. Но вьеты перехитрили грозного Ма Юань. Каждый прохожий бросал к подножию столпа камень, и так постепенно над столпом возникла гора камней. А когда враги ушли, вьеты разобрали гору и опять отлили Бронзовые барабаны. Мы — два из них. И мы зовем народ на борьбу, когда на нас нападают иноземцы, и празднуем победу, когда народ побеждает врагов своих.

— А я еще хочу рассказать вам про смелого мальчика Хунга, — добавил второй Барабан. — Он еще до сестер Чынг поднял людей с помощью Бронзовых барабанов и изгнал захватчиков со своей земли.

— Да, вот вы наследники какой истории! — гордо сказал первый Бронзовый барабан. — Храните ее, как мы храним!

— Клянемся! — сказал Чуи.

— И я клянусь! — согласился Мен.

Они попрощались, спустились вниз, миновали поле, мелкий кустарник, заросли редкого бамбука, еще поле.

— А куда мы теперь направляемся? — поинтересовался Чуи.

— О, я хочу тебя познакомить еще с одним очень интересным семейством. Это семейство Белой Мыши. Правда, я сам не видел их, но весьма слышан. И дорогу знаю точно.

— А это далеко?

— Далековато, — признался Мен, — но, думаю, суют за трою мы доберемся до Белой мыши.

Чуи подумал и предложил:

— А может, попросить кого-нибудь подвезти нас? Ведь мы прыгаем с тобой, к сожалению, очень медленно.

— Пожалуй, это мысль, — согласился Мен. — Ты, оказывается, не только смелый, а и сообразительный кузнецик. Давай для начала попросим вон того Слона.

Одинокый Слон стоял среди кустарников и обмахивал себя пальмовой веткой от назойливой мошкары.

Мен и Чуи приблизились к нему.

— Уважаемый Слон, — сказал Мен, — не подвезете ли вы нас до Голубого озера?

— А вам очень нужно? — поинтересовался Слон.

— Очень, очень, — в один голос заявили Мен и Чуи.

— Что ж, охотно, — согласился Слон. — И мне приятная прогулка. А на озере я заодно искупаюсь. Забирайтесь на спину.

И он протянул кузнецикам хобот.

Мен и Чуи забрались по хоботу на спину Слона и отправились в дорогу.

Дорога до Голубого озера и впрямь оказалась не близкой, да и Слон шел не слишком быстро.

— Хотите, расскажу, — вдруг предложил Слон, — как меня Лягушка надула?

— Хотим! Хотим! — кричали Мен и Чуи.

— Так вот. Однажды встречаю я на пути Лягушку, а она мне человеческим голосом: «Как хорошо, что я вас встретила! Одна Слониха, живущая тут по соседству, очень просила меня пригласить вас в гости на обед». Поверил я, старый дурак, и пошел за Лягушкой. Лягушка долго водила меня по полям и чащам, пока наконец не привела к неширокому, но глубокому озеру. Говорит: «Вот тут живет Слониха, которая пригласила вас на обед. Сейчас я сбегаю за ней». И нырнула в воду. Через минуту-другую появляется и говорит: «Смотрите внимательно в воду и увидите Слониху».

Нагнул я голову к прозрачной воде и, правда, увидел Слониху. Только почему-то она была очень похожа на меня.

Сообразил: надула меня Лягушка, ведь это я свое изображение в воде вижу.

Что делать?

Как наказать Лягушку?

«Лягушка! Лягушка! — говорю. — Заткни мне, пожалуйста, водорослями хобот, чтобы я не захлебнулся!»

Согласилась Лягушка. Взяла пучок водорослей и мне на хобот. Только хотела водорослями закрыть его, а я как дуну. Так и улетела Лягушка неведомо куда. С тех пор, говорят, ее никто не видел.

— Проучили! Смешно! — воскликнули Мен и Чуи.

— Проучил, — согласился Слон. — Только я больше сказки люблю, чем такие истории.

— А вы и сказки знаете? — спросил Чуи.

— Кто же сказок не знает, — заметил Слон. — Я лично люблю больше сказки про людей.

— Расскажите, а-а?! — попросил Чуи.

— Охотно, — согласился Слон. — Вот вам про Колдуна и Злых духов. Итак...

Жил когда-то вместе со своей женой Колдун. Жена спросила однажды Колдуна-мужа:

— Ты боишься Злых духов?

Колдун удивился:

— Нашла о чем спрашивать, глупая! Раз я Колдун, мне Злые духи ни почем!

На этом разговор и кончился.

Но прошло некоторое время, и случилось так, что Колдун поздно вечером возвращается домой с базара. Его жена, решив испытать мужа, спряталась за дверью дома, прихватив с собой горячих углей.

Ничего не подозревая, Колдун подошел к дому, а в руках у него была корзина с провизией: мясо, бананы, вареный рис.

Входит в дом, а перед ним светят красные угольки.

Остановился Колдун и в испуге замер на месте. Зашептал Колдун молитвенно строки:

Духи добрые, о духи добрые!

Десять ли тысяч верст пролетите,

Мне поскорее жить помогите!

А жена, увидев, что Колдун не на шутку перепугался, помахала перед ним углями и бросила их в мужа. Множество мелких искр разлетелось по сторонам.

Бросил Колдун корзинку — и на улицу.

— Духи добрые! — кричит. — Помогите!

— Муж! А ну скорей домой! — кричит жена.

Остановился Колдун, удивился и поплелся домой. Жена на стол накрыла.

Ест Колдун, удивляется:

— Мясо вроде похоже на мясо, рис — на рис,

бананы — на бананы.

— А на что же еще? — смеется жена. — Уж не на Злых ли духов, которых ты перепугался?

И тут Колдун все понял.

Насмеялась над ним жена.

А люди, узнав про эту историю, сочинили стихи:

*Встретив ночью светлячка,
Припустил Колдун, крича:
«Духи дня и духи счастья,
Помогите мне скорей!»
Шляпу, сумку, все оставил,
Думал — гонится сам дьявол.
Дом свой запер на крючок.
Светлячок — какой злодей!*

— А еще! Еще! — попросили Чуи и Мен.

— Что ж, еще так еще, — согласился Слон. — Слушайте!

Жил в прежние времена один богатый человек. Был он очень жаден. И все звали его Жади́на. Все Жадине казалось, что он много тратит денег попусту.

И решил Жади́на взять себе Учителя. Пусть Учитель научит его жить экономнее.

Согласился Учитель.

Говорит Жадине:

— Иди на рынок и купи самую маленькую лепешку для жертвоприношения Богу изобилия и богатства.

При этом настрого наказал не тратить лишних денег.

Принес Жади́на с рынка крошечную лепешку и еще небольшого цыпленка.

Возмутился Учитель:

— А цыпленок зачем? Я же говорил...

Жади́на — в ответ:

— О, Учитель, я все рассчитал. Когда мы принесем часть лепешки в жертву и съедим остальное, у нас останутся крошки. Ими мы накормим цыпленка. Он сразу подрастет и станет большой курицей. Мы продадим эту курицу и получим хорошую прибыль.

Изумленный Учитель сказал:

— Будь по-твоему! Теперь я убедился, что ты скуп более, чем я. Ты скорее можешь обучать меня. Да, быть тебе моим Учителем!

...Прошел час и второй пути, и день как-то ментально превратился в ночь.

На небе засветилась луна, заменив собой солнце. Озеро они увидели уже в бледных блестках лунного света.

— Наконец-то настала вечерняя прохлада, — сказал Слон. — Теперь в самую пору окунуться.

Мен и Чуи поблагодарили Слона.

— Пойду в воду, — сказал он.

— А нам пора передохнуть, — сказал Мен. — Пошли, Чуи, найдем местечко посуше.

Через несколько минут они уже крепко спали и видели хорошие сны.

Проснулись чуть свет и сразу увидели в воде несколько слонов, среди которых уже трудно было отличить их знакомого, и стадо буйволов.

Перекусив на скорую руку, кузнечики стали ждать.

Наконец заметили: один буйвол поднялся из воды и направился к берегу.

Мен бросился к нему:

— Уважаемый Буйвол, не окажете ли нам любезность?

— Пожалуйста, — согласился Буйвол, — но что я должен сделать?

— Довезите, пожалуйста, нас с Чуи до Глубокой пещеры!

— С удовольствием, — сказал Буйвол. — Это хотя и не близко, но там чудесные травы. А я так залежался в озере.

Буйвол опустил на землю длинный хвост с кисточкой на конце.

— Залезайте!

Мен и Чуи тут же оказались на его спине.

— Поехали?

— Поехали!

Буйвол шел быстрее Слона, порой даже бежал мелкой рысью, но все равно путь до Глубокой пещеры занял несколько часов.

Солнце уже вовсю палило над головой.

Было душно, влажно и жарко.

Спина Буйвола вспотела, но он словно не замечал этого.

— А вы в самом деле дикий? — поинтересовался Мен.

— Не совсем, — объяснил Буйвол.

— Как это не совсем? — удивился Чуи.

— Был домашним, а стал диким.

— Как интересно! — воскликнули кузнечики.

— Ничего интересного, скорее трагично, — произнес Буйвол. — Ведь я служил у одного Царя. Это страшно чудовище! Если бы знали, как он мучил нас. Мы работали без сна двадцать четыре часа в сутки, а еды не было почти никакой. И еще чиновники Царя. Они заставляли нас заниматься настоящим грабежом. Мы увозили у жителей страны рис и кукурузу, овощи и фрукты, лес и птицу — и все это шло Царю и его приближенным. Нас ненавидели всюду, и настал час, когда я удрал да еще целое стадо буйволов прихватил с собой. Так мы стали дикими, но зато свободными. И потому счастливы теперь!

Возле Глубокой пещеры Мен и Чуи попрощались с добрым Буйволом.

— Не стоит благодарности, — говорил тот. — Я и сам доволен, что попал в эти сладкие места.

— Что дальше? — спросил Мен Чуи уже как равного.

— А посмотри, кто нас ждет, — сказал Чуи и показал на пень возле входа в пещеру. Около пня сидел, важно развалившись, Гималайский Медведь Панда, забавное существо, вовсе не похожее на обычного мишку.

— Сейчас узнаем, кого он ждет, — пообещал Мен и прыгнул к Панде. — Уважаемый, не нас ли вы ждете?

— Может, и вас, сам не знаю, — признался Панда. — Что-то меня сегодня тоска одолела.

— А не подбросите ли вы нас до Кривого дуба?

— До Кривого? — переспросил Панда. — Высокотовато! Боюсь, не осилю! Вот если до Зеленой поляны?

— Ну, хотя бы до Зеленой, — попросил Мен.

— Это пожалуйста, — согласился Панда. — Авось протрясусь, и настроение улучшится. Милости прошу!

И он растянулся на земле, чтобы кузнечикам было легче забраться на его мохнатую, но блестящую спину.

— Тронулись?

— Тронулись!

— Тогда с Богом! — сказал Панда.

И он медленно побрел вверх по отлогому склону горы. Миновали редкий лесок, впереди росли апельсиновые и мандариновые деревья, а над ними в горах темнели хвойные леса.

Прошло не более часа, как они оказались на

Зеленой поляне, поросшей высокими яркими травами и мелким кустарником.

— А вы здешние или залетные? — поинтересовался Панда.

— А что значит «залетные»? — переспросил Мен.

— Ну, из соседней страны или стран, — пояснил Панда.

— Здешние! Тутешные! — сказали Мен и Чуи. — А вы?

— Я из соседней страны, — объяснил Панда. — Там была жизнь кошмарная, да и тут, оказалось, не лучше. Там нас истребляли, и здесь то же самое. Преследуют, ловят, убивают — податься некуда! Вот и приходится прятаться от этих разбойников, которые страну свою разорили, никому покоя нет...

Мен и Чуи даже не знали, что сказать.

Только вздохнули одновременно.

— Все, — тяжело произнес Панда. — Спасибо вам, что потрясли меня. Вроде я взбодрился.

— Это вам спасибо! Спасибо! Огромное! — наперебой благодарили Мен и Чуи. — Вы нас очень выручили.

Панда побрел с солнцепека в тень, а Мен и Чуи оглянулись по сторонам.

— Теперь кто?

— Что-то никого не видно!

Только они решили, что остались в полном одиночестве, как услышали вокруг странное шипение и шуршание. Левый край поляны кишмя кишел змеями — всех видов и размеров, гадюками, кобрами, толстыми удавами и питонами.

— Лично я к этим гадам обращаться не собираюсь, — решительно заявил Мен. — Пойдем отсюда, а то греха не оберешься.

Они свернули вправо и сразу же столкнулись с куда более приятным существом — Черной пантерой.

— Путешествуем? — поинтересовалась Пантера.

— Путешествуем, — первым откликнулся Чуи.

— И далеко?

— Пока до Кривого дуба, — пояснил Мен.

— Может, подбросить вас? — предложила Пантера. — Мне все равно туда надо по делам.

— Мы будем весьма признательны вам, — обрадовался Мен.

— Прощу! — предложила Пантера. — Только держитесь покрепче, у меня очень скользкая спина. Еще в детстве мама отполировала мне ее своим языком. Но, чур, не царапаться!

— Мы не будем! Ни за что! — пообещали кузнечики.

Но тут Мен и Чуи заметили шрам на спине Пантеры. Шрам был глубокий и длинный, почти во всю спину.

— А что у вас, уважаемая Пантера, за шрам на спине? — спросил Чуи.

— О, это долгая история, — сказала Пантера. — Это память от нашего страшного царя Лыонга. И его подручных. Они гоняли меня по джунглям целую неделю, пока не ранили. Но я спаслась от них и уползла в горы. С тех пор я не спускаюсь в долину... Вы еще не знаете, что такое Лыонг, — пояснила Пантера. — И до него были такие же феодалы, и сейчас — после его смерти — не лучше. Их путь теперь лежал все выше и выше.

Пантера шла легко, словно крадучись, ловко обходила стволы деревьев и валуны, и буквально через полчаса они оказались в роще вечнозеленых дубов у могучего Кривого дерева, которому было не меньше десяти тысяч лет.

— Приехали, — сказала Пантера, взглянув на кузнечиков своими большими янтарными глазами. — И куда же вы теперь?

— Собственно, нам нужно попасть на вершину Человечья голова, — пояснил Мен, — а оттуда уже, пожалуй, проще — вниз.

— Для этого я не гожусь, — призналась Пантера, — да и дела у меня тут, дела. Пожалуй, вам для этого нужен Горный козел. Сейчас мы поищем.

И она издала непонятный громкий крик.

Но никто не откликнулся.

Только послышался где-то топот копыт и грохот падающих камней.

— Вот чудачки, — засмеялась Пантера. — Совсем забыла, что горные козлы боятся меня, хотя я вовсе не собираюсь их трогать. Попробуем по-другому.

— Эй, козлики, рогатенькие! — закричала она. — Поверьте, я не брошусь на вас. Вы нужны не мне, а моим юным друзьям. Они такие маленькие и безобидные, вам не надо бояться. Ну, кто из вас посмелее? Подойди к нам! Клянусь, не трону!

Прошла минута-другая, и из лесной чащи робко вышел могучий Горный козел с сильными, изогнутыми, как ветви Кривого дуба, рогами.

— Вы звали?

Он на всякий случай осторожно держался на расстоянии.

— Спасибо, миленький! — сказала Пантера. — Чтобы не пугать тебя, я немедленно уйду, а ты, уж будь добр, помоги двум бедным крохам — доставь их на вершину Человечья голова!

И Пантера скрылась.

— Мы можем, — сказал Козел, — это нам пару пустяков. Прощу! Не про вас ли говорят, что вы кузнечики своего счастья?

— Может быть, — неопределенно сказал Мен.

— Я не знаю, — признался Чуи.

— Мне говорил кто-то из знающих, — пояснил Горный козел, — но я что-то не очень верю. Я думаю, что счастье — это когда все вместе, а когда все врозь, о каком счастье разговор? Да вы садитесь! Садитесь!

Мен и Чуи забрались на спину Козла.

— За рога держитесь! — посоветовал тот. — Итак, в путь.

Они поднимались все выше и выше. Мельчал лес. Пошли сплошные скалы, меж ними расщелины и пропасти. Но Козел держался уверенно. Каждый прыжок рассчитан.

Все тяжелее становилось дышать.

Мен и Чуи глубже вдыхали воздух, а Козел как ни в чем не бывало дышал мерно и спокойно.

— Ну, вот вам и Человечья голова, — наконец сказал он. — Выше ее здесь в округе места нет.

Кузнечики никогда не видели человека и потому не понимали, откуда взялось название этой вершины.

— Спасибо вам, уважаемый! — сказал Мен. — Вам здесь, наверное, хорошо, а мы что-то задыхаемся.

— Привычка, она вырабатывалась годами. Счастливого вам пути!

И Горный козел остался стоять в гордом одиночестве на самой вершине.

— А мы с тобой скорей туда, — сказал Мен. — Под горку скакать проще. Давай, Чуи, не отставай!

И они поскакали вниз.

Вот пока и все... А что было дальше, вы узнаете из книги, которая выйдет в издательстве «Детская литература».

«Я не знаю, что мне делать. Мне предложил дружбу один мальчик. Я отказалась, а он сказал, что он добьется своего и я буду с ним дружить.»

Юля, 14 лет».

«Я не могу без него жить, не могу. Я хожу в школу лишь для того, чтобы увидеть его. Он меня не замечает. А я всеми способами хочу завладеть им. Но ничего не выходит.»

Наташа, 13 лет».

А я не могу молчать по поводу этих и подобных писем и не знаю в то же время, что по их поводу сказать. То есть знать-то знаю, да боюсь: поймут ли меня тринадцатилетние люди, которые используют все средства, чтобы завладеть любимым человеком.

И все-таки объясниться надо.

Те, кто хоть один раз слушал оперу Бизе «Кармен», конечно, запомнили: «Любовь свободна, мир чарует, законов всех она сильнее. Меня не любишь, но люблю я — так берегись любви моей». Чем дело в опере кончилось, тоже, наверное, все помнят: герой, поняв, что Кармен любит другого, убивает ее. Так вот, и эта оперная любовь, и ваша, уважаемые товарищи, страсть к «завладению любимым» не любовь.

А что? Скорее всего, чувство соблазна. Я хочу завладеть любимым человеком точно так же, как я хочу завладеть какой-нибудь престижной вещью: джинсами, плеером, кроссовками-адидасами... Любимый человек превращается в вещь, и именно в престижную. В такую, которой можно было бы похвастаться перед друзьями, вызвать зависть у подруг.

Признайтесь честно сами себе: очень часто хочется иметь «друга», «подругу», «любимого человека» именно для того, чтобы поднять свой престиж среди сверстников, показать, что ты взрослей их, утвердиться. В таких случаях некоторые граждане согласны и попритворяться. Вот как в этом случае: «Мне нравится одна из моих одно-

классниц. И вот я предложил ей дружбу. Она не отказалась, и я начал за ней «ухаживать». Мы ходили в кино, я угощал ее шоколадом, мороженым, и вроде бы все было хорошо. Но вдруг я узнаю, что в разговоре с подругами она сказала, что я ей надоел. Представляете мое изумление! Я даже не разозлился на нее. Просто я не могу понять: зачем она меня обманывала? Я бы мог понять, если б она мне сразу отказала, ведь настолько мил не будешь. Виталий».

Да-да, вот что стоит все время помнить: насильно мил не будешь. И еще: с человеком нельзя обращаться как с вещью, даже с самой любимой.

Кстати, не кажется ли вам, что мы все время путаемся в словах? Мы говорим «Любовь, любимый, любить» — и о еде («Я люблю борщ»), и о тряпках («Я люблю джинсы»), и о людях («Я люблю Валу»). А когда мы говорим одинаковые слова о разном, то в конце концов это разное превращается в нашем уме во что-то похожее друг на друга. И мы начинаем не только произносить одинаковые слова, но и испытывать одинаковые чувства и к борщу и к Вале. Но если человек, который любит борщ, стремится скорее съесть его, то что делает человек, любящий Валу? Неужели тоже стремится скорее его съесть?

Настоящая человеческая любовь стремится, чтобы было прежде всего хорошо любимому. А если человек стремится, чтобы прежде всего было

хорошо ему самому, это не любовь.

Принуждать к любви невозможно. Любовь действительно свободна. Но вовсе не в том смысле, что сегодня я люблю одного, завтра другого.

Любовь нисходит на меня лишь тогда, когда я, забывая о собственных выгодах и расчетах, делаю добро людям, когда, не ожидая благодарности, радуюсь их радостью и печалюсь их печалью. Тогда люди начинают отвечать мне тем же, и наконец среди любимого мной и любящего меня человечества я нахожу одного, самого близкого по духу и сердцу, — Любимого.

И этого обретенного Любимого я буду любить без выгод и расчетов, радуясь его радостям и печалюсь его печалью. Я буду любить его не за то, что он красив (наоборот, он станет красив, потому что я люблю его), не потому что он умен (наоборот, он станет умен, потому что я люблю его). Я буду любить его потому, что это — он, любить таким, каков он есть, принимать со всеми достоинствами и недостатками и желать одного: чтобы ему было хорошо. Лучше, если ему будет хорошо со мной. Но если — без меня, что ж...

Вы, тринадцатилетние, думаете, наверное, не так. Что же, давайте подумаем вместе. А так как письма, которые я цитировала вначале, пришли в почте «Чести», то и теперь ставьте, пожалуйста, на конвертах «ЧЕСТЬ».

С уважением
Елена СЕЛЕЗНЕВА.

Рекордсмен или чемпион?

Бег полон неожиданностей. В соревнованиях на скорость, в спринте, например, не обязательно побеждает самый быстрый бегун.

— А какой же? — удивится читатель.

Об этом и пойдет у нас речь. Но прежде небольшое отступление, которое начнем с вопроса: что почетнее — быть олимпийским чемпионом или рекордсменом мира?

Новички в спорте высказываются в пользу либо того, либо другого титула. Знатоки же единодушны: конечно, звание олимпийского чемпиона почетнее. Объясняется это тем, что рекорды нередко ставятся при особо благоприятных обстоятельствах (хорошая погода, попутный ветер, отличная беговая дорожка, приподнятое настроение бегуна). На Олимпийских же играх сильнейшие спортсмены мира находятся в равных условиях, встречаются лицом к лицу в очном споре и доказывают, кто из них действительно лучший. Победить в такой ситуации, то есть стать чемпионом, гораздо труднее, чем установить рекорд. Отсюда и больший почет.

Кстати, именно на чемпионатах, в очных поединках сильнейших выясняется, что одной скорости для победы мало...

«Беспокойные» проигрывают

В послевоенные годы на международную арену вышли спортсмены Страны Советов. Впитав лучшее, что было накоплено отечественной и зарубежными спортивными школами, наши бегуны вступили в борьбу с сильнейшими атлетами мира. Но, как известно, «идя по следу, не обгонишь». Советские спортсмены и тренеры стали искать новые пути к победам. Одно из наиболее перспективных направлений поиска было связано с изучением свойств нервной системы бегунов и их психикой. И тут оказалось, что это новейшее направление опирается на законы, испокон веков существовавшие и хорошо известные в животном царстве.

В связи с этим, думаю, читателям интересно будет познакомиться с наблюдениями выдающегося русского физиолога, ака-

ФОРМУЛА БЕГА

ВЫПУСК ЧЕТВЕРТЫЙ

демика А. А. Ухтомского за повадками животных и свойствами их нервной системы. Так, сравнивая поведение пескаря и щуки, он обратил внимание на то, что пескарь находится в постоянном движении: реагирует на каждый шорох, пугается и вздрагивает при малейшей опасности. Щука же спокойно стоит на месте, «не растрчиваясь на мелочи». Но при необходимости неповоротливая, медлительная щука делает молниеносный, мощный бросок, на который суетливый пескарь, увы, не способен... Расслабленность и вялость свойственны также лвам, которые обычно спят по 16 часов в сутки, но в несколько прыжков настигают «трепетную лань». Сонливостью, медлительностью славятся и крокодилы, бросок которых на мельтающую перед носом добычу не отвлечет.

Таким образом, «беспокойные» животные проигрывают на спринтерских дистанциях своим более «выдержанным» преследователям. Связано это, в частности, с тем, что у жертв слабая, высокочувствительная нервная система. Она заставляет животных реагировать движениями буквально «на все» и в конечном счете не оставляет у них резервов на решающий для сохранения жизни рывок. У нападающих же, наоборот, нервная система сильная, низкочувствительная, помехоустойчивая. Она способна накапливать огромный двигательный потенциал и весь его реализовывать в мгновенном, мощном движении.

Как из «щуки» не стать «пескарем»

Существование связи между свойствами нервной системы различных животных и их спринтерскими качествами наводило ученых на мысль поискать

аналогичные закономерности у спортсменов. Приступили к исследованию бегунов и буквально ахнули от удивления. Оказалось, например, что по свойствам нервной системы некоторые атлеты похожи на... пескарей или кроликов, другие — на щук или львов. Причем лучшие спринтеры мира оказались именно щучьего или львиного типа.

Казалось бы, полный успех, отбирай желающих бегать мальчишек и девочек с сильной, низкочувствительной, помехоустойчивой нервной системой, тренируй их — и чемпионские лавры обеспечены. Но в жизни все оказалось не так просто. Человек — очень сложное существо. Неприятности и конфликты, утомление и переживания способны вызывать глубочайшие изменения в психическом состоянии, и тогда... И тогда в повадках «щуки» наблюдаются черты «пескаря», «лев» приобретает сходство с «ланью», а самый быстрый проигрывает решающий старт соперникам.

Выходит, для победы важны не только природные скоростные качества, но и умение не расплескать в житейских и спортивных бурях нервный потенциал — его снижение равносильно потере скорости. Таким образом, в споре сильнейших выигрывает тот, у кого выше психическая устойчивость, кто превосходит соперников в спокойствии, хладнокровии, воле к победе. Эти задачи решает система психологической подготовки, разработанная советскими специалистами. Одним из ярких примеров действенности такой подготовки могут служить великолепные победы на Олимпиаде 1972 года в Мюнхене нашего бегуна Валерия Борзова, завоевавшего золотые медали на дистанциях 100 и 200 метров.

Победы до старта

Казалось, на Олимпийских играх в Мюнхене у Валерия Борзова не было никаких шансов победить. Тренерам, знатокам спорта, журналистам было известно, что у него средние для спринтера физические данные и, кроме того, не самая высокая среди соперников абсолютная скорость бега. Но все это имело значение лишь до тех пор, пока спортсмены не встречались в очном поединке. А там вопреки всем прогнозам неизменно побеждал Борзов.

Причина этого феномена заключалась в высочайшем психологическом настрое советского атлета, его спокойствию, готовности к борьбе, уверенности в победе. У окружающих возникало ощущение какой-то огромной внутренней силы, заложенной в этом человеке, его способности, если надо, совершить невозможное. И соперники в его присутствии как-то тускнели, снижали, заранее готовили себя к борьбе за второе и более далекие места. А первое — первое без боя отдавали ему. Такова была психологическая мощь Борзова. По признанию многих сильнейших атлетов мира, Бор-

зов выигрывал у них еще до выхода на старт.

Физкульт-практикум

(Только для тех, кто хочет бегать ХОРОШО)

I. Психологическая подготовка нужна не только спортсменам. Она очень выручает, когда человек попадает в особо сложные, так называемые экстремальные ситуации. Поэтому ею занимаются летчики-испытатели и космонавты, альпинисты и участники полярных экспедиций. Надеюсь, и тебе, независимо от твоих спортивных

планов, она пригодится, так как воспитывает силу воли и умение владеть собой, помогает преодолевать волнение и чувство страха, сохранять спокойствие и не теряться в трудные минуты.

Психологическая подготовка многообразна и проводится специалистами. Однако при желании каждый может с пользой для себя овладеть ее элементами, среди которых важное место занимает бег. Итак:

а) Регулярно в любую погоду проводи тренировки в беге по рекомендуемому в «Пионере» плану.

б) Регулярно старайся принимать участие в соревнованиях по бегу (в школе, пионерлагере, районе, городе) и настойчиво борись в них за победу.

в) Регулярно занимайся ауто-тренингом по одной из систем, описание которых ты можешь найти в книгах или научно-популярных журналах.

г) При занятиях любым делом (чтение, учеба, физическая работа, тренировка) старайся сосредоточиться на нем, не отвлекаться и выполнять его как можно лучше.

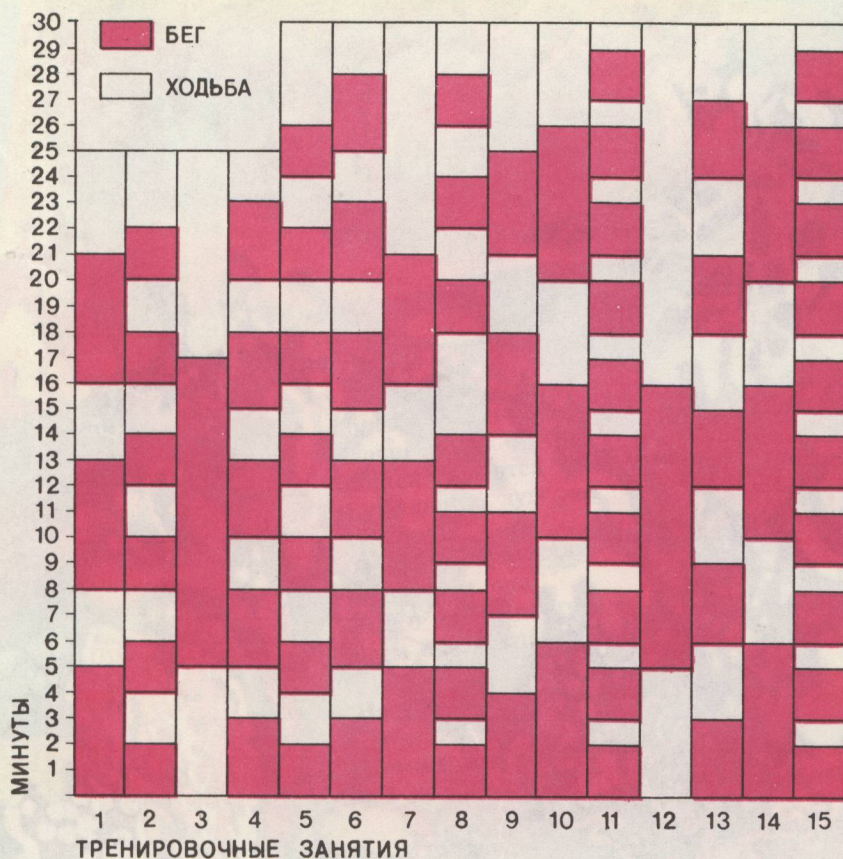
Все вместе и будет первым шагом твоей психологической подготовки.

II. Продолжаем тренировки в медленном беге, для чего предлагается программа № 2 (см. рис. в конце). Каждый столбик — тренировка. Проводить их лучше 2—3 раза в неделю после разминки. Ходьба, как и в первой программе, должна быть быстрой, а бег — неторопливый, расслабленный, свободный.

Если с какого-то занятия тебе стало трудно, вернись на несколько тренировок назад и снова постепенно наращивай нагрузку. Если справишься со всеми пятнадцатью занятиями, повтори последние пять 2—3 раза.

III. Помимо медленного бега, продолжай тренировки в быстром темпе один раз в неделю (на стадионе) на отрезках от 50 до 200 метров. Всего достаточно 8—10 стартов за тренировку. Интервалы отдыха между стартами — 3—5 минут.

IV. Для контроля за эффективностью тренировок и динамикой твоей физической формы раз в месяц проводи на стадионе старты в полную силу на дистанциях 60 и 1500 метров с фиксацией результатов по секундомеру. Результаты обязательно заноси в дневник.

Олег ФРАГИН живет в Курске, учится в школе № 32, перешел в седьмой класс.

У Олега много стихотворений о природе. Удивительно: для него все вокруг — живое, будь то дерево, дождик или даже огромный земной шар. Он не просто любит их красотой, но и тревожится за их судьбу. Наверное, его стихи особенно понравятся юным экологам и всем тем, кто сочувствует «зеленым».

Земля в опасности

Ручьи гремят, ручьи шумят,
Под солнцем лужицы блестят.

Капель играет, как кларнет.
Уже местами снега нет.

И луч, как зеркало, блестит,
В воде прозрачной лес стоит.

Но из трубы соседней дым
Плывет под небом голубым.

Дышать становится трудней,
А дым коптит еще сильнее!

И на Земле так много труб,
Что задохнется даже дуб.

И если дальше так пойдет —
С Земли исчезнет весь народ
И вся природа пропадет...
Спасай же шар земной, народ!

Река

Лентой изумрудной
Вдаль течет река.
Вся горит под солнцем,
Но уже мелка.

Раньше в этом месте
Плыли корабли,
А теперь и лодка
Сядет на мели.

Скоро речка высохнет,
Зарастет травой.
Обыватель молча
Лишь махнет рукой.

Слепой дождь

Капроновые нити дождевые
Протянуты меж небом и землей.
Стучат в окошко капли золотые —
Решили побеседовать со мной.

«КОМПОЗИЦИЯ», «ЦВЕТЫ».
Рисунки ВЛАДИМИРОВА Андрея, 9 лет.

Яблоня

Яблоня цветущая,
Словно вся в снегу,
Одиноко высится
На большом лугу.

Стройная, пушистая,
Выше всех она.
Много света, воздуха —
Всем она видна.

Но всегда печальная,
Грустная она,
Потому что век свой —
На лугу одна.

Клен

Дождь идет холодный, нудный.
Я на клен в окно смотрю...
Он всей кроной изумрудной
Наклонился к фонарю.

Будто просит:

— Дай мне света,
Хоть на несколько минут!
Заслонила туча солнце,
И потерял мой уют.

Осенняя ночь

Ночь стоит октябрьская.
Тишина.
Серебро лучистое
Льет луна.
Птицы не поют уже:
Холода.
Лай собак бездомных лишь
Иногда.

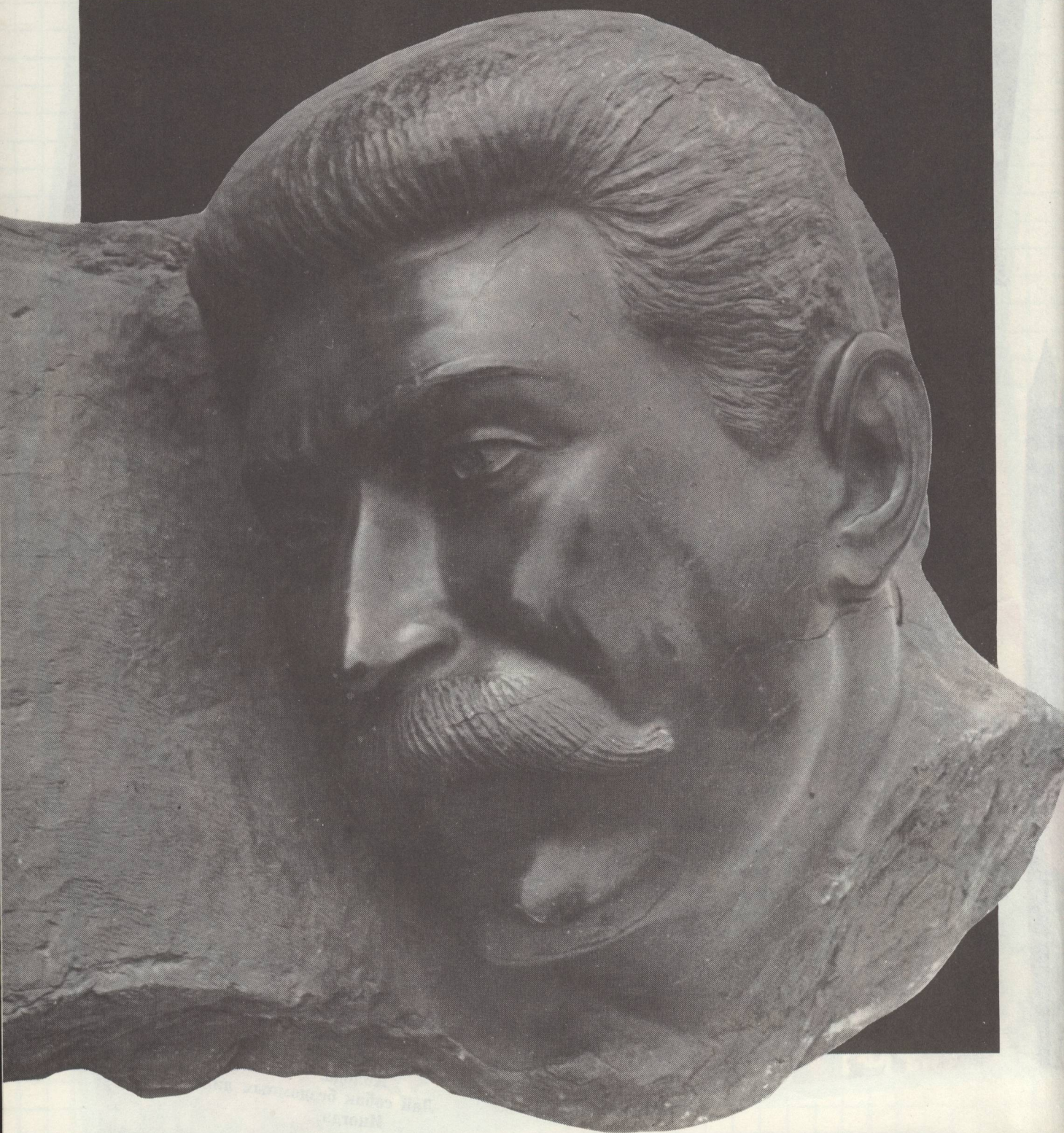

РАЗГОВОР В КОНЦЕ НОМЕРА

Н

Станислав
РОМАНОВСКИЙ

**Е СОТВОРИ
СЕБЕ КУМИРА**

«Не сотвори себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли, не поклоняйся им и не служи им».

Я не изменил порядка слов, не тронул ни одной запятой, только разделил библейский текст на стихотворные строки, чтобы вы, ребята, услышали музыку древнего слога.

Дело в том, что старинные тексты — и наше «Слово о полку Игореве» — стихи, хотя и названы прозой. В древности они пелись или читались нараспев.

Теперь вчитаемся в заповедь.

Кто он, чье изображение или изваяние, то есть кумир, нельзя создавать и тем более служить и поклоняться ему?

Библия не называет «его» по имени, а только обозначает место пребывания этого существа: небо, земля, вода.

«Им» могут быть и грозные или непонятные явления природы, растения и животные.

Может «им» быть и человек.

В те далекие времена многие гигантские животные еще не были уничтожены человеком, человек еще уважал природу и боялся ее.

Еще бы не бояться: наводнения или потопа, бури, засухи, землетрясения, извержения вулканов, солнечные затмения.

Как предотвратить все это? Кого убажить?

Страх породил кумиров и поклонение им.

В Африке, как богам, поклонялись крокодилам, убажая, поили подогретым вином и отдавали людей на съедение.

В раскаленную пасть металлического Молоха жители Средиземноморья бросали живых людей и животных, чтобы задобрить темные силы природы.

Страх же породил обожествление завоевателей и тиранов. Во все века — от Древнего Египта и до наших дней — их сравнивали с Солнцем.

Порой сравнение с Солнцем казалось недостаточным, и тогда...

Что тогда?

А вот что.

Придворные падали ниц перед тронем Чингисхана и хором просили:

— Владыко! Повели взойти Солнцу. Только ты можешь это сделать.

Хан поглядывал на восток и, когда показывалась солнечная макушка, провозглашал:

— Повелеваю: светило, взойди!

Поднималось Солнце, и хор со слезами радости славил хана.

Хан умер, могила его затерялась, а Солнце продолжает всходить и заходить и не подозревает о том, что и сегодня с ним сравнивают очередного хана — не в этой, так в другой стране.

С Солнцем сравнивали Сталина.

...В библейской заповеди не говорится, почему не следует поклоняться кумиру: подразумевается, что поклонение неминуемо приведет к несчастьям. Вы, ребята, прекрасно знаете, к каким немыслимым жертвам привел культ Сталина, который «своих двойников — истуканов из меди и гипса — рассылал по большой терпеливой стране».

Иные из этих скульптур — воплощение физической и духовной мощи! — были больше самых больших изваяний древности, а прототипом их был маленький мстительный человек, страдающий манией величия и преследования.

«Не сотвори себе кумира и никакого изображения...»

В некоторых религиях эти слова поняты буквально: в них запрещено изображение богов и людей. Между тем заповедь запрещает только такие — приукрашенные! — изображения, которые рассчитаны на раболепное поклонение:

«не поклоняйся им и не служи им».

А что касается изображений правдивых, то заповедь их не запрещает.

Неужели в нашей стране не было художника, который бы при жизни Сталина изобразил его правдиво — не бронзовым гигантом, а таким, какой он есть?

Были такие художники.

И не один.

Вот портрет вождя, выполненный великим скульптором

Эрзэем (Степаном Дмитриевичем Нефедовым; годы жизни: 1876—1959).

Голова изваяна из темно-коричневого, крепкого, как железо, аргентинского дерева кебраччо. Кебраччо в переводе с испанского «ломая топор».

Низкий лоб. Тяжелые надбровья. Глаза подернуты смертной пеленой (Эрзэя закончил портрет после смерти Сталина). Во всем облике и глазах — жестокость, страх, мольба о помощи и угроза-обещание: «Я, быть может, еще приду!..»

Эрзэя сотворил не кумира, а правду.

Кумир порождает раболепие и страх.

Правда — человеческое достоинство и великодушие.

...Слышу голос юного читателя:

— Молохи, ханы, вожди — все это далеко от нас. За тридевять земель! Нас это не касается.

То есть как?!

Ханы и вожди не так уж и далеко от нас. Они причинили страшные бедствия нашему народу; стремление к сотворению кумиров остается всегда, и вы, граждане СССР, должны помнить об этом и не допустить сотворения нового кумира.

Иногда кумиры приходят совсем не оттуда, откуда их ждут.

Я был свидетелем повального безумия, когда толпа с белыми от возбуждения глазами разнесла застекленный вестибюль, чтобы попасть на концерт модной певицы. Были и жертвы, и понадобилось вмешательство воинских частей, чтобы прекратилась эта вспышка массового поклонения и сумасшествия.

Великий ученый-психиатр Владимир Михайлович Бехтерев (годы жизни: 1857—1927) предупреждал о том, что внушение в толпе усиливается. Когда над людьми вознесен кумир — вождь, бард, рок-ансамбль и так далее, — люди превращаются в стадо, становятся агрессивными и теряют человеческий облик.

Есть верное средство против стадности: постоянное приобщение к культуре истинной.

Молодой человек, который открыл для себя сладость общения с книгой и природой, счастье верной дружбы, в стадо не пойдет.

ДЕПУТАТАМ 2000 ГОДА

По данным Минздрава СССР, у нас в стране 114 тысяч детей, больных церебральным параличом. 12,4 тысячи из них — школьники.

На начало 1989 года среди школьников страны было 408,8 тыс. умственно отсталых детей, 7,7 тыс. слепых, 16,5 тыс. слабовидящих, 28,3 тыс. глухих, 19,5 тыс. слабослышащих...

И десятая часть детей, больных параличом, не обеспечена инвалидными колясками. К тому же наша промышленность выпускает коляски слишком тяжелые для детей и непрочные.

В стране нет ни одного стадиона, спортивного комплекса,

оборудованного так, чтобы там могли заниматься спортом инвалиды.

У нас нет специальных учебников для умственно отсталых детей школьного возраста, и никто пока не работает над их созданием.

НАЙТИ ВЫХОД

Учитель литературы 1079-й московской школы, заядлый походец Игорь Евгеньевич БУЛГАКОВ продолжает давать советы тем, кто попал в передрыгу в лесу.

КАК НЕ УСТАТЬ ПРИ ДОЛГОЙ ХОДЬБЕ

Старайся шагать ритмично. Неровный шаг выматывает.

Дыши ровно и носом: два шага — вдох, два шага — выдох. Будешь дышать ртом — быстро устанешь.

После каждого часа ходьбы 15 минут отдыхай.

Не торопись, когда видишь, что финиш близко, в любом случае ты придешь, куда надо.

КАК РАЗВЕСТИ КОСТЕР?

Обломай нижние ветки у любых хвойных деревьев. Они всегда сухие, даже после сильного дождя. Ветки собери в большой пучок и подожги. Такого костра хватит на час, чтобы согреть чай и обсушиться.

Если нужен костер на всю ночь, найди три сухих хвойных бревна. Два бревна подкати друг к другу, между ними разведи костер из сухих веток, а третье бревно положи сверху и вдоль. Это таежный костер. Никакой ветер его не задует.

А КАК СОГРЕТЬСЯ БЕЗ ОГНЯ?

Если вы вдвоем, станьте лицом друг к другу, вытяните руки и прижмитесь ладошками. А теперь изобразите руками «велосипед».

И ВСЕ-ТАКИ К ЛЮБОМУ ПОХОДУ НАДО ГОТОВИТЬСЯ. ЧЕМ ЛУЧШЕ ТЫ БУДЕШЬ ГОТОВ К НЕПРИЯТНЫМ СИТУАЦИЯМ, ТЕМ БОЛЬШЕ У ТЕБЯ ШАНСОВ ВЫЖИТЬ.

Фотография А. КРУПНИКОВА. Раздел ведет А. МУХАНОВ.

Богаче ли мы становимся от того, что забываем? Станный вопрос, скажете вы. Конечно же, беднее. Верно, беднее. А ведь совсем недавно многие думали иначе. Сколько всего мы из-за этого утратили, думая, что потеря традиций и забвение старого есть путь к новому, светлому и т.д.?! Взгляните кругом. Ну сколько можно видеть разрушение усадеб, монастыри в руинах, церкви без куполов, оскверненные кладбища и выкорчеванные из земли памятники? Ведь это на каждом шагу. Можно ли так жить? Нет, нельзя! Надо спасать то, что завещано нам и так легко разбазарено.

Мы хотим познакомить вас с человеком, которого вполне можно назвать хранителем народного богатства. Зовут его Владимир Робертович АНИЩЕНКОВ. Рассказ его о народных промыслах — крестьянских центрах, где изготавливались с незапамятных времен (да и теперь кое-где изготавливаются, правда, на утеху иностранным туристам) игрушки, посуда, ткани, утварь разная и много всяких других необходимых в быту вещей. И не простых, а расписных и самобытных.

Первый рассказ о дымковской игрушке.

В. АНИЩЕНКОВ

ДЫМКОВСКАЯ СВИСТУНЬЯ

С давних пор в холодных северных землях на реке Вятке встречали весну долгожданную веселым праздником «Свистунья». В честь древнего славянского бога Ярилы — весеннего света и тепла, — удалые были игрища. А в пору христианскую праздник пробуждения природы слился с праздником во Имя Творца неба и земли.

К празднику сему лепили игрушек-свистулек превеликое множество. Долгожданная весна много радости несла, и радости этой предчувствие в игрушке воплощалось. Словно цвет весенний ярка и красочна вятская игрушка. И в праздник как запойот, засвистят игрушки на разные голоса переливчатые, и призывные ребячьи песни зазвучат. «Весна, Весна Красная! Приди, Весна, с радостью, со великою милостью! — начинают в хороводах, а потом продолжают: — Благослови, мати, Весну закликати, Зиму провожати...»

И так задорно и весело поет свистулька, так мило сердцу весеннее воскрешение, что ноги сами в пляс пускаются. И пошла свистопляска! Веселятся от души во всю

ширь раздольного своего характера. А когда утомятся, то игрушки на самые видные почетные места установят, чтобы не покидал праздник человека весь год. Словно радуга воцарится в доме. Расписные кони в яблоках, птицы-павы и жар-птицы, медведи могучие и львы рыкучие, brave офицеры и прекрасные барышни. Узорами игрушки наряжены яркими, сочными, все больше в горошек, а то в полоску либо в клетку. Слеплены по всем скульптурным правилам, с какой стороны ни взгляни — красивы, глаз не оторвать. Откуда же пришли сюда эти красоты? А пришли они не из дальних стран, а из давних времен.

Тысячи, тысячи лет хоронились в земле первые игрушки. Да и то сказать, игрушками-то они в нашем понимании и не были, а были это самодельные боги, олицетворенные силы неведомые, коим поклонялись и коих старались задобрить. Даже погремушки и те не были просто развлечением младенца, ими отгоняли духов злых. Тому же служили и свистульки. Славянские игрушки дожили до наших дней в курганах — высоких насыпных могильниках. Со времени Святой Руси лежат игрушки в землях киевских и псковских, новгородских и старолadoжских...

В старину любая вещь, любой узор и даже цвет имели свой особый сокровенный смысл. Ничто не делалось бессмысленно. И каждый новый мастер, мастерица передавали знание и умение сыну, дочери и далее внукам. Так создавалась традиция, что значит передача. Народное искусство на том стоит. Традиция — его основа, его душа.

Но почему наши свистульки и игрушки называются «дымковскими»?

Стоял на реке Вятке город с таким же названием¹, а в нем — Дымковская слобода, здесь и родились игрушки.

¹ Нынешнее название города — Киров.

Окончание на IV обл.

Главный редактор А. С. МОРОЗ.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Т. А. ГАЙДАР, А. В. ДРУЯНОВА (редактор отдела внутренней жизни страны), В. К. ЖЕЛЕЗНИКОВ, В. И. ИВАНОВ, В. В. КОЖЕМЯКИН (редактор отдела литературы и искусства), В. П. КРАПИВИН, М. В. МАТВЕЕВА (редактор отдела коммунистического воспитания), С. В. МИХАЛКОВ, В. И. ПОРУДОМИНСКИЙ, В. Л. РАЗУМНЕВИЧ, Е. В. СЕЛЕЗНЕВА (ответственный секретарь), Р. С. СЕФ, Л. Н. ТИМОФЕЕВА, Ю. М. ЧИЧКОВ, Ю. Ф. ЯРМЫШ.

Главный художник И. Г. ПАНКОВ.
Художник И. В. КЛИМОВ.

ЧИТАЙ
В АВГУСТЕ:
окончание
повести
Н. Федорова
«Тучков мост»,
фрагменты
из книги
С. Алексеева
об Иване Грозном,
условия викторины
«Современная
карта».

Сдано в набор 04.05.90.
Подписано к печати 22.05.90. А 00298.
Формат 60×84½. Бумага офсетная.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,44.
Усл. кр.-отт. 31,16. Учетно-изд. л. 9,00.
Тираж 1 820 000 экз. Заказ № 2297.
Цена 30 коп.

Адрес для писем: 101459, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.
Телефон 212-14-17.

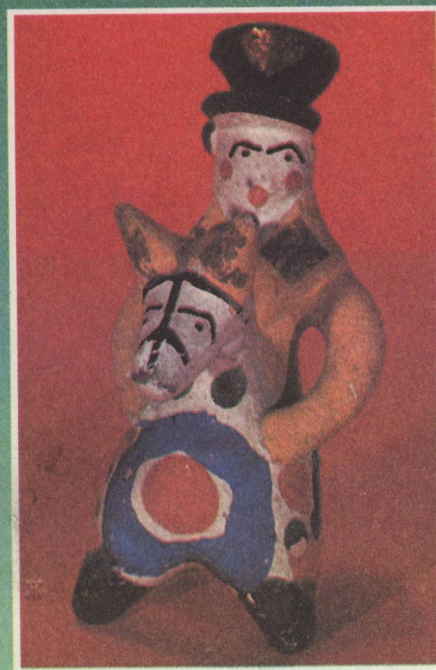
Ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, Москва, А-137, ГСП,
ул. «Правды», 24.

Внимание взрослых авторов!
Редакция рукописи не рецензирует,
а только сообщает решение.

Рукописи объемом свыше трех авторских листов (70 страниц машинописного текста) к рассмотрению не принимаются. Рукописные материалы объемом до одного авторского листа (25 страниц машинописного текста), рисунки и фотографии не возвращаются.

Жалобы на полиграфический брак, замечания по типографскому исполнению отдельных номеров журнала следует направлять по адресу типографии.

Начало на III обл.

Сегодня дымковскую игрушку лепят, как и сотни лет назад, из глины, тщательно размятой. И сушат, и обжигают в печах. А закаленную отбеливают тертым мелом на молоке в непорочный белый цвет. Краской праздничной раскрашивают. И народится Белый Конь Ясный День с желтым кругом на груди, жаркими лучами, звездными боками.

Фотографии
А. КРУПНИКОВА.

Среди ярких дымковских коней, баранов, птиц и барынь всегда тихонько звучат песни-«веснянки». Лишь ухо чуткое расслышит их.

*Жаворонки, жаворонки!
Прилетите к нам,
Принесите нам
Лето теплое!
Унесите от нас*

*Зиму холодную!
Нам холодная зима
Надокучила,
Руки, ноги отморозила!*

Дымковская игрушка напоена привольной русской силой, расцвечена любовью к красоте, в ней отразились древние предания и легенды многих народов.

ISSN 0130—8009. Пионер. 1990. № 7. 1—64.

Индекс 70694.

88